

Квадана

Острый
Осколок

Нужно только вспомнить

Путешествие продолжается. наших героев ждет Хрустальный лес и так желанная передышка. Но судьба не любит оставлять своих любимчиков надолго. Новые интриги, проблемы мирового масштаба, неожиданные союзники и старые враги не дадут Суардане, последней банши этого мира, спокойно прозябать за эльфийскими спинами.

Острый осколок

Глава 1 Исправлять всегда тяжелее — результат непредсказуем

Думаешь ты одним местом, оно у тебя вместо головы, руки растут все из того же места, и неприятности находишь на него же. Самое многострадальное место в мире!

Легкий сизый туман рассеянными облачками поднимался от поверхности огражденного камнями озера, окутывая своими влажными ладонями траву у берега. Он спешил и рвался вдаль от воды, раскрывал свои широкие стелящиеся во все стороны объята, стремясь спрятать весь сад под непроглядным покровом собственной дымки. Близится рассвет. Не зря торопится. Еще ват и яркие, пронзающие насквозь неплотное тело белесых облачков лучи изгонят трудолюбивый туман. Маленькие капельки на узких, торчащих во все стороны травинках будут единственными свидетелями ночных событий.

Стройный мужчина с забранными в высокий хвост белокурыми волосами, облаченный в коричневый банный халат стоял на веранде большого особняка. Руки его заведены за спину, а взгляд устремлен куда-то за горизонт. Еле уловимое дуновение сзади, и из неоткуда появляется фигура в черном костюме, скрывающем даже лицо. И вновь идеальное спокойствие. Редкая идиллия, извечно краткая в нашем мире.

Узкая красная полоса выплыла из-за горизонта, окрашивая небо в розово-лиловые оттенки. Неизвестный стоял на одном колене, оперевшись предплечьем о другое, и низко склонив голову. Он не смел нарушить покой своего господина.

— Выяснили? — мужчина в халате не отрывал взгляд от горизонта.

Любой усомнившийся в силе этого мага прощался с жизнью на месте. Зрение приносит ему лишь эстетическое удовольствие. Он пренебрегает им, считая самым обманчивым из всех остальных чувств, которые у мужчины невероятно обострены. Еще за вар до появления слуги маг чувствовал его незримое присутствие в округе.

— Да, Garon.

— Говори.

— Проклятые мертвы. Де...

— Ты хотел сказать, повержены, — раздраженно поправил маг.

— Мертвы.

Маг резко обернулся. В глазах плескалась злоба и удивление. Слуга наклонил голову еще ниже.

— Garon нуа!

— Продолжай, — уже спокойно разрешил господин. Его тело расслабилось, а глаза снова стали гипнотизировать только им известную цель на порозовевшем небосводе.

— Магия земли, Garon. Все проклятые обратились в прах. Полное уничтожение. Вы не сможете их восстановить.

Только произнеся последние слова, разведчик понял, что позволил себе не просто усомниться в силе своего господина, а полностью уверовать в его беспомощность в данном вопросе. Эта мысль была его последней.

Мужская фигура все так же неподвижно стояла на дощатых половицах. Голые ступни оведал робкий ветерок. Несколько острых щепок торчали из досок, образуя рытвины в

идеальном полу. Растекаясь по ровной поверхности и заполняя процарапанные борозды, алая жидкость медленно приближалась к обнаженной карамельной коже.

— Garon нуа. Вы запачкаетес-с-сь, — голос раздался из глубины комнаты. Он оказался глухим и свистящим. Его обладатель был плотно укутан в черный плащ, что защищал его от любопытных глаз. Скрытый тенью не спешил падать на одно колено.

— Пол жалко, — невысокая фигура в плаще хрипло рассмеялась. Маг никак не отреагировал на это, — нужно быть с-с-сдержаннее, Ваша С-с-светлость, — съехидничал голос.

— Не стоит присылать зеленых юнцов, тогда и полы будут в порядке.

— А как же тогда представление?

— Так ты мне их для разминки подсовываешь? Еще не посмотрелся?

— Ну что вы, Ваш-ш-ша С-с-светлость. Ради ТАКОГО я готов вам хоть вс-с-сю армию отдать на рас-с-стерзание, — сладострастно произнес голос.

— Ее растерзание займет не больше чем пол вара. В чем радость?

— Вы правы, поэтому я рас-с-стягиваю удовольствие. Дурачок там, глупыш-ш-ш с-с-сдесь, а мне представление.

— И кто после этого садист? — ответа маг не требовал и сразу продолжил, — давай к делу.

— Как с-с-скажете, Garon.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять — шутки закончились. Господин спустил пар, но новости, мягко говоря, необычные. Держать Его Светлость и дальше в неведении — чревато жизнями.

— Это маг земли.

— Я и без тебя это понял. Кто? — терпение покидало мага.

— Каш-ш-шир.

Время потянулось как нуга, медленно и нехотя. Тишина подавляла все вокруг. И только две птички яркого окраса весело щебетали, танцуя в воздухе друг с другом. Теплые лучи пробуждали желание жить и двигаться. От этого контраст счастливой беззаботности и безмолвного напряжения казался чем-то нереальным. И это несоответствие в равновесии природы нарушил громкий хохот.

— Ха-ха-ха... я пятьсот весен хожу между мирами и ищу... ха-ха-ха, а он... ЗДЕСЬ!

Маг опустил на колени и стал колотить кулаком в пол, истерично хохоча, но от его хохота кровь стыла в жилах. С таким смехом на устах маньяки вырезают деревни за одну ночь.

— Герцог Олсана?

— Ха-ха-ха, ну Атар, ну и гений!

Замах и новый удар останавливается, лишь достигнув земли, что скрывалась под дощатым покрытием. Смех прекратился. Лицо, изуродованное гримасой смеха, превратилось в мраморную маску холодного безразличия.

— Пол вос-с-становлению не подлежит, — грустно вздохнул сиплый.

— Как уведомил твой юнец, сейчас у меня много чего не подлежит восстановлению, и пол волнует меня меньше всего, — герцог поднялся с колен и отряхнул с костяшек правой ладони врезавшиеся в загорелую кожу влажные от росы песчинки.

— Где он?

— Хрустальный лес-с-с.

— Да уж, не думал, что мое самолюбие ранят сегодня трижды. Тринадцать проклятых в пыль за один раз. Растет мальчик, — маг зашел в спальню и направился к прикроватной тумбочке, — никак не ожидал, что он бродит у меня под носом, а теперь еще и к эльфам собрался. Да такого ему вообще не могло в голову прийти! Как хитро! Он обвел меня вокруг пальца!

Взяв кувшин с кристально чистой водой, герцог с горла сделал пару больших глотков. Ледяная жидкость сводила челюсти, но великолепно приводила мысли в порядок.

— Кто-то ему помогает. И этот кто-то очень умен. Его нужно убить! — глотнув еще раз, маг поставил кувшин, — все планы спутал мне, щенок!

— Вас-с-с бьет мелкая дрожь, Ваш-ш-ша С-с-светлость. Может стоит одец-с-са.

— Это не холод, это предвкушение. Наконец-то! Первым падет Ритар! Потом Марон! А за ними меня ждет целая долина!

Широкая улыбка обнажила хищные зубы, не присущие человеческой расе. Глаза полыхали черным огнем, скрывая радужку своими языками. На ухоженных руках аристократа удлинились ногти, принимая более острую форму.

— Теперь она будет моей, — утробный рык чудовища вырвался из уст герцога. Зеленоватое свечение затопило всю комнату.

— Готовы?

— Эм... а может еще потренируешься?

— Ласкан, хватит истерить, я уже достаточно напрактиковалась. У нас больше нет времени. Вот так, — я провела руками вдоль огромного мужского тела и помотала пепельной косой, перекинутой вперед, для большей убедительности, — я не явлюсь к эльфийскому двору!

— Да уж.

— И что бы это значило? — грозно смотрю на Широ.

— А ничего. Баск над такой тобой разве что посмеется и все.

— Неужели? — мне спокойно кивнули, — ну тогда твой вид введет его в состояние перманентной истерики. Вот обрадуется Владыка местами живому, местами мертвому главе тайной разведки, да еще с такой яркой головкой. Прямо маяк а-ля «хватайте меня, я здесь»!

В меня запустили старой, разохшейся от жары кедровой шишкой, ловко сорванной с ветки громадного дерева. Я увернулась и поспешила ответить залпом из более мелких, но более болезненных при попадании ольховых шишек.

— Правда от хохота он помрет быстрее, чем от разочарования, — и впечатала три снаряда прямо в лоб медлительному эльфу в нетренированном теле феникса.

Издаваться над слабым Широ — одно удовольствие. Феникс немедля сгорел, а я начала прицельный огонь по нейтрально настроенным зевакам.

— Ах так, ну сейчас ты получишь. Тар! Хватай шишки и нападай сзади. Не давай ей отступать!

Ласкана охватил азарт. Должна признать, мое тело в отличной форме. Пару раз даже хваленая скорость воина меня не спасла от мстительных снарядов феникса в моей тушке и Тара, но тут уже помогла Ванькина бронированная шкурка. Непробиваемость маньяка радовала, но и пугала одновременно. Ни одного синяка, даже мизерного красного пятнышка.

Он же неубиваемый!

Незаметно, за моими размышлениями к обстрелу моей персоны присоединился и Алкай. Его голова, точнее черепушка василиска, уже не так саднила, и он был в состоянии сделать парочку выпадов. За что и поплатился, брякнувшись оземь от столкновения с удирающей на всех парах от Тара, Ласкана и возродившегося Широ мной. На этом веселье кончилось! Алкай уж слишком жалобно стонал, что даже наши кровожадно настроенные личности заключили перемирие. Салван же скептически наблюдал за всем, чуть ли не крутя пальчиком во всем известном месте.

— Ладно, ребята, мир!?

Ленивой походкой, подволакивая ноги, Широ подошел на расстояние в четыре тара ко мне и, вскинув резко голову, залепил мне шишкой прямо в лоб. Такого я не ожидала. Это же чистой воды подлость, вклеить шишкой миротворцу меж глаз.

— Ты... ты... Сволочь! Вот ты кто!

У меня банально не было слов. От возмущения я даже заикаться стала. А этот розовый стоит и ехидно скалиться. Шкодливого подросток, вредный по определению.

— Раз так! Тогда оставайся розовой немощью!

Это его проняло. Оскал сам собой сошел на нет, а озорные искорки в глазах сменились гневными. Широ снова злился.

— Только попробуй! Я шесть дней тебя терпел, больше не намерен!

Ноздри раздуваются, губы поджаты, а в глазах желание вытрясти всю душу из меня за все хорошее, что с ним приключилось. Такое не проигнорируешь. Разве что тюк дубинкой по темечку и проблема сгорит сама собой. Самый действенный способ на данный момент.

— Э-э-э-э... — я медленно потянулась к валяющейся под моими ногами большой кедровой шишке. Пернатые выели в ней не все семечки, так что у шишки был утяжелитель.

— Не смей, — глаза эльфа округлились.

Я думала, он кинется на меня, но нет. Широ молниеносно ушел вправо, присел, выхватил из зарослей сочной травы очередную шишку и с кошачьей грацией и скоростью запустил ее в меня. Все происходило так быстро. Ловкость этого хрупкого тела поразила всех присутствующих. Откуда такие навыки у вечно ноющей птички-принца, что паникует при малейшей опасности? Откуда эта гибкость тела, что и эльфы обзавидуются? Похоже, Широ был не меньше поражен способностями Ласкана. Моя шишка пролетела мимо эльфа, но нашла другую цель. Бедный Алкай. Снова по голове, притом, что он сидел на траве.

А вот снаряд запущенный Широ достиг желанной цели и снова в лоб. Только мой учитель не учел бронированность тушки противника. Сила удара была впечатляющей, как и отдача. Шишка срикошетила от меня и попала ровнехонько в нос подошедшего слишком близко для атаки Широ. И все-таки Всевышние наказывают жуликов!

— Ну он сгорел, что дальше? — как ни в чем не бывало, спросил Ласкан.

Мы все резко повернулись к нему. Тут такие вещи творятся, а он делает вид, будто мы цветочки собирали все это время. Тар было открыл рот, но я перебила.

— Оставь,дохлый номер. У тебя и так шизофрения цветет и пахнет, не стоит еще и параноидальными идеями заражаться.

— Ты хочешь сказать, что у меня глюки? — раздраженно осведомились у меня.

— Все может быть, все может стать, — съехидничала я, — и все же, брось дурью маяться. Захочет, сам расскажет.

Маньяк не стал спокойнее от моих слов, скорее только нервнее, но вопросов не задавал.

Ласкан оценил это и только кивнул нам в знак благодарности за понимание. Уверена, злой Тар этого даже не заметил. Да уж, тяжело ему держать в узде все чувства светлых, которые первородные столь искусно прячут ото всех своей силой самоконтроля. Меня же беспокоила другая вещь. У всех есть тайны и порой их сохранность дороже жизни. И я уверена, у каждого из нас таких воз и маленькая тележка. Так что, нет ничего удивительного, что за двенадцать дней пребывания в чужом теле переселенец мог узнать его тайны. Крайняя степень агрессии и раздраженности свидетельствовала о том, что каждый уже подглядел парочку секретов и до смерти не хочет, чтобы его собственные были раскрыты чужаком в его теле. Нужно срочно возвращать нас в нормальное состояние. Если не сейчас, то мы просто перегрызем друг другу глотки, только чтоб не раскрывать своих тайн. А я знаю, по крайней мере, двоих, что не остановятся ни перед чем на пути к своей цели. Благо Широ сейчас слаб, однако, как показала практика, может больно ужалить, или ловко увернуться. А вот Тариван в полной боевой экипировке: тренированное эльфийское тело с магическими способностями. Если ему надоеет ситуация — мы все покойники! Я украдкой посмотрела на маньяка. Он потихоньку брал себя в руки. Это плюс. Хватит с нас и того, что уже произошло.

После случая в сапфировой роще, всем было не по себе. Меня же все-таки настигла истерика. Нет, я не кричала, не плакала, я просто маниакально хотела вернуться в свое тело. Меня сильно испугало все произошедшее. Будто рыбу выдернули из воды и отбросили далеко на берег. От безысходности я попыталась воспользоваться магическими способностями Вана. Меня вовремя привели в чувства. Владение магией у банши на нуле, я не знаю даже основ, и звонкая пощечина в купе с гневными криками Широ быстро вернули меня к реальности. Сорвись я, и неизвестно каким был бы результат.

Последние шесть дней в меня втолковывали основы магического мастерства. Точнее, объясняли то, что милостиво подкидывало мне подсознание маньяка. Широ с упорством тарана заставлял меня тренироваться. Для этого Тар и Салван поймали живого зайца и птицу. На вопрос «Почему именно зайца и птицу?» мне не ответили, посчитав ниже своего достоинства.

В первый же рассвет я оставила зайца без хвоста, а птице укутала лапки в серенький мех. Прости зайка, я правда не специально! На второй рассвет я вырастила цветочек на головке у птицы. Получился оригинальный хохолок. На третий у зайца обвисли уши. Но еще вопрос от моих ли стараний или они от безысходности завяли. Ласкан долго хохотал над моим предположением, за что на него еще дня два сверчки пикировали, и еще два подозрительно поглядывали. Теперь феникс к высокой траве вообще не подходит, на что насекомые обиженно прострекотали похоронный марш, а ночью окружают его и устраивают концерты. Должна признать, нам тоже досталось.

Четвертый рассвет принес нам дождь и полное уничтожение запасов. То, что дали дриады, я в пыль превратила еще в первый рассвет. Стоит ли говорить, что до следующего утра мне магичить больше не дали, во избежание ухудшения ситуации.

На пятый рассвет я испепелила зверушек, получила подзатыльник, пинок и удар правой в челюсть. Одна радость, челюсть не вывихнулась. К вечеру того же дня мои пушистый и пернатый мертвецы восстали из пепла, а если просто, то вышли из подпространства в которое я их отправила. Не имею ни малейшего понятия как! Воодушевившись хоть какими-то успехами, я поменяла их изначальное сознание. Заяц забавно махал лапками и пытался чирикать, а птичка скакала и прижималась к траве. Через пару вар они начали приспособливаться к своим телам, и вот тут я вернула их назад в свои тела. Но вот не задача,

права я была. Нельзя повторно влиять на чистое сознание в течение трех дней. Зайка стал дерганным и кусал всех и вся, а птичка, как это ни прискорбно, умерла сразу же.

Больше экспериментировать с живностью я отказалась. Но в этом не было необходимости. Тар подтвердил, что возвращение чистого сознания прошло как по нотам. Теперь осталось только собраться с силами и проделать тоже самое с нами.

— Сам виноват, — сказала я надутому, только возродившемуся Широ, — нечего исподтишка пакости делать.

— Да-да, он подлец, но, может, хватит чуть что, убивать его. Нельзя все мирно решить. Мне уже до зеленых зомби надоело песни петь.

— Милый мой, ты не представляешь, как я тебе сочувствую, — думаю, на моем лице отразилась «самая высокая степень сочувствия».

— Ну, Данка... я... я... Это месть, да? — зло сощурился феникс.

— Как ты вообще мог обо мне так подумать?! — ужаснулась со всей доступной мне артистичностью, ну и Ванькиным обаянием.

— Я так и понял. Еще когда заметил, что ты подтаскиваешь хрустальные иглы из шевелюры нашего садиста...

— Маньяка, — поправила я. Хотя садист ему тоже подходит, как и бездушная скотина.

— С какого перепугу, по-твоему, Широдох каждые полчаса?

— Э-э-э... мошки, — увильнула я.

— Ага, с такими длиннющими белокурыми волосами и кучей маленьких невидимых иголочек, точнее одна мошка, но жутко назойливая.

— Алкай, мне кажется, это предложение продолжить концерт, как думаешь? — оборотень сидел на траве и подхихикивал, держа голову обеими руками, чтоб от содроганий не так сильно саднила рана.

— Сейчас, красавица. Хи-хи! Ох, нельзя же так жестоко. Я думал, у меня снова рана откроется, — и мой двуипостасный подельник вынул из кармана штанов завернутую в эльфийскую сверхпрочную ткань длинную хрустальную иглу, что я втихаря стащила у Тара.

Маньяк, явно никогда не носивший боевую косу, умудрился не пораниться ни разу. Все его внимание было направлено на не нанесение ран самому себе, но он отнюдь не боялся за других, чем я и воспользовалась. Сейчас его коса насчитывает не более пяти-семи игл от полных четырех десятков, что обычно носит Широ. И вот в чем еще одна месть: Тариван все еще думает, что там сорок игл, а значит, у него уходит много энергии и внимания, чтобы ни одна из реальных или фантомных (благодаря моим стараниям) игл не поранила его драгоценную особу.

Феникс был в шоке. Как же так могло получиться, что самый тихий и больной в нашей компании так коварно обдурил всех.

— Так это оборотень иглами Широ нашиговал? — еле слышно проблеяла птичка. Он застыл на месте на полусогнутых ногах в процессе приседания на камушек и впялился в одну точку.

Дам, попахивает разрывом шаблона. Ласкан никак не ожидал таких действий от огонька, да и по выражениям остальных можно догадаться, что никто не ожидал.

— А ты стратег, кошечка. Вон как их плющит, — Алкай широко улыбался. Ему явно нравилась его роль в моей мести, как и реакция на нее остальных. Вот оборотень!

— Скажем так, я не удивлен, — абсолютно спокойно сообщил эльф.

— А? — Ласка все никак не мог выйти из ступора и только бегал взглядом от одного

говорившего к другому. Правда, на камень он все-таки сел.

— Этого стоило ожидать, тем более от Даны. Она у нас не такая и беспомощная. Мозги то на месте, — он сделал паузу, полагая намеренно, — иногда, — как и ожидалось!

— Это похвала или оскорбление?

— Прими за комплемент, все равно ничего лучше не услышишь, — ухмыльнулся мой учитель.

— Вы здесь комплиментами разбрасываться будете, или наконец-то делом займетесь?

Маньяк прав. Я не меньше него жажду вернуться в свое тело.

— Встаньте вокруг меня.

— А с зайчиками и птичками ты хороводы не водила, — вот неугомонный феникс. Неужели они все такие. Тогда не удивительно, что вымерли. Хотя, от шока отошел в два счета, услышав о возврате в собственное тело.

— Хочешь быть зайкой или птичкой, маленькой такой, с хохолком-цветочком, тогда падай вон там на свой обожаемый камень и не мешай мне цивилизованные личности восстанавливать.

— Су, сосредоточься! Потом обсудите свои обиды.

— Широ, — ласково позвала своего учителя, — встань напротив меня.

— Уверенности придаю? — горделиво заметил эльф.

— В каком-то смысле. Просто в случае отдачи, вся мощь заклятия изливается на того, кто перед тобой, — и улыбнулась самой невинной улыбочкой из арсенала безобиднейшее существо на свете и во тьме.

— Алкай, место в партере специально для тебя, увидишь все в подробностях, — Широ подошел к оборотню и, приобняв за плечи, поставил напротив меня, — даже стекающие капельки пота.

— Э-э-э, красавица...

— Спокойно, сбоев быть не должно, — попыталась успокоить я огонька.

Если судить по виду рыжего, слова мои вселили лишь каплю уверенности в его звериную натуру. Волк Алкая не глуп, он чувствует риск. Но он также отважен, поэтому не отойдет с отведенного ему места. А вот Широ удивил. Он встал ровно позади меня. Идеально прямая спина, гордо поднятая голова и уверенный, лишь чуть взволнованный взгляд. Тыл прикрывает, значит. А вид такой, будто Хрустальный дворец охраняет, не меньше. Какой драгоценный у меня тыл. Я ухмыльнулась про себя, но уголки губ все же немного дернулись вверх. Эльф оценил это как одобрение его действий. А я не против, пусть страхует. Ненароком вспомнила наши миссии. Тогда мы часто прикрывали друг друга. В этом первородному можно было довериться, поставив на кон хоть всю сокровищницу Древнего.

— Начинаем?

— Не спрашивай нас, начинай, когда сама будешь готова. Ты почувствуешь, — не ожидала этих слов от феникса.

Иногда мне кажется, что Ласкан только притворяется балованным, трусливым юным принцем. Или это лишь одна его половина, а вторая очень умна и мудра.

Я кивнула в знак того, что поняла и сосредоточилась на поставленной задаче.

«Подари мне взгляд, я умру, но сверну горы. Протяни руку — завоюю мир, пусть и посмертно. Позволь украсть поцелуй, я стану богом и остановлю время. Даруй мне надежду, и я буду жить тобой».

Голос звучал у меня в голове. Он повторял снова и снова фразу, что будила во мне воспоминания, глубинные, спрятанные за семью печатями и, почему-то, опасные.

Глаза я открыла уже будучи частью круга со всеми. Первое на что упал мой взгляд, была фигура пепельноволосого воина, что стоял в центре, окруженный нами. Себя я не наблюдала, точнее свое тело, значит, получилось. Мы вернулись!

Словарь

1. Ват — час
2. Вар — минута
3. Гарон — господин
4. Гарон нуа — мой господин
5. Тар = метр.

Глава 2 Эльфийские заморочки

— Подари мне взгляд, я умру, но сверну горы. Протяни руку — завоюю мир, пусть и посмертно. Позволь украсть поцелуй, я стану богом и остановлю время. Даруй мне надежду, и я буду жить тобой.

Приглушенный сгустившейся вокруг темнотой огонь в камине освещал центральную комнату особняка. Ночь породила тьму, свою вечную слугу, что требовательно затягивает в свой омут любое порождение света. Но огонь опасен. Он разгоняет мрак и дарит свет. Неистовая стихия, перед которой даже ночь не смеет заявить свои права. Ничего не изменилось и сейчас. Тьма робко тянет свои рваные руки к сидящей в кресле девушке, а беснующееся пламя безжалостно рвет ее полог, тускло освещая фигуру гостя. Борьба за лик неизвестной продолжается. Огонь чуть гаснет, и тьма начинает свое наступление, захватывая редкие кусочки пространства вокруг, недавно милостиво покинутые непостоянным, танцующим дикий танец, пламенем. Но вот новый, яркий всполох в камине — страстная вспышка в танце, и оранжевые языки слизывают темные пятна со всего, до чего дотягивается их свет, как голодная кошка слизывает сметану со своих усов.

В мягком, с высокой спинкой, кресле сидит, подобрав под себя ноги, жрица в ожидании ответа. Напротив, у высокого мраморного камина на шкуре таара[1], подперев локтем голову, лежит на боку маг. Его пепельно-белые локоны ниспадают на пол позади и распадаются на тонкие серебристые пряди у самых корней, разделенные широкой пятерней воина, что поддерживает его голову на весу.

— Я жду.

— Прости, но это не имеет никакого смысла, — обреченно вздохнул воин.

— Ошибаешься. Смысл есть во всем, его просто нужно найти, — девушка прикрыла глаза. Ее обволакивала сладкая дрема.

— Значит, из меня никудышный сыщик.

Маг свободной рукой водил по гладкой шерсти, закручивал ее спиралью и просто пощипывал. То было явным признаком мыслительного процесса. Он думал.

— Объясни мне свое видение, и я открою тебе свое.

— Я не могу понять одного: зачем дарить надежду и получать только одну любовь, если можно иметь все на свете, при этом лишь пококетничав. Твое высказывание не имеет смысла, — воин раздраженно провел рукой по шкуре в том месте, где только что вырвал клоч шерсти.

— А я думала, мы уже прошли стадию гнева из-за непонимания. Когда ты злишься, сложнее увидеть истину. Даже если она перед тобой, — жрица грустно вздохнула и пристально посмотрела прямо в глаза магу, — я могу объяснить тебе все до мельчайшей детали, привести примеры, поделиться опытом, но понять, я не могу тебя заставить. Ты должен почувствовать привязанность к кому-либо на себе, всей душой откликнуться на зов. Любовь нельзя понять разумом. Пока твои чувства лишь теория ты обречен на поражение.

— Тогда объясни свою теорию, — ехидство так и сквозило в его словах.

Предчувствуя крах жрицы, маг ухмыльнулся. Причем здесь чувства, если логики нет. Мужчина был уверен в своей правоте. Слова, однажды сказанные кем-то, не имеют ни капли здравого смысла.

— Хорошо, — девушка слегка изменила позу, чтобы размять затекшие ноги, — даря взгляд или редкое прикосновение, но оставаясь при этом холодным и бесчувственным к любящему тебя человеку, ты можешь получить выгоду от него, получить власть над ним и даже его смерть. Это правда.

Воин лениво потянулся и заложил руки за голову. Его прекрасные длинные волосы раскинулись серебристо-пепельным покрывалом под ним, а на лице заняла свое место улыбка одобрения произнесенных слов.

— Но...

Воин слегка вскинул брови вверх и перевел взгляд с бегающих по отделанному лепниной потолку зайчиков от огненных всполохов на девушку.

— Но?

— Но ты никогда не получишь его жизнь, ведь ты отвергаешь ее. Не ответив на чувства, ты никогда не увидишь этой жизни. Она обойдет тебя стороной. Только если ты подаришь надежду на взаимность, пусть самую маленькую, еле уловимую, но все же надежду, ты получишь счастье, получишь его жизнь. Ответные чувства проснутся и в тебе. Когда кто-то завоевывает тебя не холодными материальными вещами или бездушными, как власть и преклонение, а всего лишь даря тебе счастье, надобность в остальном отпадает. Но пока ты не почувствуешь хоть каплю любви, счастье не найдет тебя. Ты так и будешь получать бездушные подношения и надоевшее тебе преклонение. Только надежда способна сотворить чудо.

В глазах воина все еще читалось непонимание.

— Объясню проще. Когда испытываешь хотя бы симпатию к человеку, ты открываешься ему, рассказываешь о своем прошлом, о привычках, о том, что тебе нравится. Если ответных чувств нет, то твой любимый просто не обратит на тебя внимания, и все, что ты с таким трудом открывал ему о себе, будет бесполезно. Он не запомнит ничего о тебе. Он не получит твоей жизни даже при том, что ты так пытался подарить ему ее. С другой стороны, твой возлюбленный не откроет тебе ничего из своих сокровенных секретов. Он не станет рассказывать о себе больше, чем кому-либо другому. Его жизнь будет закрыта для тебя, так же, как твоя для него. Вы чужие. Поэтому, умерев за возлюбленного, который не отвечает на твои чувства, ты даришь ему не жизнь, как в выражении «отдать жизнь», а свою смерть. Вы просто случайные знакомые, и не важно, как глубоко было твое чувство, счастье не достигнет тебя без взаимности.

Спокойствие. Оно распространилось по всей комнате, смежило веки жрицы, утихомирило беспокойное пламя, оставив угли тлеть, и опустилось на плечи воина. Он понял смысл и даже прочувствовал его. Слова заставили его задуматься. Мешала ли ему когда-либо его холодность? Он соврет, если скажет, нет. Жрица единственная, кто видит ущербность в строгом воспитании мага, а не преимущество.

С ранних лет отец отбивал у него любые чувства. «Воин должен мыслить здраво и холодно. Чувства убивают. Дашь им волю — умрешь!» — так всегда говорил вождь племени. Воин верил в это, свято верил. Тогда почему его накрыло спокойствие, а не презрение. Неужели он не просто понял ее точку зрения, но и прочувствовал.

Маг был сбит с толку. И это нравилось жрице. Она смогла пробиться к заколоченным в гроб и похороненным за огромной стеной чувствам. Пусть это всего лишь сомнение, но цепи, сковывающие сердце, порваны. Теперь вопрос времени, когда воин сможет понять себя до конца и дать волю эмоциям.

Это маленькая, но очень важная победа в череде других, что ждут их в будущем.

Зомби меня задери! Как я рада, наконец, оказаться в своем собственном теле, и даже умерший в первые же секунды после возвращения Ласкан вызвал только радость. Я пела с таким воодушевлением очередную пакостную песенку, что на меня начали странно поглядывать — не тронулась ли я, случаем, умом.

Вторым радостным событием стал Малыш, затолкавший маньяка на задворки своего сознания. Как же я соскучилась по своему ненормальному. Не обращая на остальных ни малейшего внимания, я кинулась обнимать Ванюшу и целовать его в обе щеки. Мне ответили щенячьей радостью и мертвой хваткой. Вырваться пришлось долго. Малыш был сильно напуган. Где он находился все эти двенадцать рассветов, я не знаю, но страх был неистовым. Будто его вышибло из этого мира на время нашей путаницы, и он боялся остаться там навсегда.

Что же до Широ, то эльф спокойно подошел к Ласкану, не говоря ни слова, снял с него свою перевязь со стилетами и скрылся за деревьями, так и неся ножны в руках. Через вар пять послышался свистящий звук лезвия разрезающего воздух и хруст падающих деревьев. По грохоту было ясно, что срубили деревце радиусом минимум в пол тата. Ну что ж, этого следовало ожидать. Столько времени быть заключенным в беспомощном теле без возможности сражаться. Ему нужно выпустить пар, но первородный никогда не сорвется перед чужаками. Даже Широ с его смешанной кровью допустит такое только в крайнем случае. Хорошо, что роца кончилась, а то не избежать нам очередной встречи с духами леса.

— Сколько осталось до границы?

— Пара тат[2], не больше. Как ты себя чувствуешь?

— Вполне, если учесть, что пол вата назад у меня был расколот череп, — весело ответил огонек.

Он и вправду выглядел намного лучше, да и вернувшаяся на спокойное лицо насмешливая улыбка радовала как никогда. Ну никак у меня не вязалась внешность Алкая с характером Салвана. Они полные противоположности. Яркий, жизнерадостный оборотень и серая, безэмоциональная рептилия.

— Правильно! К-как у оборотня справиться о здоровье, т-так пожалуйста, а к-как обо мне... — кто-то розовый злится.

— Ты же только что переродился. Ты просто в идеальном состоянии всегда, — поддела я.

— Ага, особенно п-после того к-как твой эльф с выражением «убью любого, кто подвернется, к сраным зомби» на лице подошел к-ко мне и, излучая убийственную ауру, н-начал раздевать, — истерил феникс.

Представляю, какая морда была у Широ, что птичка заикаться стал.

— Он всего лишь снял перевязь, причем свою. Хватит преувеличивать, — попыталась успокоить.

— А я преувеличу, если скажу, что пошевелись я в момент своего раздевания, и я труп.

— Восстающий из пепла труп, — заметила я.

— Думаю, про это Вартек в тот момент забыл, — вмешался Салван.

Он стоял, облокотившись о дерево, и вся его поза выражала лишь спокойствие и

никакого присутствия недавней нестерпимой боли. Просто скала, а не мужик.

— Сомневаюсь, Салван.

— А я не сомневаюсь. Ты его не видела, Дана. Он убил бы любого, мамой клянусь!

— Что за клятвы с утра пораньше?

Ласкан подпрыгнул на месте, а наша четверка обернулась на голос. На тропинку вышел Широ. Перевязь с ножами позвякивала у него на поясе, а лицо было спокойно и уравновешенно. Значит, пронесло.

Я верила Ласкану. Но одно верить, а другое поддержать. Не стоит им знать, насколько близко к кровавой бойне мы все были. За четыреста пятьдесят весен я изучила взрывной характер учителя. И беспомощность именно то чувство, что гарантированно выводит его из себя и может привести к очень кровавым последствиям.

— Да так. Лес еще существует? — решила проверить состояние эльфа.

— Как и раньше. Просто новая полянка появилась, заплутавшим путникам на радость. Пора. Сворачиваем лагерь.

Отлично. Деревья приняли на себя весь удар. Он спокоен. Осталось еще одно маленькое дельце.

— Ванюша, а где наши копытные преследователи, не подскажешь?

— Кто?

— Ясно, значит, только я в твоём теле чувствовала их. Широ, как далеко коняшки?

Первородный был удивлен, как и все присутствующие.

— Они до сих пор за нами идут?

— Да, остроухий. Так где?

Широ замер на ван[3], положив ладони на землю, а потом резко поднялся.

— Эти хитрецы меньше чем в тате позади нас. Снимаю перед ними шляпу, они идеально маскируются. Не знай я, что они где-то рядом, то и не засек бы их, — эльф замолчал и задумался, но потом посмотрел на феникса и продолжил, — а ты их почувствовал, Ласкан?

Ласкан дернулся и обернулся. У него был весьма затравленный вид.

— Каким боком? — а это уже возмущение.

— Не знаю, ты мне скажи.

— Широ, что происходит? Ты его и так чуть до очередной смерти не напугал, а теперь ведешь себя, как на допросе.

Эльф не ответил. Он просверлил феникса взглядом, а потом, как ни в чем не бывало, начал собирать лагерь.

— Я его боюсь, Данка. Можно я с тобой поеду? — прошептал феникс, чуть не вжавшись в меня всем телом.

— Успокойся Ласкан. Ничего он тебе не сделает, по крайней мере, пока я здесь. А ехать будешь сам, ко мне скоро транспорт вернется.

— То есть, это Кайа и Палан позади нас.

— Ага, они голубчики. Кайа! Выходи несмышлениш! Хана вашей конспирации!

— Дана, ну какого голодного вампира? Мне так понравилось вас дурить, а вы все это время о нас знали.

— Знали, но не все.

Из лесу высунулась воронья морда огромного жеребца. Пепельная грива, спутанная ветром, скрывала бесстыжие глаза кельпи. Он переминался с ноги на ногу и не решался

подойти ближе.

— Двигай свои копыта сюда. Я сразу знала, что ты не вернешься домой.

— Откуда? — вскинул голову Кайа.

— От чудо-юда! Ты свои глазенки видел? Горят как две магические свечки на тат вокруг. Это путешествие для тебя, как глоток воды для жаждущего. Не надо быть мудрецом, чтобы просчитать твои действия.

— Дана-а-а... — неуверенно протянул кельпи, — тут такое дело...

— Говори, давай!

Кайя глубоко вдохнул, а на выдохе выпалил все как на духу:

— А Палан со мной, и он возвращаться не собирается! — и быстро зажмурил глаза.

— Боишься моей реакции, жеребчик?

— Э-э-э... да.

— Вот и хорошо. Значит, нервничал давно и долго.

— Эм, и ты не против? — он посмотрел на меня, ища подтверждение своим надеждам.

— А у меня есть выбор? Да и ты уже свое получил, зови зверобратца.

— Не называй его так, — промычал себе под нос Кайа.

— О, нет, это моя маленькая месть!

— Глава разведывательного отряда Хрустальных лесов, Широарт ла Эк! Какая встреча! — издевательский голос раздался откуда-то сверху, и ни капли дружелюбия в нем, — тебя пятьдесят лет как не видели здесь.

Все дружно запрокинули головы и начали лихорадочно искать говорившего. Эльфы, а это были именно они, не заставили себя долго ждать, и уже через вар перед нами стояло пятеро первородных в камуфляжной зеленой одежде. Такую используют, чтобы незаметно прятаться в кронах деревьев, откуда патруль и спустился.

— Глава личной охраны Владыки Хрустальных лесов, Радиан сен Алет. И что же заставило столь высокопоставленного первородного покинуть своего патрона? — в голосе явно сквозила насмешка. И не зря, Широ терпеть не может этого высокородного эльфа, наследника Старшего дома Алет.

— Может, именно от вас и зависит его безопасность. Кое-кто не внушает Владыке доверия, Pereldar[4], - небрежно бросил глава охраны.

Не знаю, что такое «pereldar», но это заставило голос моего учителя стать мурлыкающим. Не завидую его противнику.

— И кто же?

Дальше я не слушала, меня отвлекли.

— Мне кажется, или у них не все гладко? — какой умный огонек.

— А меня больше волнует, не повлияет ли это на наш пропуск? — феникс как всегда подходит ко всему с практической стороны. И что ответить? Остроухие не зря остроухие, слух у них отменный. Но так как мы стояли чуть поодаль, я рискнула пошептаться немножко.

— Не повлияет. Но отношения у них и правда не сахар. Ширчик у нас без рода и племени, а Рад наследник Старшего дома. Сами понимаете...

Договаривать смысла не было. Извечная проблема простолюдинов и родовитых. То, что эльфы все еще мерялись, у кого больше, говорило, что нас они не слушали, на что и был

расчет.

— Рад, ты долго еще будешь пыхтеть на Широ как малолетний дракон и изображать оскорбленное достоинство.

Эльф тут же выглянул из-за плеча моего учителя и стал искать взглядом наглеца. Я же, для проформы, спряталась за Малышом.

— Сушка, ты ли это? И двух лет не прошло, а ты опять вляпалась. Решила нам дворец отреставрировать? Совет уже больше года ремонт в зале заседаний планирует. Проведу потайными ходами, никто и не подумает на тебя.

Издевается, гад. Помните, я про эксперименты рассказывала и про телохранителя, то бишь няньку. Знакомьтесь, Радиан сен Алет, моя высококвалифицированная нянька!

— И тебе не тужить, Ди, — я вышла из укрытия, — неужели контракт няни продлили? Я польщена.

Скрипнули зубы. Какие мы вспылчивые.

— Мое имя Радиан, могильщица.

— Фу, как грубо, Ди. Наследники так не говорят. Следи за своей речью, глядишь, другого на твое место возьмут, не Всевышние весть, какая потеря.

— Не стоит тебе, девочка, по закоулкам столицы одной шастать. Вдруг возьмет, да и не выдержит мое эльфийское терпение.

— Не к орку выдержка у тебя наследник. Стыдно скатиться до угроз, да еще при всех. Как Баску уши будешь заговаривать? Он от тебя и их не оставит, если только я на сувениры не попрошу. А я попрошу, не сомневайся.

Эльф, что раньше стоял за Радом, но гораздо ближе, чем остальные, положил наследнику руку на плечо и чуть сжал. Ага, значит он его заместитель. Рискованно, первородный, такой жест может тебе дорого стоить. Рад не прощает унижения никому, ну, кроме меня. Так открыто показать, что твой начальник не удержал свои эмоции, то же самое, что опозорить его. Попал эльфик.

— Владыка Хрустальных лесов приветствует вас и приглашает в Правящий дом. Позвольте сопровождать вас.

Стоп-стоп! Он еще и заговорить осмелился!? Я посмотрела на Широ. Легкий кивок Охохоюшки, кажется, Рад не самый родовитый из присутствующих, если не считать, что Ласкан принц. Интересно, кто же наш первородный такой?

— Мои спутники с удовольствием принимают приглашение Владыки Алибаскаэля, и будут рады, если вы сопроводите нас, — ответила я, так как Широ, по сути, и так свой, а вот мы — гости. Пусть некоторые и зачастили сюда.

Мне поклонились, приветствуя, и попросили следовать за ними. Теперь понятно, почему нашу компанию не остановили на границе. Нас попросту пропустили и отослали гонца с сообщением в столицу. Вуаля — эскорт готов. А я волновалась, от чего от эльфов ни слуху, ни духу. Уже неделя, как мы идем по Хрустальному лесу, и никаких признаков лесного народа не было, до сего дня. Если я не ошибаюсь, то до столицы какой-то день пути остался. И тут возникают проблемы. Нет, не с Радом, упаси Всевышние! Надо как-то объяснить Баску про Малыша, Ласку, Кайю и зверолошадь. А вот как это сделать, ума не приложу. Нужно ли все ему рассказать?

— Прошу простить мою грубость, могу ли я называть вас Суардана? — я посмотрела вниз.

Рядом со мной шел тот самый эльф, что так ловко прекратил нашу перебранку с Радом,

которая, чего греха таить, подняла мне настроение. Нужды останавливать Кайю и спешиваться для разговора не было. Эльф прекрасно меня слышал, и его ничуть не смущало, что мой конь (который просто конь и ничего больше для всех, кроме посвященных) в холке выше его головы на пару тан[5].

— Да, можете.

Первородный шел неспешным, размеренным шагом и смотрел перед собой. Я же, воспользовавшись моментом, рассмотрела его получше.

Длинные, до пояса, шоколадные волосы, заплетенные в аккуратную, тугую косу. Ровный орлиный нос, высокий квадратный лоб, полноватые губы, широкий мужской подбородок и чуть впалые щеки. Фигура стройная и мускулистая. В общем, красивый, как и все эльфы. Но одно меня насторожило: небесно-голубые глаза с темно-синим ободком по краю радужки. Я уже видела такие глаза, пусть их контраст между голубизной радужки и ободком не был так ярко выражен, как у этого первородного, я уверена, что не ошиблась.

— Суардана, я хочу принести свои извинения за недавнее недоразумение. Я не в коем случае...

— Хотите убедить меня в том, что не могли вмешаться раньше, так как Рад ваш начальник?

— Именно.

— Весьма сомнительно.

— Что вы имеете в виду? — он поднял на меня глаза и изобразил легкое замешательство. Да-да, именно изобразил.

— Давайте на чистоту, — он кивнул, — если бы вы хотели все уладить, то вмешались бы раньше и не стали позорить начальника и тем самым подставлять себя. Вы не боитесь наказания за нарушение субординации. Вам нечего бояться. Все это лишь попытка одурачить нас.

— Вы умны, Суардана, — эльф ухмыльнулся.

— Не жалею. А если хотели поставить сына на место, не стоило втягивать в это меня, Ривалиан сен Алет, глава Старшего дома Алет. Ваш отпрыск и так меня на дух не переносит, — и я отъехала чуть вперед, поравнявшись с Ваном. Уж лучше с Малышом о глупостях поболтаю, чем снова в эльфийские интриги влезу.

Широварт ла Эк

— Она специально провоцировала Радиана!

Ривалиан никак не унимался. Мы сидели на берегу ручья недалеко от разбитого лагеря, предварительно поставив защитный купол от прослушки.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, она очень умна, даже слишком. Суардана видела меня впервые и так легко раскусила. Я был лучшего о себе мнения, — глава Старшего дома Алет был раздражен.

Если честно, то я его понимаю. Иногда проницательность моей ученицы и меня ставила в тупик.

— Успокойся Рив, если бы ты не остановил своего сына, она бы ничего не поняла, — попытался успокоить расстроенного друга.

— Я не мог позволить ему окунуться во власть эмоций — это позор. А в случае твоей

ученицы, ты не прав Вартек. Она придумала бы что-то еще, но вывела бы меня на чистую воду. У девчонки будто артефакт истинной сути под плащом.

— Она была наугад, не сгущай краски, — здорово его зацепило, впервые вижу Рива таким обеспокоенным.

— Это ты открой глаза, Вартек. Она опустила моего сына при его подчиненных и своих спутниках специально, и я сдержался, но нет, она была до конца. Пусть Суардана не знала конечную цель, но она выиграла, а я проиграл. Пять орочьих вар и меня раскрыли. Пять, Вартек! Пять! Даже ты бы так не смог.

— Да уж, что сказать, она упрямая.

— Упрямая, как же. Боюсь, ты не все знаешь о своей ученице. Присмотрись, друг. Она нас насквозь видит.

— Только тебя.

— Что? — удивление, как же давно я хотел увидеть его на лице Рива.

— Я живу другой жизнью, и о ней Су знает все. Абсолютно все! Баск никогда не врал ей. Да, скрывал, но такие задачки она щелкала как орешки. И чем больше она восстанавливалась, тем сильнее проявлялось ее превосходство над всеми нами. Что до спутников, то один ни орка не помнит, другой обычный оборотень, ничего интересного, третий может забывать все, что пожелает, а Салван ей неприятен, и она сама отталкивает его, иначе уже давно ему душу препарировала бы. А ты, друг мой, хотел просто поиграть. У тебя нет того иммунитета, что мы сами у себя выработали. Прости, но ты как открытая книга для нее.

Я замолчал. Сказать, что Рив был удивлен, значит, ничего не сказать. Передо мной ему не было нужды притворяться, да и о Су он знает все с самого первого дня ее пребывания в Хрустальных лесах. Чего уж тут скрывать. Да она развела его как котенка! Но я не хотел ранить его самолюбие. И все равно пришлось.

— Э-э-эм... слов нет.

— Согласен.

Что я знаю о своей банши, так это то, что глаз с нее спускать нельзя. Сейчас она в столице крушит замок, а через ван уносит ноги от карателей, которых уже лет двести никто не видел. И ты, как последний идиот, несешься ей на помощь, потому что она одна из последних представительниц своего рода. И так я провел последние пятьсот лет. Кто-нибудь, дайте мне отпуск!

Словарь

[1] Таар — представитель кошачьих, размером со среднюю лошадь. Имеет коричневый окрас. Особая примета — способность мимикрировать под окружающую среду.

[2] Тат — 1500 км.

[3] Ван — секунда

[4] Полуэльф.

[5] Тан = сантиметр

Глава 3 Мы прибыли!

Говорить правду — терять дружбу.
Народная мудрость.

Кайя из рода Гарцующих в глубине

Яху! Какой простор! Я несся по главной дороге через весь нижний город. Много маленьких каменных и деревянных зданий, лавочек, кузниц и пекарен, но меня это не волновало. Широкая, покрытая хрусталем дорога так напоминала мне водную гладь Онры! Ни одной щербинки на идеально гладкой поверхности и неисчислимое количество бликов всевозможных цветов самой яркой радуги. Никогда моя река не преломляла столько разноцветных зайчиков. Дикий восторг! Ускоренный галоп и прохладный ветер, завывающий в не прижатые уши и вздымающий гриву у самого ее основания.

Я видел усыпанные хрусталем, как каплями воды после обильного дождя скальные наросты по всему лесу и поражаюсь их идеальной чистоте. Будто Всевышние, взяв горсть своих безупречных слез, рассыпали их по эльфийской земле. Но я даже не мечтал ступить на путь, хрустальным потоком стремящийся ввысь, к подножию горы, что полностью состояла из кристалла. Прозрачный камень то гладко, то угловато вырисовывал очертания огромного дворца-замка. Не раздумывая ни секунды, я ринулся к нему, ведомый зовом своей души.

— СТОЙ!

Я встал как вкопанный, а учитывая скорость, с которой несся, то полетел кувырком, увлекая за собой наездницу.

— ТЕМЕНЬ И ЕЕ ТВАРИ!!! Дзынь-тинь!...ПАРШИВЕЦ! Бах-бабах! Я тебе не переломаю и завяжу бантиком! А-а-а-а-а! Брэмц! Грымц!

Все затихло. Я боялся открыть глаза и узреть свою хранилищницу в неестественной позе без капли жизни внутри. Червячок вины и страха неистово грыз меня изнутри. Да что там червячок, стайка зомби грызла с особой жестокостью.

— Данка-а-а-а... — голос феникса дрожал.

То, что это был именно он, я понял, даже лежа на лопатках и задними ногами меся воздух. И все это в лошадином облике!

— Да-а-анка-а-а? Ты там живая? — Ласкан не торопился спешиваться и приближаться к нам.

Они с Ваном по очереди ехали на Пале всю дорогу. Теперь была очередь феникса. Единственной лошастью из всех, кто смог бы нас догнать, была именно Паля. А посему, не стоит удивляться, что остальные еще не здесь. Зная эту кобылу, могу предположить, что она из врожденной вредности сразу ринулась за нами, а уж никак не из-за испуга за наши жизни.

— Эй! Ты жива? — на скаку останавливая моего сородича, кричал эльф.

— На вряд ли... Темень! Чую, пахнет переломом... Ау! И не одним!

Я побледнел, хотя куда уж бледнее? Видеть себя со стороны не могу, но кровь схлынула в пятки однозначно!

— Су, встать можешь?

— Не уверена!

Я, наконец, перевернулся на лапы и стал выискивать свою lati[1]. Мать моя водная стихия! Ругательство чуть не вырвалось наружу. Вовремя вспомнил, что я тупая скотина с мороком на когтистых лапах.

Картина была страшной. Точнее, несла ужас в мое будущее, потому что такого банши мне не простит.

Небольшой разохшийся деревянный домик с когда-то покосой крышей, а теперь без оной, стоял в пяти тарах от хрустальной дороги, в которой четко виднелась трещина и почти два десятка глубоких борозд. Я скоренько вобрал когти и поджал под себя лапы, почти упав от своих же действий. Дорога скользкая, без своих нетрадиционных для лошади лап проблематично по ней передвигаться. И как только Палевая нас догнала?

Я снова повернулся на грохот дерева. Из пробитого Даной прохода в деревянной стене начали вылетать поломанные доски и черепица. Да-да, крыша грохнулась точнехонько на мою хранильницу. Надо ж было так не свезти!

Эльф усердно откапывал из-под завала Дану. Когда через пару вар послышалось злое бормотание и вскрики боли, я рискнул подойти. Когти я так и не выпускал. Вдруг засекут остроухие, я им тут национальное достояние поцарапал. Кто знает, может у них за это головы рубят!

— Можешь идти?

— А как же! Даже бегать! Темень, вислоухий! Ты слепой! Да я только ползком ближайшую неделю и буду передвигаться! Посмотри на меня!

Ой-ей! Пора бежать, пора бежать! И как можно дальше и тише!

Я попятился. Ага, уже убежал! Меня эта чертова кобыла копытом по крупу долбанула. Обернулся, а она смотрит на меня осуждающе, как на преступника, и не шевелиться. Попытался обойти. Щас, ага! Уже пропустили! Паля ходила взад вперед вместе со мной и всем своим видом говорила, что через эту глухую стену упрямства я не пройду.

— Сто-о-ой, драконий выродок! Куда намылился?

Ай-яй! Дело труба! Смотрю на приближающуюся кончину и так страшно, даже скрип от высвободившихся когтей не заглушил бешенное биение сердца. А Дана все приближалась. Удивительно! Только что стояла с трудом пополам, а теперь так грациозно на меня надвигается, будто и не болит ничего. Так, пара царапин и все.

— Дан... м-м-м... — хотел оправдаться, да вспомнил, что я обычная скотина, — ф-р-р-р, фр-р-р, фр-фр-фр, — и при этом голову пониже-пониже и потрясем, — фыр-фыр-фыр-фыр-фыр-фыр! Фр-р-р-фыр!

— Аха-ха-ха! О Всевышние, не дайте помереть от смеха! Пфа-ха-ха!

Следующим, что я услышал, был дружный смех со всех сторон. Я решил осмотреться из-под челки, но на мою покаянную голову уже никто не обращал внимания. Все подоспевшие к сцене лошадиного извинения ржали во всю, как мои дальние сородичи — кони. Дана повисла на руке у эльфа и постанывала, то ли от смеха, то ли от боли, а может от всего сразу. Феникс умирал на траве, а оборотень скалился во все зубы и одобрительно кивал мне. Рядом с ним стоял Ван, который, судя по растерянному лицу, пропустил мое феерическое выступление. И ладно, на бис повторять не стану!

— Впервые вижу, чтоб лошадь так извинялась, — явился папаша начальника нашего сопровождения с соплеменниками.

— Я... я тоже... всхлип! — на смех у Даны сил уже не хватало.

Что до нашего эскорта, эльфы были удивлены увиденным, но не более. И только Салван

не выражал никаких эмоций. Права lati, что-то с ним не так.

И какого этого малолетку понесло как ошпаренного? Я даже опомниться не успела, а он напрямик к Хрустальному дворцу как сиганет. Нам вообще в другую сторону надо. Столица восточнее. Я понимаю, Хрустальный дворец великолепен и огромен. Его вырезали в скале более двухсот лет, поэтому даже из столицы его отчетливо видно. И все же, нам в Tintill Elin. Дорога, устланная хрусталем, ведет к подножию Хрустальных гор и не пересекается со столицей. Только захватывает на своем пути нижний город. Так скажите мне, какого недоеденного зомби, моего коня как под гипнозом потащило не в ту сторону?

Радовало одно, прямой приказ Кайя не смог проигнорировать. Но совсем не обязательно было воспринимать его буквально! Мог просто остановиться, а не встать колом и проскользнуть около десяти тар на морде по горному хрусталу. Кайе еще повезло, у него когти, а мне что прикажете делать?

С горем пополам откопавшись из завала, хотела было придушить мальчишку, но его растерянная лошадиная моська и неуклюжее фыркание вместо извинений растопило мое сердце. Оставалось только постанывать от смеха и саднящих ребер.

Эльфы так и не поняли, с чего наша пришибленная компашка рыдает со смеху. Им же невдомек, что это существо не просто конь, а весьма сообразительный мальчишка-подросток. Остроухие постояли, поудивлялись и успокоились. Да только больше фыркающей лошади их поразил вороной конь, что закрыл голову копытом и тихо давился смехом. Не знала, что у Палана чувство юмора есть. Хотя при первой нашей встрече он не уступал мне в колкостях и острогах.

После небольшого инцидента мне пришлось ехать в повозке с Салваном и Ваном, так как передвигаться верхом в таком состоянии я рискнула бы только при попытке самоубийства. Мой кошмарик, как я ласково прозвала Кайю, плелся рядом с нашей покрытой телегой и даже не фыркнул, что его как строптивое животное привязали, чтоб не убежал. А нечего было мне экстремальные гонки устраивать. Эльфов очень волновал вопрос, почему никто не едет верхом на Кайе вместо меня или на Палане, на котором вообще никто не ехал все время, что он с нами. Пришлось заговаривать зубы. Мол, Кайя никого не признает кроме меня, а Палан конь нашего павшего товарища и еще не отошел от потери хозяина.

— Ну мы и пожалели животное. Ведь такой красивый жеребец! — Палан аж оступился, услышав мою похвалу. Рано радуешься, — жалко, что совсем отупел. Такая потеря!

Эльфы сочувственно закивали, а зверолошадь пеной зашла от возмущения.

— Вон, бедняга, как пеной исходит. Прирезали бы, чтоб не мучился, — я не выдержала и прыснула от смеха, выслушав совет одного из сопровождающих нас первородных. Так подколоть даже я не смогла бы! А самое главное, в точку! Палан понял, что ему не оправдаться и, гордо подняв голову, шел рядом с Кайей. Пенные вечеринки он благоразумно больше не устраивал. Наверно переживал, что не в меру сострадающий эльф таки прирежет его где-нибудь в уголке.

— Дана.

— Да, Малыш?

Ох, что-то не нравится мне его затравленный вид. Ван сидел, подогнув под себя ногу, и

как будто смотрел внутрь себя. Если взглянуть со стороны, то он просто любовался природой, но я видела его глаза. Смотрят на тебя, но не видят.

— Малыш...

— Я ничего не помню. Совершенно ничего... почему так? — сердце невольно кольнуло.

— Милый, просто... — и как объяснить ребенку, что жизнь его предала и разум его болен? Как успокоить, не дав обещаний, или как пообещать и исполнить обещанное? Я была в тупике.

Он заглянул мне в глаза, выворачивая душу наизнанку. Глубокий малахит не давал и шанса вырваться из его плена. Мне не соврать!

— Я не вспомню, да? — а вот и вопрос, на который не одна клеточка моего тела не хотела бы отвечать.

— Я не знаю... Правда, не знаю.

Он отвернулся, и взгляд его снова стал отрешенным. О Всечувствующие! Я хотела подбодрить его, а вместо этого подтвердила наихудшие опасения. Смотря в глубину его глаз, я не смогла соврать, не имела на это права.

Я потянулась к его голове и легонько, еле касаясь пальцами его волос, провела ладонью от макушки до кончиков его пепельного водопада. Ван обернулся. Я вздрогнула.

— Дана! — и я пала под натиском щенячьих чувств.

Благо, Салван решил прогуляться с эльфами пешком, а то еще и его придавило бы. Повозка-то маленькая, развернуться негде!

— Малыш, — писк прихлопнутой сапогом мыши, — дышать...

— Дана, а я поймал кузнечика, хочешь посмотреть? — и он слез с меня, с детским восторгом ожидая моего ответа.

— Конечно, дорогой.

Боль схватила своими цепкими лапами сердце и медленно рвала его, втыкая острые лезвия когтей в самую середину. Мой Малыш снова потерял себя. Только что я думала, что мне больно. Нет, эта боль даже рядом не стояла с той, которая ворвалась ко мне в душу в тот момент, когда я увидела беззаботное лицо человека, что потерял себя, так и не обретя. Это было жутко. Он попытался вспомнить, бороться, но его собственный разум — его враг. Как должно быть страшно не верить своему разуму и быть им преданным.

На глаза наворачивались слезы. Я ничего не могла с ними поделать. Вот он, беспомощный мальчишка с блеском предвкушения в глазах, протягивающий мне кулак с зажатым в ней кузнечиком и ожидающий моего восторга. Он не ведает, что терзало его душу еще вар назад. Возможно, это и к лучшему. Жить беззаботной жизнью, веря в чудеса, не ранит его так, как осознание беспомощности и безвыходного положения, в котором он оказался. Пусть радуется жизни, а я прослежу, чтоб она была, наконец, счастливой.

— Ух ты! Какой красивый! Ты сам его поймал?

— Да! Он запрыгнул в повозку, а я его схватил за лапку. Боялся, оторвется. Не оторвалась!

Ванюша счастливо улыбался и уже десятый раз показывал через щелку между больших пальцев кузнечика, запертого в его ладонях, как в неприступной тюрьме. В такой же тюрьме был сам Ван.

Ты никогда не выберешься из своей камеры, она прочнее времени. И только маленькая щелка позволяет увидеть хоть малейший просвет в кромешной темноте. Смогу ли я когда-нибудь, как сейчас смотрю на кузнечика, заглянуть в трещину тюремной стены и увидеть

настоящего Малыша. Сильного, смелого и стойкого. Я так хочу его увидеть!

— Дана, тебе больно? Ты ударилась? Не плачь!

— Все хорошо. Я не буду плакать.

— Честно?

— Честно-честно!

Я обняла взволнованного мужчину.

— Все будет хорошо, Малыш.

Не важно, кто сейчас Ванюша. Я стану для него тем самым просветом, через который он видит мир.

— А ты заплетишь меня? — он просительно уставился на меня. Я невольно улыбнулась.

— Лохматый?

— Это не я, это ветер! — возмутился Малыш.

— Конечно ветер, кто ж еще, — я рассмеялась, — поворачивайся, давай.

И вана не прошло, как мой детенок уже сидел в привычной позе спиной ко мне. Пальцы немного подрагивали, но я заставила себя успокоиться. Не надо пугать Ванятку. Лишь расчесав кашемир его волос, я расслабилась и отрешилась от всего мира, придумывая наиболее интересные комбинации причесок и выплетая их.

Я стояла в центре зала Совета и бегло осматривала присутствующих. Полный состав во главе с Владыкой — Алибаскаэлем рэн Сиу, главой Правящего дома Кране. Интересно, что за повод? Явно серьезный. По прибытии мы встретили Баска в коридоре дворца, когда нас вели в отведенные гостям покои. Он очень спешил.

— Горгулья!

Выскочил из-за угла Владыка и наткнулся, естественно, на меня.

— Спасибо за комплимент, — буркнула знатно потрепанная я.

— Дана?

— Нет, горгулья, — издевательски пропел голосок.

— О Всевышние! — и Баск побледнел.

Боги, неужели я на самом деле так ужасно выгляжу?

— И снова, спасибо за комплемент.

— Девочка моя, прости. Мне на совет надо. Я жутко рад тебя видеть...

— Вижу, что жутко!

— ... но все потом. Располагайтесь.

И Владыка скоренько покинул нас, что-то шепнув Широ на ухо. от чего у вислоухого случился аналогичный приступ. Взгляд на меня, побледнение и мысленные ругательства. Чувствую, там горгульей не обошлось.

И что за корявая встреча! Они же эскорт прислали и не знали обо мне? Демон ногу сломит в этой неразберихе. Не-е-ет уж, я так просто это не оставлю!

Итог: я в зале Совета, как и хотела, а передо мной Владыка.

— Найти свет во тьме, Владыка Алибаскаэль рэн Сиу, — поприветствовала, склонив голову и только по лицам советников поняла, что произнесла. Я светлому Владыке из тьмы выбраться пожелала! Светлому! Да он и понятия не имеет, что это такое. Так, слово, обозначающее негатив.

Немая сцена. Совет в полном составе глазами меня четвертует и закапывает в сторонке. Они и так меня недолюбливают, а теперь еще открыто презирают. Странно, вроде всхлип откуда-то донесся, или хрип. Внимательно осмотрела зал, подняла взгляд на Баска. А Владыка и его трое элитных охранника уже слезами истекают, и рот в страшных гримасах корчат, стараясь скрыть улыбку. Кто-то от усердия аж захрюкал, кто-то заикаться стал, а Владыка кулаком рот зажал и безуспешно пытается открыто не ржать, натужно сдерживая при этом всхлипы. Не, я ошиблась, он не зажал свою гримасу боли кулаком, он от безысходности его уже грызет, но держится, притом, что его подчиненные давно перешли на хрюк и пороссячий визг с агонизирующими судорогами. Картина «массовое помешательство» и «пора менять Владыку» в действии!

— А мне света кто-нибудь пожелает? — елейным голоском осведомила вскипающая я.

Все, платину прорвало. Хохот стоял знатный. Уже не пытаюсь сдерживаться, все юмористы открыто смеялись. Даже несколько советников не выдержали и присоединились к Владыке.

Зачем я сюда пришла? Ну не ожидал меня увидеть Баск, отсюда такое холодное приветствие. Чего взъелась, спрашивается? Только еще больше и без того еле терпящий меня совет разозлила.

— Суардана, может отдохнешь, девочка моя? Ты устала с дороги, — отсмеявшись, спокойным голосом приказали мне. Именно приказали. Я, конечно, могу проигнорировать, но...

— Обещаю поставить тебя в известность обо всем, что заинтересует тебя.

А это уже хорошо. Баск мне никогда не врет. Можно спокойно покинуть террариум и расслабиться. Нет смысла насиловать себя и выслушивать кучу политических проблем. Самые важные я узнаю.

— Прошу Совет простить меня, я покину вас.

— Будь так добра, — небрежно кинул глава совета, та еще сволочь!

— Буду, — оставила последнее слово за собой, и направилась на выход. Потом резко остановилась и добавила, — слышала, вы зал совета перестраиваете, — глава совета посинел, — удачи, — пожелала я, кровожадно оскалившись напоследок.

Уже в почти закрытую дверь услышала нестройный смех, в том числе и Баска.

До своих покоев добралась быстро. Маршрут вьелся в голову так, что даже вусмерть пьяная найду дорогу. На моей кровати сидел Кайя в человеческой ипостаси. Молча прошла в ванную, захватив легкую тунику синего цвета и белые штаны в обтяжку. Нечего развращать мальчишку своей наготой. Через пол вата я полностью привела себя в порядок.

— Говори.

— А что говорить? — мальчишка пожал плечами, — я удивлен. Ты так панибратски разговаривала с Владыкой, да еще раздраконила весь совет, а потом, как ни в чем не бывало, ушла. Ты кто вообще такая?

— Банши.

— Это я уже понял, точнее, еще в Galad Isilme, не дурак же.

— Как ты сюда прошел? — вытирая полотенцем влажные волосы, решила поинтересоваться, откуда у кошмарика самая последняя информация.

— Я, как только конвоиры ушли, оставив меня в конюшне...

— Конюхи.

— Неважно, — отмахнулся мелкий, — так вот, я сразу же побежал на твой запах. Залез в первое попавшееся окно с пустым коридором за ним и уловил легкий, на грани обоняния, запах. Это был твой запах, но судя по его остаткам, прошло не меньше года, как ты была в том коридоре. Я проследил аромат до этой комнаты и решил, что это твои старые покои. Потом услышал шаги и наткнулся на вас с Владыкой. наших спутников увели, а ты пошла в противоположную сторону. Ну и я за тобой. Чуть подслушал, почти наткнулся на стражника, пара ван и я в твоей комнате. Как видишь, не ошибся местом.

— Рада, что тебя не поймали. Скольких вопросов избежали.

Я облегченно вздохнула и подошла к спинке огромной зеленой кровати. Точнее белье было зеленым, а дерево красным. Интересное сочетание, не считаете? Повесив на спинку пропитавшееся влагой полотенце, разгладила на нем складки и вернулась на кровать.

— Так ты объяснишь мне, чему я стал свидетелем, или будем в болванчиков играть.

— И откуда ты такой умный взялся?

— Трех разовое питание способствует восстановлению умственной активности.

— Откуда...

— Тебя подслушал как-то, — озорно подмигнул Кайя. Маленький прохвост, а я почти поверила, — Ну так?

— Я тут на особом счету. Баск ко мне хорошо относится, а все эльфы равны для меня. Они ко мне тоже как к равной относятся. Никому же не хочется в междумирье застрять. А я злопамятная, — ухмыльнулась так, что даже кельпи пробрало.

— Ясно. Моя *lati* держит Хрустальный лес в ежовых рукавицах.

— Как бы ни так, кошмарик. Совет не из пушистиком состоит. Там недовольных полно. Сволочь на сволочи и сволочью погоняет. Они меня в последний раз вообще не выпускали со своей территории. Я сбежала.

— Что? Но почему?

— А я почем знаю! Они меня тут как диковинку держат и делится ни с кем не хотят. Одна радость, Баск во всем меня поддерживает.

— А что со мной?

— А ты конь! Я вообще сомневаюсь, нужно ли о тебе рассказывать. Кельпи в Хрустальном лесу, да меня за такое в стене замуруют и забудут в какой! Если и раскрывать твою сущность, то только Баску.

Мы помолчали, каждый думал о своем. Мне вот было интересно, куда моих спутников расселили. Малыш без меня там такие концерты устроит, что жутко становится, как подумаю, куда его дурная голова может его завести, и что уничтожить косорукость. Пора волноваться. Еще одной перестройки дворца мне не простят!

— Дана, чего это ты так побледнела?

— Кайя, сколько прошло времени, как мы тут? — смотря перед собой, задала вопрос. Хоть бы еще не поздно.

— Около вата, а что?

— Трындец эльфам!

Я сразу вспомнила, что и вата не прошло в королевском дворце Ритарара, как Ванюша устроил дебош в помывочной. И чем все обернулось в итоге? Отплясывающие аристократы, каратели на хвосте и Хрустальная тюрьма. То, что мне выбираться отсюда придется в очередной раз тайно, тихо и быстро — факт. Не выпустит меня сиятельный совет. Не знаю, чем им моя тушка так приглянулась, спрос на нее нынче возрос, но этот интерес скорее

гастрономический, в переносном смысле, конечно! Съедят меня морально и не подавятся!

— Кошмарик, ты наших чувствуешь?

— Нет, но могу выследить.

— Тогда бегом, — и я соскочила с кровати, попутно стаскивая Кайю за руку. Не заморачиваясь насчет «закрывать двери», которые отлетели к стене, как пушечное ядро, рождая похожие звуки, я как ошалелая летела в гостевое крыло, когда меня визгливо окрикнул жеребенок.

— Дана, не туда, — тормозя пятками, а под конец и вовсе хватаясь за выступ стены, провизжал буксируемый.

— Куда? — резко обернувшись, осклабилась на мальчишку.

— Пр-право, — и показал всей рукой назад на пропущенный поворот.

— Вперед! — и новый забег по коридорам эльфийского дворца.

Кайя из рода Гарцующих в глубине

Эльфы мастера. Не, не так, эльфы непревзойденные мастера по части архитектуры. Окруженный со всех сторон лесом Tintill Elin казался сказочным замком, оазисом среди пустыни. Вопреки всем представлениям о светлых замок, а он выглядел именно так, создан из черного мрамора испещренного тонкими белыми прожилками. Шесть заостренных шпилей, шесть разноуровневых башен со скульптурами богов. Каждая занимает отведенное ей место. Самая низкая не более чем в пяти татах от земли, а самая высокая едва не утопает в тяжелых кучевых облаках. Все шпили идут друг за другом по змеящейся, полукруглой линии. Каждый новый виток устремляется все выше и выше, рвется в заоблачные высоты. В середине извивающегося замка черной полусферой красуется зал Совета. Tintill Elin широк и могущественен. Если бы не его изящная, тонкая красота, дворец можно было бы назвать укрепленной крепостью.

На самой высокой и самой большой башне стояла мраморная, в легком платье женщина. Лицо ее было скрыто вуалью, а тело, наоборот, было почти обнаженным. Легкая, прозрачная накидка из черного камня как струящийся источник обтекала грациозное тело богини. Как смогли мастера отразить в камне прозрачность ткани, кружево вуали и легкость одеяния — загадка, которую никто никогда не разгадает.

Эту богиню знали во всех мирах. Равновесие. Дочь Жизни и Смерти, рожденная в одном из миров. Единственная живущая в мирах, а не в эфире богиня, единственная рожденная. Говорят, именно она создала наш мир.

Будучи ребенком, я слышал легенду о Равновесии. Брат часто рассказывал мне придания древности, пока родители пропадали на охоте. Я слишком боялся их потерять (что однажды случилось), и Палан пытался отвлечь меня прекрасными сказками о сотворении миров, о войне Всевышних и прекрасной любви бога Смерти и богини Жизни. Невозможный союз обреченный остаться мечтой, воплотился в жизнь. Боги слишком любили друг друга, чтоб сдаться, так и не начав. Они спустились в первоначальный мир, который создали для себя, обрели телесную оболочку и жили как смертные. Но век воплотившихся не долгод, конец настагает всех живущих. Неизбежность разлуки отяготила и высосала всю радость из последних десятилетий их счастья. И случилось чудо, богиня смогла зачать. Невозможное свершилось и теперь, зная, что их любовь всегда будет жить в существе, смешавшем кровь

Всевышних, боги покинули первоначальный мир с легкой душой и тоской в сердце.

Так родилась богиня Равновесия. Она впитала в себя и жизнь и смерть. Она стала твердой опорой всех миров. Единственная богиня воплоти, ходящая между мирами! Cuilagur[2]!

Я заморожено смотрел на девушку, что одной рукой тянулась к облакам, широко раскрыв ладонь, а другой, легко повесив вдоль тела, желала коснуться указательным пальцем сокрытого под миром. Взгляд богини был устремлен параллельно земле, застывая между высью и глубинами, смертью и жизнью, удерживая взором хрупкое непостоянство наших миров.

Миг, и покров растворился, открывая лицо. Уголки губ девушки дрогнули, а взгляд опустился туда, где стоял околдованный я. Черный оникс бушующего океана, расколотый размеренными сапфировыми волнами, в обрамлении широко распахнутых кошачьих глаз, околдовывал меня. Жизнь и смерть. Могущество. Равновесие.

«Мы ещ-щ-ще вс-с-стретимс-с-ся» — нежно просвистел ветер где-то на грани звука и мертвой тишины.

Я вздрогнул. Резко осмотрелся, ища говорящего, хоть и не сомневался в его отсутствии. Гляделки с богиней длились всего пару вар, за которые мои спутники отошли на приличное расстояние. Я снова вскинул голову, ища пронзительный, всевидящий взор, но статуя была неподвижна. Губы богини были плотно сжаты и безэмоционально расслаблены одновременно. Глаза настороженно и в то же время спокойно оглядывали все вокруг, как и смотрели в одну точку параллельно горизонту. Богиня противоречий — Danquenya[3]. «Да, это имя подходит ей куда больше», — усмехнулся я про себя и поспешил за всеми.

«Мне-е-е нравитс-с-с-а-а-а».

Мы бежали по коридору с такой скоростью, что почти создавали воздушные вихри вокруг себя. Кайя, все также болтаясь на моей руке, как я совсем недавно на его братце, только изредка корректировал своим затравленным писком направление.

Душещипательный девичий крик и я ускорила. Подбежав к ближайшей двери, дернула за ручку — закрыто.

— Кайя, отойди.

Предупредила я, хотя жеребенок и так держался от меня на максимальном расстоянии. А вот будет знать, почему я его братца так обзываю.

Закрываю лицо скрещенными предплечьями и выбиваю дверь ногой. Она вообще-то магическая. Эльфы защищают личную жизнь и безопасность. Без приглашения такую преграду ни в жизнь не открыть. Однако есть одно «НО». На любых апартаментах столько охранок повешано, что и архимаг час взламывать будет. По понятным причинам для меня такой способ недоступен. Но как я и говорила, лазейки есть везде. Дверь сделана из маренного дуба и укреплена магически. Такое и Ванькина голова не пробьет. Единственное, чем разрушаема такая дверь — водой, в которой был вымочен дуб. Но на это уйдут века. По счастью, когда я была у водного народа, они позволили мне забрать шкуру, отмоченную в их источнике, из которой, впоследствии, я заказала себе сапоги. А теперь угадайте, у кого самая бронебойная обувь в этом мире?

— Ты зверь!

— А ты думал, — но восхищение моими физическими возможностями пришлось отложить. Я отчетливо услышала очередной женский визг и плеск воды. Темень и ее твари!

Не останавливаясь ни на ван[4], я пролетела комнату для отдыха и спальню, тривиально выламывая очередную дверь, и застыла в паре шагов от маленького бассейна. Речь помахала мне ручкой и улетела в далекие края.

— Как неожиданно, — хрипло выдал обнаженный мужчина в бассейне, держа в объятьях одну из служанок. А «одну из», потому что их здесь две!

— Я... я.... А ты... — безрезультатно стараясь осознать ситуацию, пыталась я свой разум, которому чихать было на мои потуги. Он упорно не хотел возвращаться и объяснять мне сию картину.

— Для начала, извините — проворковал маг.

— Извините — послушно повторила я.

— Умница, а теперь закрой-ка дверку. Можешь за собой, а можешь присоединиться, — мне похабно улыбнулись, щуря изумрудные глаза с огненными искорками.

— За... собой, — выдал опарашенный мозг, тут же отметив длиннющие пепельные волосы и знакомые черты лица.

— Жаль. Приходи, если передумаешь, — и эта бракованная тушка повернулась к голым девицам, увлекая их на середину бассейна. И тут меня накрыло.

— Какого голодного вампира, дракон поджарь? — служанки вздрогнули, а маньяк нехотя обернулся.

— Расслабляюсь. Что, не видно?

— Ты, озабоченный зомби на случке, где Малыш, и откуда эти тупые подобию женщины?

— А с чего я должен отчитываться перед тобой? Служаночки сами ко мне зашли. Я свободный, сильный мужчина и все по взаимному согласию, — победно усмехнулся воин.

Демон! А ведь он прав. По сути, я никто ему. Особенно ему. Он на самом деле здоровый, взрослый мужчина и все случившееся неудивительно. Но что-то кольнуло меня, и злилась я похлеще мегеры.

— Вон, — тихо прошипела, не хуже гадюки.

Выкидыши эльфийского света вздрогнули и обратили свои вопрошающие взгляды на Таривана.

— ВОИ! — как раскат грома прогремел мой голос. Всунувший было свою любопытную мордашку в проем Кайя резко скрылся снова.

Потаскушки засуетились и быстренько выбежали из ванной комнаты. Тар же расслабленно облокотился о бортик, положив на него локти, и запрокинул голову.

— Присоединишься? — протянул мужчина.

Не говоря ни слова, я развернулась, захватила по пути осоловело глядящего вслед полуголым служанкам Кайю и вышла из покоев маньяка.

Меня трясло, даже пальцы подрагивали от сдерживаемых эмоций. К упырю этого озабоченного! Мне хватило выходок Широ, почему я должна снова терпеть такое?

«Терпеть что»? — Вклинился разум.

«Такое отношение!»

«Но ты им обоим никто!»

— Гребанный зомби! — выкрикнула я и разбила костяшки пальцев о ближайшую стену. Больно!

— Дана...

— Прости мелкий, я сорвалась, — закусив губу, старалась не завывать от боли, держа пострадавшую конечность за кисть.

— Я понимаю, ты думала, что Ван в опасности и напуган, поэтому так неслась на помощь, а он... — Кайя предусмотрительно не продолжил.

Да уж, мальчишка совсем, а на раз раскусил причину моего гнева. Даже злиться расхотелось. Подумала о Малыше, как бы ему не досталось. Надеюсь, не подхватил какой заразы от этих безродных эльфиек.

— Пойдем ко мне.

Кошмарик кивнул и посеменил за мной предусмотрительно на расстоянии вытянутой руки, боясь моего очередного приступа спасительницы. Я не обиделась.

В эту ночь я не видела сновидений. Морфей сжалился над моим сознанием и подарил ему блаженный покой. Я, плавно раскачиваясь в полудреме, медленно выходила из услужливо подаренного спокойствия. Кто-то родной поглаживал меня по голове и полупшепотом напевал знакомую песенку. Мечта, а не пробуждение.

— Вернись в свой дом,
Его двери открыты.
Отпусти свой сон,
Пока глаза закрыты.
Мечтай о своем.
Воскрешай, что забыто.
Ты слышишь в дали
Стон скалы
И грома раскаты.

Открой мне тайну,
Не таись в темноте.
Заставлять не стану
Решать судьбе.
Грез страну,
Сокрытую во мгле,
Отыщи в глуши
Своей юной души.
Родному не откажи.

Позови с собой
В чуждые дали,
Где правит зной,
Какой мы не видали.
Где смывает волной
Всех кого мы знали.
Куда не летает ветер

И нет опасности встретить
Обмана раскрытые сети.

Я пойду в глубину.
Там, за горизонтом,
Вопреки желанию
Тянутся к звездам,
Обвивая луну,
Тучи монстры -
Переживания твои,
Что серыми лапами
Душат надежды.

Не бойся, сестра,
В мире мечтаний
Ты не одна.
Коснись желаний
И увидишь сама,
Тьму мирозданий
Разрывает тот,
Кто от бурь и невзгод
Тебя укрывает.

Как давно я не слышала эту колыбельную. Баск перестал мне ее петь еще лет триста назад, так и не объяснив причину. Хотя, скорее боялся, что она поможет мне вспомнить, то из-за чего я чуть не умерла. А я этого не хочу, равно как и Владыка.

— Проснулась? — низкий бархатный голос ласкал сонный слух.

— Нет, — тихо выдохнула я, — спой еще.

Певец хрипло рассмеялся.

— Пора вставать, дорогая. Солнце прошло полукруг, — любят же эльфы красиво выражаться. Полный круг — это сутки. Полукруг — ночь.

— Только рассвело, пусть светило пройдет еще четверть своего полного пути по небосводу.

— Прости, но Широарт не будет ждать. Я хотел развеять твой сон нежно, однако, если ты не встанешь, Суа, учитель поднимет тебя пинками.

О гнилостный зомби! Широ же из меня дух выбьет, если просплю. А я уже забыла за пятьдесят весен отсутствия начальника разведки, что во дворце я воин и мне положено тренироваться. Темень! Пришлось открывать глаза.

Владыка сидел в изголовье и наслаждался теплыми лучами солнца, не сводя глаз с пробуждающегося существа. Высокие, цвета красного дерева, брови полумесяцем нависали над шоколадными раскосыми глазами. Легко очерченные бежевые губы на бледном лице чуть припухли со сна, а ровный, слегка вздернутый нос придавал непосредственности облику эльфийского Владыки. Шоколадная масса волос была предоставлена сама себе и лишь немного упорядочена заколкой, прихватившей пряди на конце. Одет Баск был скорее как сорванец, чем как Владыка. Распахнутый ворот белоснежной рубахи длинной до бедра, обтягивающие коричневые штаны из оленьей кожи и мягкие черные тапочки с пяткой. Весь

вид говорил, что Баск очень спешил разбудить меня первым. Даже толком не расчесался.

Я улыбнулась. Забота этого эльфа всегда дарила мне подобие родственных уз, за это я была безмерно благодарна.

— Луч дня нового взывает к свершениям, — улыбнулся первородный.

Наше приветствие нового дня. Никто другой не знает о нем.

— Так откликнемся на его зов, — проговорила множество раз звучавший в этих стенах ответ.

— Могу я спросить, Суа? — как же мне нравится, когда он тянет мое имя таким образом. «Суа-а-а», прям мурашки бегают, — Кто этот мальчик?

Я подскочила из положения лежа, вскидывая одеяло и роняя подушку. Зубки-обрубки! Кайа же здесь. Огляделась в поисках кошмарика. Мелкий нашелся на диване, нерешительно помахал мне, выдав что-то типа «утречка», и затравленно посмотрел на Баска. Это его так с самого появления эльфа прижало? Бедненький жеребенок.

— Баск, давай я быстро переоденусь, и мы выйдем на плац, там все и покажу.

— Покажешь?

— Да, именно покажу, — и пока эльф не передумал, метнулась в ванную.

Долго там сидеть я не была настроена, тем более, что Широ может нагрнуть в любой момент, а я еще хочу Ласкана с Алкаем навестить.

— Я готова, идем? — эльф кивнул и приглашающим жестом пропустил меня вперед. За мной вышел Кайа, что было неслыханно, но, думаю, Владыка опасался, что мальчишка просто сбежит, по тому и нарушил этикет.

За первым же поворотом меня ждал сюрприз. Медленно, как по своим владениям, по коридору шел Палан, не отказывая себе в остановках ради любопытства. Как на экскурсии, ей богу.

— Миледи, — поклонилась зверолошадь.

— Каюк! — выдала ошарашенная банши.

— Лорд? — поинтересовался первородный.

— Воин, — поправил Палан и задал вопрос в ответ, — Лорд?

— Владыка.

— Приветствую, — склонился чуть ниже, чем мне зверобратец моего подопечного.

— Су? — Баск повернулся ко мне, требуя объяснений.

— На плац! — скомандовала загнанная в угол я, и первая направилась в северную часть дворца.

Всевышние помогите! Сейчас меня будут бить!

Добравшись до загороженной от любопытных глаз части тренировочного поля, я остановилась, поворачиваясь к следующей за мной компании.

— Палан, ты первый.

— Почему? — абсолютно спокойно спросили меня.

— Если случится сбой, и Баск кого-нибудь чем-нибудь шарахнет, я не хочу, чтоб это был Кайа.

— Не буду я никого шарахать. По крайней мере сразу, не разобравшись, — возмутился ничего не понимающий Владыка.

— А это не факт.

— Куда ты снова влипла, Суа? — насторожился Баск.

— Увидишь. Как только зверолошадь перестанет упрямиться, так и увидишь, — и я

оставилась на Палана.

Эльф не успел больше ничего сказать. Поднялись клубы пыли, осыпая нас песком, и перед Владыкой Хрустальных лесов стоял шикарный вороной жеребец. Реакция была впечатляющей.

— Ятаган мне в зад! — и это светлый эльф, не говоря уже о том, что глава Правящего дома, — Су, ты кого притащила ко мне во дворец!?

— Кельпи, — невинно хлопая глазками, пояснила я, кого именно принесло на волне моего идиотизма и жалости.

— Тьма! Банши, ты совсем умишком не того? — вот такой у меня веселый братец-эльф. Ну, когда в шоке, обычно сдерживает свои низменные порывы обругать нерадивую сестрицу.

— Бывают просветленья, но в основном несусь на крыльях беспробудного безумия. Уж такая родилась.

Внимательно смотрю на реакцию Баска. В моменты проявления истинной сути первородный сильно напоминает мне Широ, только его более мягкую версию.

— Дам, стоило ожидать подобного. Недаром два года не показывалась. Как пить дать, готовила подлянку покрупнее, мог бы и догадаться, — Владыка провел пятерней по голове, захватывая свисающие спереди, цвета красноватого дерева, пряди наверх.

— Это только упырята, Владыка. Настоящий монстр еще впереди.

Источник насмешливого голоса нашелся быстро. Широ расслабленно стоял невдалеке, облокотившись о стену и скрестив руки и ноги.

Провалился мой визит к рыжему и розовому огонькам. Теперь не вылезти мне с плаца до вечера. Вислоухий вспомнит все мои промахи во время путешествия и будет нещадно гонять меня за их допущение.

— Баск... — задушено пропищала я.

— Неа, и не надейся. Заслужила. До вечера с меня сюрпризов хватит. На ужине представишь свою братию. Там и решим, что делать дальше. Жеребчиков своих в стойло не стоит загонять, им выделяют комнаты, но чтоб ни единого перевоплощения. Нечего мой народ до обморока доводить.

Вот что значит Владыка. Вар удивления и лаконичное решение проблемы без лишних криков и нотаций, учись Широ.

— И да, дорогая, Совет тоже знать не должен. Но это ты и так знаешь, — власть имущий ободряюще улыбнулся и добавил, — Она твоя, Широварт.

На этом Баск нас покинул, вверив меня садистски нежной заботе главы разведывательного отряда. Мама! Я умру прямо тут, так и не увидев внуков!

[1] Lati — хранительница

[2] Жизнь и смерть. Имеется в виду их слияние — равновесие.

[3] Dan — против. Quenua — речь. Danquenua — противоречие.

[4] Ван = секунда

Глава 4 Разбор полетов

Около четырехсот пятидесяти весен назад

В предрассветных сумерках, посередине тренировочного поля стояла гибкая женская фигура. Руки незнакомки были сложены на груди, а ногой она нервно выстукивала какую-то мелодию. Надо сказать, весьма агрессивную.

Стояла поздняя весна и природа красовалась насыщенными оттенками зеленого и голубого, но плац все также был монотонного желтоватого цвета. Кое-где проступали красноватые полосы беговой дорожки, коричневые круги площадок для спаррингов с холодным оружием и серые для рукопашного боя, но тренировочное поле все равно выглядело тускло и уныло. Особенно теперь, когда банши предстояло проводить тут почти все свое свободное время.

— Ты слишком слаба Суа-а-а, — передразнила девушка, бормоча под нос сказанные Владыкой слова, — у меня нет ресурсов обеспечить твою защиту, бла-бла-бла. Ты ведь хочешь увидеть мир, и я не могу тебе запретить, но и отряд няnek с тобой тоже не могу отправить. Всевышние! Как будто мне пять лет, что я нуждаюсь в няньках! А запретить, так пусть попробует!

Девушка резко опустила руки и пнула землю, поднимая маленький песочный туман. Нет, ей решительно надоело ждать какого-то там «крутого воина», который ее всему научит. Резко развернувшись, девушка сделала пару шагов, потом снова развернулась и пошла прочь с поля.

— Успокоилась? — перелив струн, а не голос.

Дана резко остановилась, будто налетела на заслон и подняла взгляд от желтого песка. У выхода, облокотившись о забор, стоял высокий первородный. Он не был светлым, это девушка сразу поняла. Слишком мускулист и загорел. Подбородок более мужественный, чем у изящных эльфов, да и волосы пшеничного цвета редкость среди светлых. А вот сияющие синью самого глубокого океана глаза миндалевидной формы, щурились как кошка после трапезы на солнышке, и были явственной чертой Хрустальных эльфов. Только их животный блеск был чужд расе первородных как светлых, так и темных. Дикий.

«Полукровка» — подумала про себя банши.

Эльф же не упустил шанса рассмотреть свою новую ученицу поближе. Она изменилась. Не осталось и следа от той болезненной бледности и безумной тоски в глазах, что совсем недавно были с девушкой. Она и правда забыла и родилась заново. И все же она слаба. Широварт правильно сделал, что настоял на ее боевой подготовке. Нельзя чтоб на грани жизни и смерти взяли первобытные инстинкты, и банши все вспомнила. Лучше пусть бьется до конца и четко знает границы своих возможностей. Может тогда у них все и получится.

Эльф видел, что мысль о тренировках отвратительна Дана. Оно и понятно. Первая леди, приближенная к хозяину долины, советница. Она и в страшном сне не могла представить, что придется сражаться. И ведь придется.

— Ты кто? — высоко подняв подбородок, спросила Су.

— Твой кошмар на ближайшие пять лет, — как самый заядлый садист протянул эльф.

Ему нужно быть жестоким, он должен. Иначе он ничему ее не научит. Первородный доведет ее до истощения, утопит в собственной крови и будет удерживать на грани жизни, он сделает все, чтобы приучить ее к смерти. Она должна быть готова умереть, если выхода не будет. Если же она воспользуется своей силой, то мир рухнет. Нельзя этого допустить. Ее последнее средство — это собственная достойная смерть, а не смерть мира. И этому предстоит научить ее именно ему.

Он станет ее болью, ее ужасом, ее палачом и ее смертью. Врагом, что будет обрывать в ней жизнь тысячи раз и его рука не дрогнет. Первородный слишком хочет видеть ее живой, чтобы позволить себе сострадать. Она слишком дорога ему, чтобы дать ей уйти.

Пять весен спустя начала обучения Широварт ла Эк

Тренировки почти закончены. Всевышние, неужели мы справились! Ее боевые навыки на высоте, и она готова отдать свою жизнь за успешное выполнение задания. Это даже больше чем я хотел получить. Теперь я точно возьму ее в свой разведывательный отряд. Как разведчик она незаменима. Банши (о чем она еще не знает) видит сущность любого насквозь. Откуда у нее такая пронизательность?

Но, как и везде, есть свои сложности. Дана терпеть меня не может после моих издевательств, и я ее понимаю, но как быть мне. Чем дольше мы с ней знакомы, тем непреодолимей желание стать ближе нежели учитель и ученик. Всевышние, за что вы меня так жестоко наказываете. Единственная, кто желанна, видит во мне своего палача.

Дверь резко распахнулась и в мою комнату тайфуном влетела банши.

— Вислоухий, у меня, вероятно, что-то со слухом. Сотник сказал, что я в разведывательный попала, — Су резко затормозила и уперла руки в бока.

— И?

— Что «и». Я не воин, горгулья задери! Всего лишь обучалась с новобранцами. Какое, к упырям, распределение. Ты в своем уме, ушастый?

Коса растрепана, глаза горят жаждой расправы надо мной, а руки уже нервно сжимают талию в попытке удержаться от моего удушения. Не держись, melda. Просто отпусти свои эмоции, ведь я не могу этого сделать. О Всевышние, как я хотел бы, чтобы раскаленное золото твоих глаз плавилось от желания, а не ярости. Но как легко перепутать, демон, как легко. Страсть, это все, что я хочу видеть. И я вижу ее, пусть эта страсть другого характера.

— Ты заснул там, — она со всей силы пнула меня по ноге, и я сорвался.

Мгновение и она в моих объятьях, а руки сжимают бесформенную косу у основания и талию, прижимая все ближе ко мне. Глаза затянуло дымкой. Я теряю контроль!

Очнулся от того, что кто-то настойчиво стучался в двери. Тьма! Кто так возжелал отправки в мир иной?

Я опустил взгляд. Когда только успел принести ее на кровать. Су лежала почти обнаженная и осоловело смотрела на меня, целуя внутреннюю сторону моей ладони и слегка покусывая ее. Кажется, я зарычал, от чего моя melda вздрогнула и, обхватив меня руками за шею, потянулась к губам. НЕТ! Я вырвался из ее объятий и, не оборачиваясь, поспешил к

двери, наплевав на свой полуобнаженный облик.

— ГДЕ ОНА!?

Алибаскаэль был в ярости. Еще бы, я могу его понять. Я обещал, что пока она не стабилизируется, а это произойдет не ранее чем через сотню другую лет, я к ней не притронусь. Но как же сложно сдерживаться.

— В спальне, — спокойно ответил я.

— Не говори мне... — осипшим враз голосом попытался развеять свои худшие подозрения Владыка.

— Не буду, — равнодушно выдал я. Сейчас главное, что меня слышит малышка. Что же я за сволочь.

— Жива твоя зазноба, Владыка, не подпортил я ее. Просто от долгого воздержания крышу снесло. Ты мне служаночку через минутку пришли, а лучше двух. А то с этой даже от переизбытка низменных чувств ничего не пошло.

Она больше ни за что не подпустит меня к себе. Теперь я точно уничтожил последнюю надежду. Тьма!

Мой голос звенел, резонировал по всему помещению, как слегка коснувшиеся друг друга бокалы. Отчаяние. Владыка видел его в моих глазах. Он только крепко сжал мое плечо и поддержал мою игру.

— Широварт, решать свои низменные потребности будешь в другом месте, — строго отчитал меня Баск, сочувственно смотря в мои потерянные глаза, а потом нежно продолжил, — Дана, дорогая, одевайся, девочка моя. Я жду.

— Я прошу отставки, — прошептал я.

— Нет, ты уезжаешь в отпуск на полгода, развеяться. И мне плевать как, но ты найдешь способ справиться со своими проблемами и вновь возглавишь разведку с ее новым членом по возвращении, — еле шевеля губами, Владыка отдал приказ.

— Слушаюсь.

— Сочувствую.

— Не стоит, — и я вылетел из комнаты, захватив комплект одежды, кошелек и перевязь со стилетами. Уже через четверть вата я был в седле и покидал столицу.

Около пятидесяти весен назад

Суардана Дэнитар

— Еще рано.

— Какой рано, свет уже давно не горит. Будем ждать, и он уйдет.

Я сидела на тумбочке, прислонив пустой стакан к самой тонкой части стены в этом богом забытом любовном гнездышке под названием «Райская птица». Расфуфыренная под девицу легкого поведения и в соответствующей одежде я уже пять ват торчу на этом насесте и вслушиваюсь в страстные стоны с другой стороны. Чтоб у него достоинство отсохло.

— Он сейчас никуда не уйдет, после пятого-то захода, — лениво протянул, развалившийся на простынях грязно-бардового цвета Широ.

Выбранная нами комната, в первую очередь из-за объекта слежки, была просто отвратительно вульгарной. Куча плохо выполненных эротических скульптур и картин с претензией на искусство. Сплошная пошлость. Широкая кровать с помятым балдахинном,

закрывающимся через раз и не полностью. Знаю, так как Широ игрался с ним, пока я торчала на этом пыточном выкидыше древесной промышленности. Всевышние, у меня уже узор, вырезанный на поверхности тумбочки каким-то лишенным здравомыслия идиотом, отпечатался на попе как трафаретом, только рельефно. Еще и эльф все рвется пойти поразвлечься. Ага, знаю я это. Бросит меня все расхлебывать и явится только под утро.

— Су, ты как хочешь, а я здоровый мужчина и после столь бурных криков с обеих сторон мне нужно развеяться, — и он покачнулся назад, а потом резко встал.

— Я, между прочим, тоже здесь не цветочки собирала. Я уже забыла, когда чувствовала мягкое место в последний раз.

— Так пошли отдохнем, а поутру все и сделаем.

— Отлично! Тогда какого недоуспокоенного упыря, я маскировалась и аки птичка райская щебетала на все заведение пол вечера и полночи яйца высиживала на этом постаменте, — Широ хотел что-то ответить, но я его перебила, — только попробуй сказать, что это была моя идея, и я продолблю своим чудо райским клювом в твоей башке парочку лишних дырок. А еще лучше, чтоб твой собственный клювик завял, наконец. Хватит думать нижним мозгом, он у тебя удивительно пустой и недаленовидный.

— Тогда уважь меня, и я успокоюсь. И пост не покинем и расслабимся.

Кровавая пелена застлала глаза. Придушу.

Я медленно соскользнула со своего пьедестала и, грациозно виляя бедрами, двинулась к замершему эльфу. Сейчас он у меня будет стонать. Да так, что все здание оглохнет, вот только не от удовольствия. Были бы клыки, то оскалилась бы для пущего эффекта, а так только губы медленно облизнула, отвлекая внимание от руки с боевым ножом. Воткну в ногу и мечты о бурной ночи быстро покинут его озабоченную головушку.

Рывок и моя рука застывает в воздухе, а нож в тане от бедра эльфа. Успел-таки перехватить. Шустрый, зараза. Подбиваю собственный нож коленом по острию, благо меня он не режет, зачаровали. Оружие летит точно в подставленную руку. Бью второй ногой под коленную чашечку опорной ноги Широ, одновременно перехватывая летящий нож, и по касательной режу бедро первородного. Эльф отскакивает и медленно переводит взгляд на раненную конечность. Так тебе, учитель. Нечего сильфов считать.

— Зря, — мурлыкнул первородный.

О нет, не зря. Так я хоть отомстила за будущие побои, в противном случае была бы не отмщена.

Широ бросился ко мне. Я замахнулась, но, естественно, не успела. Эльф за долю вана ушел вниз, подбил мою руку с ножом, выбив оружие, и заломил ее за спину. Всего мгновение и я повержена. Я ожидала, что меня отпустят, и будут отбивать атаки снова и снова, пока не побьют основательно, но этого не произошло.

— Tol lu, — рыкнул мне в самое ухо первородный.

— Что? — я растерялась.

Следующим что случилось, были твердые губы на моей шее. Я вздрогнула, и Широ прикусил кожу рядом с ускоренно бьющейся венкой. Он, как животное, говорил «мое», и укус был предупреждением, что сбежать мне не дадут. Я не хотела вырываться. Я больше жизни хотела ощутить прикосновения его настойчивых губ, сильных рук. Я желала его власти над собой, но воспоминания больно ранят. Шрамы начинают открываться и кровоточить. Я помню, что случилось четыреста лет назад. Так давно и совсем недавно. Униженная, оскорбленная и покинутая. Я не нужна ему, я нужна лишь его телу и

самолюбию. Этот мужчина столько лет обходился другими женщинами, с чего мне тоже не быть просто другой женщиной. Не той.

Первородный крепко сжимал мои волосы и уже жадно исследовал ключицы, нежно пощипывая губами кожу. Влажный язык осторожно коснулся мочки уха и притянул ее к тут же сомкнувшимся клыкам. По телу пробежала волна, остановившись где-то посередине и обдавая мгновением холода после жара.

Я судорожно, до боли в пальцах хваталась за плечи Широ. Всевышние! Я не хочу это заканчивать! Поднырнув под его наклоненную голову, я решила, наконец, коснуться его красных губ, припухших от даримой мне ласки. Сапфир глаз пылал огнем, и он отнюдь не был холодным. Синее пламя жжет в тысячи раз сильнее. Так сгорим же вместе.

Я не нашла его рта. Мой страстный поцелуй был остановлен смуглой щекой эльфа. Не имею ни малейшего понятия, как он увернулся. Что-то екнуло внутри, говоря, что такое уже случилось. Похожее уже было. Но когда?

— Im allen meletha, — выдохнул Широ, будто выстраданные в вековых муках слова. Я не поняла их.

Светлый коснулся губами моего запястья, легко спустил мой наряд на талию и потянул к кровати. Но я уже очнулась. Я помнила, как со мной поступил эльф. Я не могла этого простить и его нежность ничего не изменит. Между нами нет ничего, и никогда не было. Так пусть никогда и не будет.

— Отпусти, — голос звучал, как звон стали.

— Melda... — простонал эльф.

— Я не знаю, кто такая мельда, но я сказала уже, мы на задании, а развлекаться будешь в свое свободное время.

Я толкнула Широ в грудь, и он упал на кровать, не сильно сопротивляясь силе притяжения. Развернувшись, я направилась в ванную комнату, где и просидела сиднем около вата. Но всему рано или поздно приходит конец. Пора выходить.

Заправленная кровать, потушенные огни и пустой стул с подлокотниками, где совсем недавно висел ремень с ножнами Широ и его кожаная походная куртка. До утра ничего не изменилось, как и до следующего вечера. Задание провалено. Наше последнее совместное задание. Я не плакала.

Это был конец, я знала это, чувствовала. Последний лучик коснулся моей щеки и убежал за раму окна завершать свой путь на сегодня. Наш с ним путь завершен. Луч начнет свое восхождение с новым рассветом, а мы останемся в ночи, ведь наш совместный путь окончен. Прощай, моя робкая надежда.

— Изверг!

Я еле волочила ноющие ноги, боясь, что они меня придадут, и я позорно распластаюсь посреди коридора. Десять ват нескончаемых пробежек, спаррингов и избиения меня любимой. Да, Широ отыгрывался за все пятьдесят лет, что я прохалявила. Не объяви Владыка общий сбор за ужином, меня б до следующего вечера с этого пыточного поля не выпустили. Как радовались воины, когда им официально разрешили меня в кашницу превратить. Если на первых парах я огрызалась и даже ранила парочку не самых расторопных эльфиков, то под конец, наплевав на всякую гордость, бессовестно драпала от

них. Надо сказать, весьма успешно. Когда же меня начали загонять в угол, я, недолго думая и рассудив, что целая тушка лучше, чем не задетая честь, вскарабкалась на оградительную стену и дала такого стрекача, что ошарашенные бледнявки не предприняли никаких попыток меня изловить. Но я-то этого не знала и продолжала уносить свои многострадальные ноги от места боевых действий подальше. Не знаю, сколько я так носилась, подгоняемая невидимым преследователем, но меня привел в чувство Широ. Подставил ногу, я и расстелилась на песочке, предварительно слетев со стены. Добрый у меня учитель! Ведь не добил, а это уже верх сочувствия с его стороны.

— Ты слишком расслабилась за последние годы, никакой выдержки, — возмутился светлый.

Я заскрипела зубами и бросила на эльфа тако-о-ой красноречивый взгляд, что он минимум должен был на месте от сердечного приступа скончаться, а максимум — обратиться в пар.

— Уйди, а? Мне и так тошно. К Ласкану я и сама дорогу найду, — простонал мой обессиленный организм,двигающийся на чистом упрямстве.

— А как же твой Малыш?

А что мой Малыш? Он сейчас временно недоступен и находится где-то за гранью нашего понимания, а маньяка на ужин тащить я не собираюсь.

— Спит бедняга, не надо его тревожить. Потом с Баском познакомлю, — безбожно вру, а как иначе.

Заворачивая к покоям феникса, расслышала звуки подбирающейся истерики в голосе птички и веселый смех оборотня. И что там стряслось?

Увидев входящую меня, Ласкан тут же сменил объект праведного гнева и выплеснул на меня все свое негодование.

— Да ты совсем страх потеряла, банши. В детство впала или в маразм!

Когда первая оглушающая волна прошла, я, наконец, смогла рассмотреть в чем меня обвиняют. Ну и соответственно присоединилась к Алкаю, смеясь отнюдь не так же культурно, как оборотень.

— Она еще и смеется! — феникс был в крайнем бешенстве.

А все потому, что покои Ласкану выделили ярко розового цвета. Шторы розовые, ковер пушистый, что ноги по щиколотку утопают, розовый, постель розовая, резные диван и кресла тоже розовые. Уже только от этого хохотать в голос хочется. Но нет, у нас еще и дополнение имеется в виде абсолютно розовой нимфы, что по тону полностью сливается со своими покоем.

— Ой, не могу, игра «отыщи феникса» в разгаре. Кто-нибудь ущипните меня.

— Я могу тебя только пнуть! — прошипела птичка.

— Сам же и сгоришь, тогда нам тебя вообще не отрыть в этом царстве розовых соплей! Аха-ха!

— Зато душу отведу. Хватит, припадочная! Алкай, помоги мне привести эту конвульсивную в чувство!

— Прости, А ты где?

Все! Тут уже не выдержал даже до этого внешне спокойный Широ. Смех громовыми раскатами то утихал, то нарастал по новой. Нашу буйно помешанную группу юмористов ничем нельзя было привести в чувство. Только мать природа предусмотрела физический ограничитель. То есть мы просто были не в состоянии больше смеяться, поэтому плакали и

катались по полу, но вскоре это дело прекратили и вернулись в мир настоящего.

Ласкан расслабленно сидел в одном из розовых кресел и чему-то предвкушающее улыбался. С чего это такая смена настроений.

— Чего это ты такой умиротворенный? — насторожилась я. Что-то тут не чисто.

— Ничуть, просто я предвижу скорую месть, — сладко протянул пернатый. И так это правдоподобно прозвучало, что у меня даже что-то внутри перевернулось.

— ВЫ. НА. ВАТ. ОПОЗДАЛИ! — очень тихо, но при этом будто небо рухнуло, прозвучали отрывочно слова.

В дверях стоял Владыка. Глаза его горели маньячным огоньком, а тело было чересчур расслаблено. Только он мог наорать шепотом. О Всевышние! Мы заставили Владыку ждать себя целый ват. Да других бы уже казнили.

Я приготовилась пасть ниц и каяться, какая я бестолковая и бессовестная женщина, посмевающая оскорбить сиятельного эльфа. Только вот ситуация, мягко говоря, медленно переходила в разряд «ненормальной», что и вовсе наводило ужас. Лицо Баска начало кривиться от гнева, а правый глаз подергиваться. О горе нам несчастным! Казнит! Потом начала подрагивать рука, а глаза он и вовсе закрыл. С чего вдруг такие проявления эмоций, всего ван назад он был непробиваемо спокоен. Что же так взбесило Владыку?

— Владыка Алибаскаэль, — феникс решил наладить контакт, поднялся с кресла и слегка склонил голову в приветствии, — я Ласкан зи Верт Нало, принц фениксов. Благодарю за госте...

Тут он замолчал, поскольку Владыка слезу пустил. Реальную, влажную, что прочертила себе дорожку по бледной щеке. Не думаю, что Баск до слез рад встретить феникса. И последующее это подтвердило.

— Простите, я что-то не то сказал? — растерялся феникс.

— Нет, — приглушенно выдавил эльф, — все в порядке, — он аж покраснел от напряжения.

— Ласкан, давай выйдем из этой пошлой комнатки, — внес предложение огонек, — думаю, Владыка вообще тебя не видит в этом мире девичьих грез.

И грянул смех, безудержный и самозабвенный. Теперь понятно, отчего светлого корежило как восковую свечку от огня. Он поддался тому же игривому демону, что и мы. Веселью.

Не знаю, как надолго мы застряли у феникса, но ели уже подстывшие блюда, не раз разогретые до нашего прихода. А еще на нас жутко злились кельпи, что слюной изошли, пока дождались нас. Я вообще удивляюсь, как коняшки так хорошо ориентируются во дворце? Они в столовую первее всех прискакали, идя по кратчайшему пути (это мне разведчики Широ доложили). Неужели им хватает для ориентации в пространстве лишь запахов?

Владыку больше никто не боялся, но уважали. Как оказалось, совместные припадки смеха способствуют дружеской атмосфере, в коей и прошел ужин, сопровождаемый праздными разговорами.

— Предлагаю пройти в переговорную, там достаточно уютно и нам не помешают, — Владыка встал из-за стола первым, подав всем пример.

Мы все поднялись следом и направились за Баском в соседнее крыло. Через несколько вар наша компания стояла напротив огромной двери, единственной во всем дворце, сделанной из сапфировой ивы. Дереву, ставшему материалом для этого великолепия, было

более тысячи лет, когда оно погибло. Дриады не желали, чтобы ива сгнила, и подарили древесину эльфам в знак дружбы. Теперь многовековое растение переродилось в виде непробиваемой преграды, охраняющей покой любого, кто сможет оказаться по ту сторону.

Баск снял печати, прошептал что-то и легонько толкнул массивные двойные двери. Меня обдало сквозняком на мгновение, за которое в глубине чернеющей пасти покоев полыхнул огонь, освещая пространство. Эту комнату я посещала часто, но, несмотря на это, никогда не привыкну к тому, что каждый раз открывают мне ее глубины.

Высокие потолки нависают четырьмя полусферами темно-синего цвета. Тяжелые кашемировые шторы оттенка глубокого сапфира грузно свисают с карниза, закрывая собой высокие витражи, сходящиеся полукругом в верхней части окна. Черный мраморный камин, изрыгающий ревущее пламя. Огонь только родился и в стремлении захватить все вокруг в свои пламенные объятия безжалостно перекидывался на подбрасываемые поленья.

Три больших черных дивана стояли вокруг камина, отражая своей необычной тканью все неистовства огненной стихии. Хрустальное полотно. Неимоверно дорогое, неподъемно тяжелое и невозможно прекрасное. Только светлые мастера способны создать его. Любой, даже заплутавший лучик света непременно будет притянут к хрустальной пылице ткани, что кропотливо была соткана искусными руками ткача и ювелира. Совместная работа двух художников поражает воображение даже самых развращенных эстетов, коими являются первородные.

В середине комнаты стоял низкий, с толстыми ножками, абсолютно прозрачный овальный стол из цельного куска горного хрусталя. Мраморная ваза с засохшей, раскидистой веткой сапфировой ивы была единственным украшением стола.

Вся переговорная комната была сапфировых оттенков с вкраплениями черного мрамора и с изящно использованным багрянцем пламени. Хрусталь лишь умножал палитру красок и дарил иллюзию звездного неба, осыпая покатые полусферы бисером своих бликов. Этот зал всегда был обителью ночи. Здесь нет нужды в ином освещении кроме беснующейся стихии огня. Ни свет дня, пробивающийся сквозь окна, но настойчиво сдерживаемый беспросветной тяжестью ткани, ни свет магический, подавляемый в зародыше множеством охранных заклинаний, никогда не дадут того эффекта густой, спокойной ночи в тени деревьев, где только звездный свет и пламя рвут глухую мглу. Ночь безмятежного спокойствия и тишины. Sangwa Mor. Зал Густой Ночи. Личный кабинет Владыки. Нам оказана великая честь вести беседу именно здесь.

— Я так понимаю, одного гостя не хватает? — сев на боковой диван, и дождавшись пока рассядутся остальные, осведомился Владыка.

И все-то он видит, и все-то он знает. Должно быть, птичка на хвосте принесла. Оторвать бы ей ее длинные уши и хвост золотистый проредить, чтоб на боевую косу больше не хватало.

— Для этого есть основания. Я позже познакомлю вас, Владыка, — и ведь придется познакомить, благо не сейчас.

— Хорошо, дорогая. Теперь рассказывай.

Я и рассказала. И про Ваньку, вскользь правда, и про герцога, и про оборотней, феникса и кельпи, даже дриад не забыла. С каждым новым словом Баск становился все задумчивее, а взгляд, смотрящий поверх наших голов, настороженнее. От этого мои спутники занервничали и начали ерзать от нетерпения. В конце концов, мне пришлось ухватить Кайю за руку, чтобы этот неугомонный не свалился на пол. Однако через пару вар мне надоело его

ловить, и я все-таки ссадила жеребенка на грубый черный ковер. Кошмарик тут же прижался к моим ногам спиной и обвил голени руками, отгораживаясь ими как решеткой от всего мира.

— Интересно, не ожидал таких приключений и стольких гостей в своем доме. Даже интригует, — Баск улыбнулся своим мыслям и, обдумав что-то, решил разобраться с незапланированными постояльцами, — я так понимаю, принц Ласкан хочет остаться здесь на постоянной основе?

— Да... — решила ответить за птичку.

— Нет, — не дав договорить, перебил меня феникс.

— Что? — я немного в шоке. Что значит «нет»?

— Я хотел бы просто быть рядом с Даной. Она последняя банши нашего мира и мой долг как хранителя истории сопровождать плакальщицу, куда бы ее буйная головушка ее не повела.

— Абзац...

«Я хочу к эльфам!», «Буду мстить, если не выполнишь обещание!», «Ты обещала мне, Данка!», все его угрозы и стоны искусная лапша!? Я впала в ступор. Информация была слишком тяжелой, чтоб переварить ее за несколько вар.

— Я не вижу этому препятствий, — решил вопрос светлый Владыка.

— Кхм, я вижу, — отмер Алкай и кивнул в мою сторону, — сейчас она очухается и устроит вам целую дорожку с препятствиями. Опираясь на опыт, уверен, они будут морально непреодолимыми.

Чем меня поражает оборотень, так это способностью вставлять свои пять серебрянников в самый подходящий момент. Удивительная способность.

— Напомни чмокнуть тебя в носик, песик, когда «очухаюсь», — все еще прибывая в раздумьях, высказалась я.

— Непременно, красавица, — мне ласково улыбнулись во все клыки, отросшие к прошедшему полнолунию. Еще не утихла волчья суть, пусть и миновало с разгула второй ипостаси уже пять рассветов.

— Что ж, пока возражений нет. А посему, вы мой гость, принц, — феникс благодарно кивнул, — теперь о кельпи, — Баск повернулся к Кайе, что все еще строил укрепление из моих конечностей.

— Я его хранительница, так что это моя проблема. А вот с этой зверолошадью можешь делать что хочешь. Хоть на опыты расчлени, я не против. Разве что поучаствую во вскрытии.

Смена темы меня немного оживила. Не хочется мне думать о коварстве птички. Но какой же хороший актер, слов нет.

— Стоять, а что значит «последняя банши»?! — вдруг осенило меня. А Палан заметно расслабился. Не хочет на опыты.

И чего это все головы повесили? Все были в курсе, одна я страдаю информационным голодом.

— Пятьдесят лет назад наш мир покинула предпоследняя представительница твоего рода, — сухо ответил Широ, не скорбя ни единым словом по моей соплеменнице.

Я, если честно, особого сочувствия в душе тоже не наблюдала. А вот жалость к себе была и в избытке. Я — последняя. Чувствую себя вымирающим животным, точнее вымершим. Одна особь, тем более бракованная малость, не показатель.

— От этого совет помешался на моей безопасности? — вторая догадка в моем

исполнении за сегодня.

— Да, Суа. Я не хотел тебя тревожить, как и ограничивать твою свободу. Не твоя вина, что род банши уничтожен. Мне жаль, девочка моя, — мне ободряюще улыбнулись и послали облачко расслабляющего благовония на основе лаванды.

— Что насчет Палана? — сейчас лучшее для меня, это сменить тему.

— Висит мертвым грузом на твоей шее, — обрадовал меня Широ.

— С чего это на моей? — я удивленно округлила глаза.

Мне ответил Ласкан:

— С того, что ты теперь старшая, согласно их иерархии. Ты хранительница и неважно кого из братьев. Вот если бы у Палана был *lati*, он и был бы главой, а так, остаешься ты.

— Но у меня есть Кайа, зачем мне его зверобратец.

— Данка, ты ему сама позволила пойти с тобой. Связь между братьями оказалась слишком сильной, чтоб разорвать, и ты приняла ее. Сама приняла, не заставляли. Теперь майся, бестолковая. Раньше надо было думать.

— Баск, он шутит, да? — с надеждой взираю на эльфа. Ну хоть ты пожалей меня.

— Боюсь, это правда. Теперь ты за них в ответе. По крайней мере, пока Палан не найдет своего хранителя, — Баск в упор посмотрел на зверобратца, намекая, что процесс надо бы ускорить.

— Сожалею, что мое вскрытие откладывается, миледи, — никак не отреагировав на взгляды, кельпи скалился во все свои лезвия. Чтоб они повыпадали от наглости.

— Знаю я степень твоего сожаления, — буркнула насупившаяся я, — что там с герцогом, чтоб он не ладен?

Перевела разговор на нейтральную тему, ибо желание придушить и попинать от души хладный труп было зудящим и почти нестерпимым.

— Это отдельный разговор и не для посторонних ушей, — Широ внимательно посмотрел на Алкаю и Ласкана, не обделив и кельпи безразличным взглядом, — дела Империи.

Не заостряя внимание на секретности, и, проигнорировав мой вопрос, считая объяснения главы разведки достаточными, Баск снова вернулся к насущным вопросам.

— Господин Алкай...

— Просто Алкай, Ваше Величество.

— Тогда просто Владыка или Алибаскаэль, как вам удобно, — вернул любезность светлый, — так вот, я приглашаю вас погостить во дворце столько, сколько вы захотите, — Алкай хотел что-то возразить, но Баск прервал его порыв, подняв руку, и продолжил, — поверьте, здесь есть на что посмотреть.

— Благодарю за гостеприимство, Владыка, — решил за лучшее согласится огонек.

— А меня никто не просветит, куда наша рептилии уползла? Неужто под очередной тепленький камень? — и правда, с самого падения и дальнейшего передвижения в повозке мои глаза не наблюдали этого индивидуума. А я внимательная.

— Салван вернулся ко двору доложить о ситуации на западе, — спокойно, не обращая на мою подколку внимания, ответил учитель.

— И как он туда вернулся?

— Портал, — как само собой разумеющееся, ответил Широ.

Конечно, у нас портал на каждом углу открывают и закрывают все кому не лень. Это ж ерунда. Эльфы все ликановы архимаги, с тучей силы, ага! Так кто же поспособствовал

рептилии?

— Я разрешил, — ответил на еще не заданный мной вопрос Владыка. И вправду хорошо меня знает. А вот Широ напрягся и настороженно косился на Баска. Орк их поймет, главное василиска спланили.

— Ну и ладушки, уж больно рожа у него кислая. Пусть лучше у себя морозит подчиненных, — закрыла я тему.

О статусе Салвана при дворе я узнала буквально по приезду, когда Широ отчитывался о пятидесяти годах разведки главе Совета. Тогда и расспросила вислоухого о рептилии. Василиск у нас начальник тайной охраны Марона. Не ожидала, думала, он простой разведчик, ан-нет. Полноценный вассал.

— Еще вопросы остались? — мы отрицательно закивали, — тогда прошу нас извинить, господа, Ваше Высочество. Нам с моими разведчиками нужно поговорить. Суа, может к твоему тайному рабу.

Надежда на мирное окончание беседы скоропостижно скончалась.

— Владыка, вам незачем утруждать себя, мы все устали и предпочтем отдых праздной беседе, — феникса поддержали все, ну, кроме обреченных остаться, — мы покинем вас. Спокойной ночи, Ваше Величество.

— Алибаскаэль. И вам спокойных снов, принц.

— Просто Ласкан. Ваша банши меня вообще птичкой или чудом розовым называет. Принц теперь звучит, скорее, как насмешка.

Спасла меня птичка от неминуемого скандала, на почве маньяковских выкидонов. Умная птичка, опасная птичка. Попала я.

Все поднялись и за Ласканом, как за ведущим, гуськом направились к дверям. Когда же мой кошмарик пообещал подождать меня в моей комнате и закрыл за собой дверь, будучи последним из покидающих Густую Ночь, воцарилась тишина.

Треск разрываемых пламенем поленьев был похож на стон души, поглощаемой тьмой. Бесформенные рыжие пальцы охватывали истончившиеся шеи древесины и медленно, с наслаждением, снимали слой за слоем, оголяя внутренность и пользуясь беспомощностью неподвижного тела. Легкие касания, стелющиеся ласки, так выглядит поглощение со стороны. Но многорукий зверь берет верх не силой, а жаром. Ему нет нужды спешить и рвать податливую плоть в момент. Стихия медлит, продлевает собственное существование, она дарит свет и тепло, отнимая его у обреченного дерева. Но таков круговорот жизни. В нашем мире процесс поглощения одного существа другим прекрасен, в нем нет ничего противоестественного. Он — сама жизнь в ее первоначальном виде.

— Есть проблемы, — тишину нарушил тихий голос Владыки Хрустальных лесов.

— Слушаем, — ответил за обоих Широ.

— Салвана мы отправили в столицу сразу по прибытии. Он должен был доложить обо всем случившемся, а король тут же связаться со мной. Но этого не случилось, — Баск сплел пальцы рук и положил их на колени, все еще неотрывно глядя на пламя. В багряных отсветах огня волосы светлого казались красноватыми.

— Марон последнее время мало сотрудничает, отдаляясь от нас. Открытого отказа пока нет, но те крохи поддержки, что мы получаем последние два года, больше похожи на потуги поддержать видимость мира, чем полноценный союз. Там что-то происходит, но у меня не было повода отправить туда делегацию. Сейчас появился шанс, — Баск выжидающе посмотрел на нас, ожидая вопросов, но я смиренно ждала продолжения, а Широ не

прекращал бросать настороженные взгляды на эльфа.

— Через неделю в столице будет бал в честь уходящего лета и сбора урожая. По всем человеческим городам и местечкам будут проводиться ярмарки и гулянья. Отличный повод наведаться с визитом вежливости, а заодно и прояснить ситуацию.

— Прости, Баск, но причем тут я? Я в политику не лезу, выжить бы сейчас. За мной стайку карателей послали, убиенную нами. Так с чего бы герцогу взять, да и не отправить новую за таким раритетом как я? Я буду сидеть тише воды, ниже травы и носу из родных эльфийских кустов не суну.

— Проблема как раз в твоём герцоге, — устало вздохнул Владыка.

Хлопаю ресничками. Ну да, я все еще не понимаю связи.

— Олсана помешал свадьбе наследника Гарны и принцессы из Ритара, не желая отдавать власть юнцу и укреплять положение обоих государств. Он готовит армию, но до свадьбы не успел сплотить ряды, и пришлось выкручиваться. В попытке подорвать власть двух людских стран обвинили Марон. Сейчас Ритар готовится к войне, и я понятия не имею, почему король Альхерт Маронский не мобилизует армию и вообще никак не реагирует на угрозу со стороны еще недавно дружественного государства. Бессмыслица какая-то! — экспрессия все-таки пробила сквозь эмоциональную устойчивость эльфов, и Владыка вскинул руки, закончив монолог на пару тонов выше, чем ему этого хотелось бы.

— Ваш горгульей обласканный герцог хорошо замел следы. Не знай я наверняка, что это его рук дело, не поверила бы.

Я закинула ноги на диван, от чего ткань закрипела, и протянула руки к камину. Что-то воспоминания о герцоге навевают холод на мой непривыкший к замораживанию организм.

— Он маг, очень сильный. Думаю, некромант и маг воды, — я снова поежилась, — силой от него несло за сотню тат. Просто сосуд нерастраченной магической энергии.

— Странно, — Баск нахмурил брови, — клянусь Хрустальным дворцом, еще десяток весен назад Олсано не обладал сильным даром, а некромантией и подавно.

— Получается, это не он, — предположил мой учитель.

— Или его другая версия, — ляпнула я, но по прожегшим меня взглядам поняла, что что-то в моей фразе было от истины.

— Думаешь...

— Возможно, — прервал рассуждения Владыки Широ.

— Что? — требовала я внимания к своей маленькой персоне.

— Вселение. Такое случалось, но достаточно давно, да и маг был убит. Подобное возможно, только если ты бог, за некоторыми исключениями. Уровень силы должен быть огромен, но ты об этом упоминала. Однако, ты не маг, и могла просто перепутать. Пока я сам все не увижу, я не могу утверждать, — последние слова адресовались Баску.

— Хорошо, значит, вы оба отправитесь на бал...

— Что? — а меня спросить не судьба?

— Широ, копи энергию. Нам нужен портал, времени на пеший путь у вас нет...

— погоди, Баск... — еще раз попыталась вклиниться. Как на глухую стену наткнуться.

— А пока готовьтесь, собирайте все необходимое и отдыхайте. Вы нужны мне во всеоружии. Вы мои единственные элитные глаза и уши.

— Мое мнение вообще по боку! — заорала я. У банши это хорошо получается.

И тишина в ответ. На меня смотрели две пары миндалевидных глаз, одни шоколадные, с добрыми морщинками в уголке, другие сапфировые с хищным прищуром. Абсолютно

разные, но в них было что-то схожее, теплое, родственное. Я часто замечала это, но уловить подкидываемые разумом подсказки никак не получалось. Вот и сейчас все свелось к любованию отсветами искр пламени в эльфийских радужках.

— Суа, девочка моя, ты на редкость проницательное существо, Неужели хочешь, чтоб тебе растолковывали все как ребенку.

— Может и хочу, — закапризничала я. Пусть теперь и меня включают в обсуждение, а то решили все за меня и пеняют на мою благоразумность. Щас. Нечего пренебрегать моим мнением, и будет вам благоразумность.

Баск вздохнул, а Широ грузно упал на диван, с которого встал чуть ранее в процессе разговора.

— Опасность грозит тебе именно от герцога, и мы не знаем, что он замыслил. А ответы на заданные вопросы находятся в Мароне. Пока это наша зацепка. Узнаем, что нужно герцогу, узнаем как, а главное, от чего защитить тебя, дорогая.

— А Широ без меня никак? Я, вроде, ценный, а главное, последний экземпляр. Меня не жалко в самое пекло?

— Жалко, — баск ласково улыбнулся, — но вы с эльфом хорошая команда. У вас почти не было провалов, и я вам доверяю. Сейчас напряженное время и везде есть уши. Пока ситуация не прояснится, я не намерен доверять политические тайны кому-либо, кроме приближенных. К тому же, — он лукаво подмигнул, — Широ официальное лицо, а ты нет. Твоя роль во втором акте пьесы. Если первый провалится, ты сыграешь во втором. Тебя никто не знает, и, уверен, твой учитель сделает так, что и не узнает.

— То есть, я третья сила, что тайно вызнает все секреты Марона? — ошалело выдала я.

— Да, Суа, именно так.

Вот это номер. Как я уже говорила, спасение умалишенных, дело самих умалишенных.

— Мы справимся малышка, как в старые добрые времена, — и первородный предвкушающее улыбнулся в потолок.

Ну ладно, будет весело.

Словарь

1. Tol lu — время пришло.
2. Im allen meletha — Я люблю тебя.
3. Sangwa Mor — Густая ночь.

ГЛАВА 5: Слепая ярость

ГЛАВА 5: Слепая ярость

Чувства — вещь хорошая, но их переизбыток угнетает

Я медленно шла по коридору, стараясь побыстрее оказаться в своих покоях и, наконец, отмокнуть в горячей воде. Рядом шел с чего-то повеселевший эльф. Ему, как оказалось, в ту же сторону, что и мне. Идем рядышком и молчим. Эльф скалится во все зубы, а я кляню носом. Вот-вот пересчитаю личиком все плиточки на полу. Тишина, кстати, сильно способствует моим математическим порывам «пересчитать».

Нашу молчаливую идиллию нарушил шорох. Легкая ткань выплыла из ниоткуда и заскользила по гладкому полу дворца. Затем из темного коридора обтекаемый тонким белесым шелком показался смуглый женский силуэт. Это была темная эльфийка. С ее плеч свисал тот самый белый легкий халат на голое тело, что был замечен первым, а по спине струились распущенные серебряные локоны до бедер. Она вышла на свет. Кожа была смуглой, как у всех темных, серые глаза отдавали серебром, а бардовые губы манили коснуться их. Прекрасная представительница дреу с изящной округлой фигурой. Миг, и на лице девушки отразилось узнавание. Всю веселость моего учителя как рукой сняло.

— Милый?

И весь прелестный облик эльфийки полетел к безруким зомби. Она ослабилась злостной фурией и потянула свои крючки к Широ.

— Зивелени, — эльф легко перехватил ее руки и отстранил не в меру прыткую девицу.

Странно, не помню, чтоб у первородного в любовницах дреу ходили. Не суть важно. Пора мне удалиться.

— Спокойной, — проямлила не обращающей на меня ни малейшего внимания парочке и направилась дальше, зло костеря себя за первичную симпатию к этой уродине.

— Ты специально, — донеслось до меня злое шипение эльфа.

— Возможно, — протянула гадюка, чтоб ей язык клыками прикусить.

Потом все затихло, и я, не удержавшись, обернулась. Дура!

Эта дубинкой отхоженная темная держала моего учителя за подбородок и целовала! В ГУБЫ, мать его, недальновидная эльфийка! В глазах потемнело. Или покраснело, но так обильно, что показалось чернотой. Я видела, как Широ оттолкнул дреу, встряхнул ее (надо было сильнее, чтоб голова отвалилась) и, развернувшись, пошел в мою сторону. Меня видеть вислоухий не мог (на его счастье), так как я неподвижно стою уже пару вар, а магическое освещение на движение активизируется.

Не знаю, как долго он шел, но я успела сложить всю мозаику. Оставался один недостающий фрагмент, и получить его я смогу только одним способом.

— Су! — голос был удивленным и звенел, но не от неожиданности, а именно от опасения, что я все видела.

Не давая эльфу прийти в себя, я резко схватила его за волосы у самых корней одной рукой, а второй зафиксировала подбородок, прижимая Широ к ближайшей стене. Теперь не убежишь, учитель.

Не теряя времени, я потянулась к его губам, чуть приоткрытым от удивления и...

возбуждения? Это разозлило меня еще больше. Эта клыкастая смогла то, чего мне никогда не достичь. Ненавижу. Я со всей силы рванула его за волосы на себя, вырывая несколько тоненьких золотых прядей с корнем. Пусть ему будет больно. Я ждала триумфа, я хотела позлорадствовать. Я желала насмеяться над ним, но мне не дали и шанса.

Вот они, желанные половинки губ. Нижняя чуть пухлее верхней. Горячие, от испытанного ранее поцелуя, и чуть кровоточат, от покусывания острыми клыками темной. Виденные мной во сне столько раз, что почти обратились наваждением для меня. Но моя страсть оборвалась, не достигнув цели. Холодная прослойка эльфийской стали боевого ножа. Столь тонкая, что нагревается от тепла тела в миг. Столь острая, что позволяет ручейкам нашей крови смешаться и падать крупными каплями с прижатых друг к другу подбородков. Столь жестокая, что стоит на страже, запечатывая желаемое и противясь соединению наших губ. Я чувствую тепло, согревающее белую сталь. Оно ощущается насквозь, исходит из глубины мужского естества. Я знаю, Широ чувствует то же самое. Тепло отдаваемое мной, касается его через лист податливого железа. Я не могу разорвать касание, не хочу.

Рука эльфа с моим верным в боях оружием, что впервые предало меня, неподвижно замерла в воздухе на уровне наших губ. Алчно поглощая огонь наших тел, сталь неумолимо стоит между нами. Мои глаза открыты, в них боль и осознание безысходности.

Ты хотела знать? Теперь ты знаешь. Теперь, это финал. Может оно и к лучшему. Но почему он не опустит руку, что сжимает мою шею и не дает отстраниться? Почему в его глазах надежда? На что ты надеешься, дитя Всевышних? Почему твой взор горит синим пламенем, обжигая мою скорбь? Почему он не гаснет? Почему ты так страстно прижался пылающими губами к лезвию клинка, что давит под твоим нажимом на побелевшие мои? Почему соединены мы грубой сталью? Почему сокрыл свои уста? Почему...

Я отпустила его косу, утягивая вслед за рукой несколько десятков шелковых змеек цвета спелых пшеничных зерен в сезон сбора урожая. Широ всегда был для меня теплой осенью, но сейчас он холодный, пронизывающий острыми, влажными клинками насквозь, ливень.

Коснувшись лезвия двумя пальцами, я мягко надавила на него, разрывая мучительно сладкое и адски болезненное мгновение, что останется в памяти навсегда. Он не противился, отпустил, лишь осторожно проведя ладонью по щеке в стремлении замедлить неизбежное расставание.

Я отстранилась, забрав напитавшееся нашей энергией оружие за острие. Оно еще теплое. Пальцы, словно бархатом, окутывает ореол остаточного огня, что источает лезвие. Освобожденная энергия тлеет в глубине эльфийского клинка, принося моим рукам тепло догорающей страсти.

— Почему? — собственный голос больно резанул по ушам. Таким безразличным он еще никогда не был.

— Я могу поцеловать только жену. Я эльф, Су. Это закон, — пытался донести до меня первородный, будто объяснения что-то меняли. Не меняли.

— Значит, она жена, — подтвердила свои мысли словами.

Он кивнул. Кинжал, раскаленный синим пламенем докрасна, вошел в сердце уже давно, не встретив преград, и был принят. Но теперь его провернули, вырывая душу. Больно. Надежда утекает как темно-алая кровь сквозь зажатые ладони. Холодно. Сейчас мне холодно.

Алибаскаэль рен Сиу, Владыка Хрустальных лесов

Я знал, рано или поздно все полетит к оркам собачим. С самого приезда Суары на замок будто наложили заклинание отсроченного действия. Задень не ту нить силы и полыхнет. Однако, даже задевать не пришлось. Зивелени прошлась по ним как пьяный тролль по посуде, да еще и потопталась. Так грубо заявить свои права на мужа даже орки постеснялись бы. Мало того, что явилась полуголая, так еще и начала раздевать и целовать Широарта прям в коридорах дворца.

Абсолютное бесстыдство и жгучая ревность — гремучая смесь. И ее вылили прямо на голову моей девочки. Всевышние, мы почти пятьсот лет оберегали ее от этой фурии, а в итоге сделали хуже. Говорил я Широ, давно надо было признаться, а не нервировать банши странным поведением. Шаг вперед и тут же два назад, да кто ж поймет, чего этот эльф хочет.

Даже не знаю, что теперь делать. По-хорошему надо бы поговорить с девочкой, но эта шустрая всю ночь скрывается где-то, и я не уверен, что во дворце. От стражи толку ноль, от Широ, естественно, тоже. Одна надежда на кельпи, но они ни в какую не хотят помогать. Мол, с ней все в порядке, а раз не хочет нас видеть, значит, причина веская. И все, хоть головой об стену. Не думал, что кто-то переупрямит банши.

В дверь тихо постучали, точнее, поскреблись. Кто это в такую рань, еще даже солнце не соизволило встать? Я, конечно, и так не ложился, по понятным причинам, но это не повод наносить визит в такое время.

— Кто?

— Бессонница, — грустно хихикнули с той стороны.

— Меня уже посетила одна, — ответил, направляясь к двери.

— А я за компанию, чтоб твоей скучно не было.

Я открыл дверь, за которой, обнимая себя за плечи и растирая их руками, стояла банши. Лицо бледное, с покрасневшими глазами, волосы на лбу мокрые от частого умывания, а рубашкой будто всю пыль во дворце собрали. О волосах вообще молчу, это произведение пьяного эксцентрика не поддавалось определению. Кажется, девочка тренировалась всю ночь, чтобы снять напряжение и забыться.

— Проходи, дорогая. Сейчас принесу чистую одежду, а ты пока иди, искупайся.

Суардана довольно быстро справилась. Не успел я закопаться в тряпки и выудить оттуда что-то мало-мальски подходящее, как банши уже стояла в дверях ванны, обмотанная большим махровым полотенцем, цвета спелой вишни. У меня вообще все покои в вишневых, зеленых и серебряных тонах, одна комната для омовений черно-белая. Ну не нравится мне купаться в кроваво-вишневой обстановке. Вампиром себя чувствую. Оттого и настоял, чтоб ванна была ванной, а не алтарем для жертвоприношений.

— Держи, — я протянул темно-зеленые обтягивающие штаны и салатовую рубашку с перевязью по бокам.

Суа быстро оделась и забралась на мою изумрудную кровать с ногами. У меня даже в глазах зарябило. Зеленка на зелени. Надо было чего-нибудь синенького ей дать, а лучше красное, была бы вишенкой среди листвы. Хотя, с насыщенным каштановым цветом волос скорее черешенкой.

Такими праздными раздумьями я упорно пытался оттянуть неизбежный разговор, то и

дело отвлекаясь по пустякам.

— Ты знал? — не поднимая золотых глаз от покоящихся на скрещенных ногах ладонях, задала самый опасный вопрос банши.

— Он глава моей разведки...

— Значит, да, — она неопределенно вздохнула, не меняя позы.

Я сел рядом с Су, аккуратно заправляя выбившуюся влажную прядку ей за ухо.

— Не моя тайна, дорогая.

— Знаю, прости, — осторожный взгляд из-под длинных ресниц.

— За что, милая?

— За бессонницу.

Я рассмеялся. Да, она определенно остыла и о многом подумала.

— Но тогда твоей бессоннице было бы скучно, — вернул смешинку я.

Сработало, она коряво, но улыбнулась.

— Ты из-за этого так холодно поприветствовал меня?

— Отчасти. Не ожидал, что ты с Широ идешь. Мне доложили о его прибытии, а тебя как-то из виду упустили. Что наводит на неутешительные мысли.

Я уже не раз задумывался над этим промахом. Кто же перехватил разведчика до меня и подкорректировал ему память?

— Теперь ясно, от чего Широ так корежило. Ты ему тогда о жене нашептал? — невесело усмехнулась девушка.

— Суа, это не мое дело, но я все равно скажу, твой учитель был вынужден жениться. Не знаю всех подробностей, но произошло это еще до встречи с тобой. Поверь мне, в этом браке любовью никогда и не пахло. Может только с ее стороны, и то очень эгоистична эта любовь. А со стороны Широ так вообще все ближе к ненависти.

— Тогда почему он не отослал ее куда подальше? — перебила меня обозленная Суардана. Похоже, гнев вернулся.

— Он отослал, — спокойно, положив свою прохладную ладонь поверх разгоряченной ее, пояснил я.

— Тогда какого охамелого орка, она все еще шатается по твоему замку?

Дана вырвала свою руку и уставилась горящими обидой глазами в мои.

Ты мой должник, Широварт.

— Она еще и моя родственница. Под прикрытием визита вежливости Зивелени часто является ко двору и отлавливает своего блудного мужа. Эльф давно отослал ее к родным, отрекшись. Но одно дело отречься, а другое — заключенный эльфийский союз. Как бы он не старался, их узы нерушимы.

— А кто она тебе, Баск. Как ее там? Зелень?

Я прыснул со смеху, вспомнив, как легко разгневать дроу, от чего та зеленеет от злости в прямом смысле. Су видела ее всего раз, но уже так точно описала. Проницательность всегда была сильной стороной банши.

— Зивелени. Она дальняя родственница. Очень дальняя, даже не знаю толком, кем мне приходится.

— Сестрица? — лукаво улыбнулась девушка.

— Всевышние упаси! — я дернулся от перспективы побрататься с этим кошмаром, а банши хохочет.

Стоп, хохочет? Ну наконец-то, лед тронулся. Пусть надо мной, но она смеется.

— Может тетка? — продолжает глумиться эта пакостница. Ни следа прежнего гнева, что куда делось. Эльф точно мой должник.

— Суа, какая тетка? Седьмая вода на киселе, — далась ей моя родственная связь с Зеленью, тьфу, Зивелени!

— Ладно-ладно, говоришь, Зелень на редкость ядовитая?

— Скорее прогнившая.

— Угу-угу, заплесневелая, — сказала будто сама себе, — что ж, сочувствую Широ. Это ж такой балласт всю жизнь за собой таскать, что даже на работе от нее спасенья нет.

Как-то быстро от сочувствия к себе она перешла к сочувствию эльфу. Не нравится мне, куда все идет. По идее жажда эльфийской крови должна проснуться и не утихать минимум лунный месяц, а тут. Пацифизм цветет и пахнет.

— Но ничего, мы ее втихаря заманим подальше от дворца, веревочку на шею, конец веревочки через веточку дубика и в ручки. А потом тянем-потянем, а вытягивать не надо. Повисит на импровизированном флагштоке немного и прости-прощай. А мы ножки в ручки и в бега. Как тебе план, Владыка?

— Суа, ты чего?

Веселость в раз исчезла. Глаза моей ученицы наливались кровью, и она говорила вполне серьезно.

— Не нравится, тогда давай так. Я ее по голове огрею, ты тащишь в лес, а там расчленим, по желанию, и кидаем волкам. Можем попросить Алкая, он подсобит с волками.

С банши что-то не так. На лбу испарина, снова растирает руки. Я присел на корточки перед своей сестричкой и внимательно всмотрелся в ее расширившиеся зрачки.

— Суардана, ты тренировалась ночью?

— Я что дура, мне дня хватило. Твои воины меня на стену загнали, как гончие в нору лисицу. О, точно, можем бросить ее в лесу и натравить императорских гончих. Они у тебя исполнительные, даже костей не оставят!

— Умывалась?

— Владыка, ты бредишь? Я только что из ванной.

— До этого? — я встряхнул Су за плечи.

— Нет, орк побери, с чего бы, — она раздраженно буравила меня полу безумным взглядом.

Значит, волосы были мокрые не от умываний, а пот был не от тренировок. Плюс, ее знобило, а сейчас у нее явно жар и очаровательное дополнение в виде жажды убийства.

— Ты пила что-нибудь после ужина?

— Нет, я умирала от жажды до сего момента. Конечно, пила.

— Что?

— Да какая разница? — Су попыталась отпихнуть меня, но я только сильнее сжал ее плечи.

— Что ты пила?

— Вино.

— Где ты его взяла?

— Ты сам прислал мне его ночью. Я как раз заскочила проверить Кайю и обнаружила кувшин на столе, — она явно не понимала, от чего я пытаю ее вопросами, но сейчас мне не нужно ее понимание.

— С чего взяла, что от меня?

— Так от него пахло мятой. Только ты знаешь, что я люблю добавлять в вино мяту.

— Значит, теперь не только я.

Я вихрем пронесся по комнате, выискивая, куда бы мог запропасться флакончик с универсальным противоядием. Отрава явно не была смертельной. Тот, кто дал ее Дане, хотел усилить ее гнев и ярость подталкивая совершить убийство. Вопрос, кого хотели убрать? Или Дану просто хотели дискредитировать? Да, Зелень способна на такие пакости. Нужно завтра же выкинуть ее из дворца и плевать на этикет. Вот он! Флакончик с мутно-синей жидкостью лег в мою ладонь. Когда я развернулся к кровати, девушки там не было. Где она?

Я нервно начал оглядываться. Мгновение, и меня схватили сзади, не давая и шанса вывернуться или разглядеть нападавшего. Флакончик был вырван из рук, а передо мной стояла Суа. Резко сорвав крышку, она разжала рукой мою челюсть и влила противоядие насильно. В глазах потемнело.

— Все будет хорошо, — нежные ладони мягко гладили меня по голове.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Су.

Я сидела на диване в своей комнате, мечтая провалиться сквозь землю. Ну почему именно сейчас? Почему не завтра? Тогда я со спокойной совестью послала бы вислоухого куда подальше. Почему я встретила его жену именно сегодня?

— Входи, — бросила я.

— Пора, Су, — наигранно-спокойный голос сорвался на моем имени.

— Без тебя знаю. Все спят? — сделала вид, что не слышала этого надрыва. Сейчас надо быть сдержанными.

— Да, нам не помешают. Ты все приготовила? — я кивнула.

Широ подошел ближе, наклонился к стоящему на круглом столике кувшину и принялся.

— «Слепая ярость»? — уточнил первородный.

— Она самая.

— Много выпила? — настороженно покосился на меня эльф. Волнуется.

Еще бы, не дай Всевышние, решу вместо задания покромсать его тушку. Признаться, мысль такая приходила, сослаться на яд и устроить ему жаркую ночь с холодным оружием, но увы, есть проблема посерьезнее оскорбленной гордости.

— Широ, я не дилетант. Спасибо, кстати, твоей подруге за столь щедрое дополнение к вину. Прости, жене, — поправились я, а эльф поморщился.

— Суара, я был молод, а выбора у меня не было. Когда-нибудь я расскажу тебе все. Не спеши с выводами.

— Пока я тормозила с выводами, думая, что ты ветреный у нас, ты оказался женатым. Недооценивать тебя чревато ущемлением моей гордости. А она у меня не стальная, — отчитала женатика.

— В чем проблема, Су? Я не живу с ней. Я вообще отрекся от нас и вернул ее родным. Нас ничего не связывает.

— Тогда поцелуй меня и проживи после этого хоть пару лет.

Он пробурчал что-то про то, что женщины неисправимы и отвернулся к окну, в которое

робко заглядывала пузатая луна. Почти полная, но уже пошла на убыль. Сейчас Руи одна властвовала небом.

— Ты права, — после небольшой паузы эльф снова заговорил, — я никогда не смогу поцеловать другую женщину, кроме жены. И детей мне не подарит ни одна другая, но любить от этого я Зивелени не стану.

— Ты можешь поцеловать другую. Суть в том, что ты никогда этого не сделаешь. Твой жизненный поток завязан на супруге. Разорвешь его, и ты труп в течении, — я задумалась, подсчитывая, — максимум года. Скажи, ты и в правду был настолько туп, чтобы заключить эльфийский союз с нелюбимой? — раздражение нарастало.

— Я был молод и думал о силе и власти, а не о любви и детях. Юношеский максимализм никто не отменял, Дана.

Может мне показалось, но в его словах скрывалась тоска. Неужели по беззаботному времени, когда проблемы он еще не видел. Забавное желание стать наивнее, чтоб игнорировать существующие сложности.

— Что ж, когда-нибудь ты это все равно осознал бы. Ты получил власть и силу, что теперь? — я не насмеялась. Мне было больно.

— Теперь поздно. Ведь ты не примешь ущербного эльфа с женой на шее? — хрипло рассмеялся он. Рассмеялся над собой.

— Нет. Мне достаточно собственной ущербности, учитель, — пора прекращать, опасная тема.

— Как яд? — Широ понял это тоже, и вернулся к проблеме.

— Действует.

— Контролируешь?

Я возмущенно глянула на него, но в ответ мне только улыбнулись.

— Тогда идем.

Я послушалась. Для большего эффекта умылась, намочив волосы у корней и одела не стиранную рубашку, ту самую, в которой протаранила домик у Хрустального тракта. Образ создан.

Всеми обиженная и разгневанная я выскочила из покоев и чуть пробежалась по коридору, создавая видимость тяжелого дыхания. Через вар я уже стояла у покоев Владыки.

Широварт ла Эк

Когда за Су закрылась дверь в покои Владыки, я быстренько прислонился к ней, накидывая полог невидимости. Пара вар и охранки вскрыты, а дверь теперь не более чем кусок дерева. Нужно ждать. Пока Дана не начнет создавать видимость отравленной «слепой яростью», Владыка не кинется искать универсальное противоядие, а без него нам не вывести ту дрянь, которой одарили Баска. Демон! Как я не хотел, чтоб это было правдой. И все же Владыку Хрустальных лесов отравили. А кто мог это сделать и так ясно. Не с чего Марону обрывать связи с эльфами, если они не спелись с кем-то другим. А спелись, похоже, давно и крепко. Как я проглядел?!

Вчера я специально допросил того эльфа, что докладывал о нашем прибытии. Он не врал, о банши Владыка был осведомлен. Тогда каким же волшебным образом он о ней забыл? Еще накладка: Салвана я отправил домой еще до приезда в эльфийскую столицу,

сразу как прибыли наши сопровождающие. А Баск был уверен, что встретил Салвана лично и отдал приказ открыть переход в Эгиль, столицу Марона. Кто-то искусно корректирует действия Владыки. Вот только банши не входила в их планы. Эту переменную они упустили.

Дана сразу сообразила, что Баск ведет себя странно. Еще в первую их встречу, она не оставила попыток понять суть своего волнения и направилась за Али в зал Совета. Когда же банши поделилась своими подозрениями со мной, я решил прошерстить дворец на наличие странностей. Таких оказалась уйма. К примеру, этой весной Владыку навещал советник Марона, о чем Его Величество не помнит. Потом, стражи во дворце волшебным образом по минимуму, а личная охрана Владыки упразднена. За нами же послали целую делегацию из элитных воинов, что должны бдеть Али днем и ночью, а не гостей сопровождать. Безопасность Tintill Elin вообще хромает на все четыре лапы.

Закончив свое маленькое расследование, я просветил Су, и мы вместе уже натолкнулись на одну бумажку, подписанную королем Альхертом и Алибаскаэлем. В ней Владыка Хрустальных лесов разрешал всем высокопоставленным гражданам Марона посещать Tintill Elin по своему усмотрению и пользоваться порталом переноса в любое время. Если содержание и так потрясало, то бумага, пропитанная каким-то токсином в сцепке с заклинанием частичного подчинения, вообще ввела нас в ужас. Причастность Марона уже даже не обсуждалась. Оставался один вопрос, как избавить Баска от пагубного влияния алхимии. Тут уже блеснула Су. Она припомнила, что у светлого есть универсальный антидот. Вот и решение. Нам нужно только уничтожить основу из яда, а уж заклинание я разрушу сам.

Так и родился наш план. Пока все были заняты своими делами, мы с Су успели и потренироваться, и весь замок облазить. Ее я все же погонял под конец дня и даже попинал немного, уж больно расслабилась.

— Суа, ты чего? — раздалось из-за двери.

Похоже, банши перешла к следствию отравления ядом, то есть, ярости и жажде убийства. Надо сказать, весьма интересные способы убийства она придумала. Не знай, что у нее иммунитет к «слепой ярости», посчитал бы, что прям сейчас пойдет убивать мою женушку. Интересно, а остановил бы ее я или сделал вид, что меня здесь не было? Уж очень заманчива перспектива снова стать холостым.

— С чего взяла, что от меня? — раздался грозный голос Владыки.

— Так от него пахло мятой. Только ты знаешь, что я люблю добавлять в вино мяту.

Положим, не только Владыка. Я тоже в курсе особенных пристрастий банши, хоть и не понимаю, как можно какой-то травкой портить шикарное вино. Ненормальная.

Из покоев Владыки послышался шорох ткани, скрип открываемых шифлядок и громохание разных безделушек. Пора.

Я слегка приоткрыл дверь. В гостевой никого. Медленно прокрался к спальне и наткнулся в проеме на покрасневшие глаза банши. Она что плакала? На меня шикнули, выводя из ступора, и потянули за рукав рубашки, указывая на стоящего к нам спиной Владыку. Я кивнул и замер. Банши чуть отошла от меня, уходя с траектории захвата.

Баск копошился еще вар в своих вещах, а потом резко отпрянул от комода, ища взглядом Дану. Недолго думая, я схватил его под руки, зафиксировав ладони сзади на шее светлого. Теперь он не вырвется.

Су быстренько выхватила флакончик с противоядием и, не давая Али опомниться, влила синеватую жидкость ему в рот, разжимая челюсти вручную. Резко запахло полынью и мятой,

которую так любит банши. Владыка обмяк в моих руках, а я, опустив его на пол, тут же начал плести разрушающее заклинание. Сейчас главное успеть нейтрализовать подчинение, пока Али не очнулся.

— Все будет хорошо, — прошептала Су, ласково поглаживая Владыку по голове.

Впервые я почувствовал жгучую зависть к отравленному, в бессознательном состоянии существу. Позор мне.

ГЛАВА 6: Непредвиденные последствия

Утро наступало нехотя. Вставшее солнце не спешило разрывать ширму из сизых туч, что грозно надвигались на дворец с низко отвисшим пузом, норовя излить всю накопленную и лелеемую весь путь воду над Хрустальным лесом. Они как караваны двигались медленно, грузно давя влажностью на землю, как вещи продавливают пол повозки, что волочится по самому песку. От сильного давления и перепада температур серые массы громыхали. Раскаты грома как скрип разошедшихся колес у переполненной телеги, разносились далеко за пределы эльфийских земель. Рассыпанный по всему лесу прозрачный камень умножал грозный рык уставших путников, отражал яркие вспышки их гнева. Хрусталь звенел и полыхал. Чем громче крик изнывающих под тяжестью влаги туч, тем громче звон кристалла. Чем ярче их негодование на небосводе, тем красочнее отблески, рождаемые прозрачными гранями. Неистовство стихии. Прекрасное в любом из своих исполнений.

Таким предстало утро для меня, а за ним и день. Не было холодно или душно, скорее некое ожидание накрыло все вокруг. Возможно, ожидание скорого дождя, а может пробуждения Владыки.

Я так и не смогла уйти к себе и предоставить его заботе служанок, собственно, как и эльф. Уже более десяти ват как мы закончили снимать подчинение с Баска. Сказать, что заклинание было странным — ничего не сказать. Самая настоящая алхимия, специалистов в которой не было уже две тысячи весен. Откуда же взялся такой одаренный уникам? Мы с учителем были загнаны в тупик.

— У меня сейчас голова расколется как орех!

Я схватилась за виски и начала энергично их растирать. Да уж, сутки беготни и игры в шпионов дают о себе знать. Голова болит нещадно.

— Су, иди спать. Я позову, если что-нибудь измениться, — до этого расслабленно сидевший в кресле, эльф потянулся. Его вид тоже оставлял желать лучшего.

Растрепанная коса (ерзаньем по креслу ли, или моими стараниями), сузившиеся до состояния щелочек глаза, что говорит о крайней степени сонливости, и перемятая нашими совместными с друу усилиями одежда, а может от ерзанья.

— Когда проснется наш нерадивый Владыка, он не позволит тебе разбудить меня. Слишком заботливый. А если я и так спать не буду, то выбора у него не останется, и он выслушает все, что я думаю о его умственных способностях, если таковые вообще имеются у этого беззалаберного эльфа.

— Может, я тогда завтра проснусь? — робко поинтересовались у меня хриплым голосом, — а ты пойдешь и выспишься хорошенько. Обещаю не просыпаться до твоего прихода.

— Явление Владыки народу! — радостно возвестила я, запрыгивая к светлону на кровать, — горазд же ты спать, Баск.

— А ты мне еще пузырек влей, и я до скончания веков просплю, — съехидничал эльф, — и вообще, какого розового в крапинку дракона, вы опоили меня этой дрянью? Она

против ядов хороша, а просто так — опасна. Что за выходки?

Ай-яй, Владыка гневаться изволит. Сейчас ему по-быстрому надо объяснить, что мы не безголовые шутники, а мудрые стратеги. Только чтоб он нам за такую стратегию руки не повыдергивал.

— Ну я пошла спать, а ты ему все объясни, — бодренько соскочила с кровати и почти в припрыжку пошла к двери.

Последний шаг, он сложный самый, особенно если поставили непроницаемую стену.

— Нет уж, малышка, это твой план, твое исполнение. Я только помог тебе, сама распинайся на тему «мы мир спасли», а я спать, — и эльф в наглуую попытался смыться, — пробуждения я дождался, остальное на тебе.

Не тут-то было. Мои цепкие коготки не одного мужчину оставили со шрамами. Юркнув кошкой за спину Широ, схватилась за его талию и впилась мертвой хваткой.

— Ты что, сдурела!

У-у-у-у, вопль знатный, даже Баск поморщился. Не, я не отрицаю, что на почве последних событий мозг сбежал в бессрочный отпуск, но оставшиеся крупинки еще сдерживают поток безумия, что рвется из глубин неуравновешенной натуры. Так что сейчас простой расчет на то, что учитель почувствует несвоевременно почившему разуму ученицы и избавит меня от необходимости упокоиться с миром от рук грозного Владыки.

— Су, выскреби свои иглы из моих боков! Ятаган в зад, Су!

— Стой, не дергайся, а то печень насажу на пять шампуров разом! — кровожадно провыла я, даже облизнуться не забыла, что отчетливо видел растерянный Широ в висевшем напротив зеркале в рост тролля, не меньше.

— Отпусти меня, ненормальная! Баск, тащи противоядие!

Чего-чего, какое противоядие? Я шустренько выхватила ножи из голенищ обоих сапог и невероятным образом скрестила лезвия перед самым кадыком Широ. Как я успела, не имею ни малейшего понятия, но учитель даже не понял, что ситуация изменилась. А мне, если честно, было весело.

— Ширчик, солнце мое закатное, повернись к зеркалу задом, к Владыке передом, — проворковал мой голос.

Во избежание попытки избавиться от моего захвата, оперлась неполными ладонями, так как умудрялась еще и оружие держать, на плечи первородного и закинула ноги ему на талию, крепко сжимая ее для опоры. Теперь вишу как вещевой мешок за спиной, за исключением того, что лямки режутся и весьма смертельно.

— Ну же, будь лапкой.

Широ медленно повернулся к Баску, что стоял в двух тарах от нас с тем самым флакончиком, часть содержимого которого я совсем недавно влила в горло Владыки. Не нравится мне столь близкое положение относительно Али.

— Баск, сладенький, отойди-ка к кровати. Тебе вредно ходить, отдыхать надо. Шагай-Шагай, шоколадка.

Я даже сглотнула, так захотелось попробовать его сладкую кровь. Почему-то было ощущение, что по венам Владыки течет горячий шоколад, приторно-сладкий, как я всегда любила.

— Сушка!

Я дернулась. Этот вислоухий обещал никогда меня так не называть. Убью!

— Широварти-и-ик, золотистый мой. Ты забыл наш уговор? — обиженно выпятила

губу.

— Какой уговор, Сушка? Не было такого, — он меня провоцировал, но на что именно, рой мечущихся мыслей не давал мне понять.

«Зачем понимать? Провоцирует, поддайся!»

«Ладно» — решила поддержать свою шизофрению.

[Алибаскаэль рен Сиу]

С Су творилось что-то неладное. Я вспомнил, что ее отравили и симптомы были неутешительными. Глядя же на обездвиженного эльфа, что даже не успел уклониться или поставить блок, мне и вовсе стало жутко. «Слепая ярость», теперь я был убежден в этом.

Не раздумывая, я схватил стоящий на одной из прикроватных тумбочек флакон с не полностью выпитым мной эликсиром и бесшумно двинулся к висящей на спине эльфа Дана.

Не замечая моего приближения, Су о чем-то приторно-сладко просила Широ. Еще пять шагов и... Не успел.

— Баск, сладенький, отойди-ка к кровати. Тебе вредно ходить, отдыхать надо. Шагай-Шагай, шоколадка, — голосом серийного убийцы пропела девушка.

Всевышние, да она уже почти ничего не соображает. Выброс эмоций, направленных на Широ, да еще и недавние события довели яд до наивысшего пика своего действия. Надо было отпустить ее спать. Но кто ж знал, горгулья?! Кто знал?

— Широарти-и-ик, золотистый мой. Ты забыл наш уговор? — обиженно прохныкала банши.

— Какой уговор, Сушка? Не было такого.

Широварт, со всей ответственностью заявляю тебе, ты — идиот! Как можно провоцировать неменяемую женщину с подавляющим желанием тебя прикончить.

— Вспомни, лапка. Ты обещал никогда больше не называть меня так панибратски, — и Дана медленно, еле касаясь лезвием кожи, провела кровавую полосу поперек шеи эльфа.

Выступившая кровь будто опьяняла девушку. Она глубоко вдохнула железный аромат алых капель, расплываясь в голодной улыбке, и не торопясь, даже по-своему нежно, слизнула ту часть красноватой дорожки, до которой смог дотянуться жадный язычок банши.

Это зрелище заставило меня внутренне содрогнуться от веющей опасности и в то же время занервничать от столь откровенной и эротичной ласки. Сейчас Дана именно изошренно соблазняла Широ, что ей, несомненно, удавалась, судя по помутневшему взгляду эльфа. Вот только как скоро соблазнение перерастет в пытки, не известно. А это произойдет, яд не даст Су так просто остановиться.

— Ты — мед. Горько-сладкий мед. Иногда жесток до горечи, иногда нежен до приторности, — банши прошептала каждое слово прямо в подергивающееся от ее тяжелого дыхания чувствительное эльфийское ухо.

Это была пытка. И я видел в потемневших глазах первородного, что жестокость мучений граничит с его безумием.

Дана медленно собрала губами остатки выступившей крови со своего боевого ножа, оставив лишь несколько маленьких кровавых потеков на гладком металле. Легонько надрезала свою губу и, повесив пару багровых капель на лезвие, прижала его к губам эльфа. Не знаю, что подвигло его поддаться, но Широ, с только ему известным наслаждением,

вобрал в себя щедрый подарок скорбящей. Когда окровавленный их кровью клинок отстранился, светлый жадно облизнул нижнюю губу в поисках сбежавшего алого лакомства, что неизбежно утягивал за собой влажный язык.

Я чувствовал себя не просто лишним, а самым лишним эльфом во всех мирах. Но только если не знать ситуации. А ситуация ухудшается тем, что Широ уже пьян Даной и утратил способность к самозащите, или вообще хоть каким-либо связным мыслям.

— Хороший мальчик. Будешь знать, что потерял.

Глаза банши заблестели безумным блеском. Предвкушение скорого убийства отражалось на ее лице, как на картине. Не осталось сомнений, что играть она закончила.

Ятаган мне в зад! Что же делать?

— Пока-пока, моя теплая осень, — утробно протянула Су.

Широ вздрогнул, от прежнего помутнения рассудка не осталось и следа. Взгляд вправо и я понимаю, что мне придется ринуться в том направлении, которое указал светлый, чтобы он смог обезвредить Дану.

Девушка схватилась одной рукой за плечо эльфа, а второй приставила нож к самой артерии, намереваясь одним движением наверняка оборвать жизнь первородного.

— Сейчас! — выкрикнул глава моей разведки.

Я, не мешкая, рванул вправо, снося собой круглый столик, до которого никак не ожидал допрыгнуть. В момент, когда я вернулся взглядом к парочке, Широ уже опрокинул банши через голову и сидел верхом на ней. Руки зажимать Дане не было необходимости, они застыли в момент нанесения последнего пореза. Так вот почему эльф медлил. Он плел сложное заклинание заморозки определенного участка тела. Это сложно, особенно когда сам находишься рядом. Одно неверное плетение и ты заморозишь себе что-то архиважное. В случае с Широ, это могла быть шея, а значит мгновенная смерть. Может, не будь на коже порезов, он просто обморозил ее, а так была опасность превратить в лед всю свою кровь.

— Давай сюда склянку, — эльф протянул руку, даже не обратив на меня внимания.

Все его мысли были о девушке под ним. Я лишь сочувственно покачал головой и передал флакон с противоядием. Не стоит разочаровывать его. Пусть думает, что у них еще есть шанс. Может подольше пробудет жизнерадостным эльфом.

Суа не простит и никогда не сможет делить то, что считает своим. Они изначально обречены на разные судьбы. Жизнь поступила жестоко, связав их вместе и пустив по параллельным дорогам, что никогда не пересекутся.

Голова не болит — новость хорошая. С Баском не поговорила — новость плохая. Выспалась — хорошая. Отрубилась на ходу — плохая. А дальше беспросветный ряд плохих новостей. По мере прояснения последних событий ряд становится не просто длинным, а бесконечным.

— Открывай уже глаза, Суа. Никто не винит тебя. Даже наоборот, я тобой горжусь.

Пришлось открыть-таки глаза. Уж очень любопытно, насколько мной гордятся.

— Правда, гордишься? — просипела я.

— Да, моя девочка. Если бы ты не засуетилась, эльф еще месяц бы бегал вокруг да около, пока понял, что я под подчинением — Баск убрал прядку с моих глаз и погладил по голове.

— Я много натворила, да? — осторожно интересуемся.

— Очень много, — у меня округлились глаза, — я шучу, Суа. Ты просто чуть не убила своего учителя, а он чуть не позволил тебе это.

— «Слепая ярость», — констатировала заспанная я.

— Она самая. Не вини себя. У тебя уже резерв сил почти истощился. Тут ходить тяжело, не то что яд сдерживать.

— А я и не виню себя.

— Умница, — похвалили меня. Рано, батенька, рано.

— Я виню Широ. Если бы не этот идиот, никаких душевных потрясений у меня не было бы. Правда и «Слепой ярости» могло не быть, но это мелочи. Благоверная его не Владыку спасти ядом хотела, а меня утопить в крови, кстати, интересно чьей?

— А это важно?

— Еще бы, — возмущению моему не было предела.

— Я сослал ее из дворца. Зеле... Зивелени удалена от эльфийского двора на пятьсот весен. Успокоишься за это время?

— За это время я ее отыщу, прибью и над трупиком поглумлюсь, — рассказала свои красочные мечты.

— Суардана!

— А что я, я ничего. Это все «Слепая ярость». Последствия, наверное, — оправдалась я.

— Эх, дорогая, тебе к поездке пора готовиться, вы на три рассвета раньше уезжаете. Хватит дурачиться, пора браться за дело, Суа, — мягко и ласково отчитали меня.

— А почему раньше? — логичный вопрос, согласитесь.

— Бал перенесли, какие-то неприятности с погодой предвидятся. По крайней мере, так говорят, а на сколько это правда, нужно разбираться, — Баск встал с края своей постели и начал расхаживать по комнате сцепив руки в замок за спиной.

Обычно это значило, что разговор серьезный и Владыка сам обеспокоен ситуацией. По спине пробежал холодок.

— Я встретил твоего раба, точнее воина — вторую личность, — поправился эльф, — сильный маг и опасный воин. Как тебя вообще угораздило путешествовать с таким человеком? Он же мог убить тебя и глазом не моргнуть, — на меня пристально посмотрели, перестав мерить комнату шагами.

— Он пытался... — не хотелось мне об этом говорить первородному, но выбора особо не было.

— И после этого ты все равно не ушла, а продолжила путь с маньяком в мои владения? Суа, я не понимаю, он угрожал тебе? — я мотнула головой, — тогда с какого перепугу осторожная и проникательная разведчица вдруг пренебрегла своей безопасностью и пошла на безумный риск — путешествовать с убийцей?

— Ты знаешь, что я никогда не допустила бы этого, если бы не чувствовала, что он не убьет меня. Какая-то сила связывает нас. Воин поостережется убивать меня, по крайней мере, до того момента, пока не останется единственным хозяином тела, чего я никогда не допущу. А Ван, он как маленький ребенок. Он многое пережил, и я хочу подарить ему хоть крупицу радости, как когда-то ее подарил мне ты, оставив среди эльфов и дав свою протекцию.

Я рискнула посмотреть на Баска. До этого смотрела на свои беспокойно перебирающие одеяло руки и боялась увидеть осуждение в глазах родного эльфа. Осуждения не было,

только тяжелый вздох и слова:

— Я тебя понимаю. Сам пошел против правил, оставляя тебя в живых.

— Ты о чем? — эта фраза насторожила.

— Ни о чем, дорогая. Пусть будет так, как ты решила, ничего уже не изменить. Но он остается здесь. Отправить его с вами в Марон я не позволю.

— Упаси Всевышние! С чего вообще мысли такие? Да он как тролль в посудной лавке, разнесет наш план, к оркам собачим.

Тут я была солидарна с Владыкой. Не дай Всевышние, такой катастрофе как Малыш попасть в Марон. Даже заговорщиков бесполезно будет искать, тотальное уничтожение дружественного государства.

— Рад, что этот вопрос решен. И все же, не привязывайся к нему. Послушай своего названного братишку.

— Спасибо, Алибаскаэль. Ты всегда поддерживал мои самые безумные идеи. Даже проверку стен разрешил...

— Ничего я не разрешал, — перебил эльф, — я тебя просто не заметил. Широ, кстати, тоже не замечал. Много и часто, — Баск уже вовсю улыбался, и я отвечала тем же.

— Пойду-ка я к себе. Меня там Кайа с вчера ждет.

— Ты же его спать отправила? — удивился эльф.

— Ага, но он точно хочет знать, что же произошло ночью. С утра у меня топчется, даже не сомневаюсь.

Я осторожно встала с кровати, подвигала руками, потом ногами, ничего не болело. Обещав прийти на ужин, я попрощалась и опрометью бросилась к себе. Причиной был, конечно же, Кайа, да только не основной. Память услужливо подкидывала такие вещи, что одного длинноухого мне лучше еще лет пятьдесят не видеть, но у меня есть только трое суток. И в этот промежуток времени я не планирую встречаться с Широ.

Я ворвалась в собственную комнату, будто весь совет во главе с его председателем хотят выгнать меня из Хрустальных лесов. Переводя дыхание, я оперлась о закрытую дверь.

— Ты где была? Я уже дважды пообедать успел! — с порога накинулся на меня кельпи.

— А с чего это дважды?

Кайа замялся, опустил взгляд в пол и начал странно покачиваться. Это приступ вины или сочувствия?

— Ну? — требовала я.

— Тебя ведь не было, а обед остывал. Вот я твой и съел... чтоб не пропал, — последние слова Кайа уже пропищал.

Вина все-таки. Надо отучить его от таких покачиваний, слишком странно выглядит. А вообще не только это странно. Сейчас кельпи выглядел не таким диким, каким был при первой встрече. На нем сейчас обтягивающие бирюзовые штаны с фиолетовым отливом, что изначально были просто зелеными и не переливались всеми оттенками сапфира. Внутренняя магия водяного народа меняла цвет вещей, влияла на их структуру. Рубашка, белоснежная до легкой синевы, тоже поддавалась этому странному влиянию магии воды. По длине она доходила Кайе до середины бедра. Абсолютно простые манжеты и ворот стоечкой придавали юноше более официальный вид. На ноги ему все-таки напялили коричневые сапожки с собранным гармошкой голенищем, а то щеголял босиком от самого Galad Isilme.

Образ создавался весьма романтичным. Жемчужные серьги, из трех бусинок каждая, покачивались в такт малейшему движению кельпи. Это украшение я видела впервые, как и

неровную жемчужину размером с грецкий орех, что свисала с тонкой шеи, удерживаемая тканевой веревкой, и ложилась на бледную грудь юноши.

Угольные пряди у висков были забраны назад, завязаны в узел и закреплены изящной рыбьей костью, в то время как отличающиеся от них цветом белоснежные были сплетены в тонкие косы из четырех прядей. Две у висков стекали по плечам и груди до самых бедер, а три оставшиеся свисали из-под общей массы черных волос, что заканчивалась в районе пояса, и тремя белыми жгутиками стремились достичь колен.

Пронзительные глаза цвета адуляра, источающие синеватое волнение на протяжении всего нашего путешествия, сейчас сияли лиловыми и фиолетовыми переливами. Острый взгляд покинул лицо мальчишки, сменившись спокойным, но все таким же внимательным.

Спустя почти месяц с нашей первой встречи кельпи значительно окреп и поднабрал вес. Острые локти и колени сгладились. Общая угловатость фигуры округлилась, обрастая, пусть небольшими, но мускулами. Передо мной стоял уже не тот отчаянный мальчишка, доведенный до края жизни, а привлекательный юноша, с горящими любопытством и жаждой путешествия глазами. В его жизни поменялась цель. Теперь она заключается не в том, чтобы выжить, теперь она тянет его жить, радоваться, любить. Открывать что-то новое, совершать ошибки и дурачиться. Он заслужил это. Никогда не думала, что не стану сожалеть о своей победе над ним. Я стала его билетом в новый мир.

— Дана, почему ты так пристально меня разглядываешь? Я не так оделся, — кельпи чуть наклонился и стал искать изъяны в своем облике.

— Нет, кошмарик, выглядишь великолепно, — поспешила разубедить мальчишку.

— Ну это то, что я согласился одеть. Все ваши куртки, пиджаки и тяжелая обувь меня окончательно добила, и я остановился на этом легком варианте.

— Он идет тебе как нельзя лучше. А вот как ты зимой будешь ходить, я не представляю? — это проблема.

— Я хладнокровен, Дана. Мне совершенно не холодно в морозы. Кельпи носят одно и то же круглый год.

Я малость остолбенела. Этого мне никто не рассказывал. Хотя чего удивляться, кельпи — духи воды, с какого бугра им должно быть холодно. Дриады вон зимой в шубы не облачаются.

— Все равно придется привыкнуть к верхней одежде, если со мной путешествовать будешь. Слишком много вопросов вызовет полуголый мальчишка в лютые морозы.

— Зато не вызовет абсолютно голый конь, на котором ты и собираешься путешествовать.

Уел, ничего не скажешь. Я про его вторую ипостась помню только тогда, когда он непосредственно в ней. В остальное время он для меня обычный человек.

— Каким умным стал, — фыркнула я.

— Я всегда им был. Подавляли, — слегка опустив взгляд, поправили меня.

Вот только грусти по прошлому мне не хватало. У меня не в меру приставучий эльф за спиной постоянно крутится, и шизофреник на шее висит, этого достаточно, чтоб взгрустнулось не по-детски.

— Так, отставить сырость, мелкий. Меня вообще в другую страну отправляют через три рассвета, — выпалила, наконец, то, что уже давно хотела сообщить кельпи.

— Ничего себе, и куда едем? — глаза так и загорелись алыми искорками.

— Я и Широ в Марон едем, а ты тут остаешься, — Кайа дернулся с места в попытке

возразить, но был остановлен моим указательным пальцем, — и только попробуй пойти за нами. Так высеку, что сидеть неделю не сможешь!

Кельпи где стоял, там и сел. Обида была вселенская. Еще пол вата мне строили самые несчастные мордочки, но я была неподкупна. После тяжелой артиллерии в виде Ванюши парочка слезных рожниц даже не заставят меня задуматься.

— Ну ты и зараза, Дана!

Я рассмеялась. Кайя дулся на меня, все так же сидя на ковре со скрещенными ногами, и зывал к моей совести. Жалость повернулась к нему задом, и он решил выбрать другую стратегию. Но уже через десять вар понял всю бесполезность затеи. Я скала и меня ничто не заставит пустить слезу.

— А на чем ты поедешь? — вдруг заухмылялся коняга.

— Решил, что нашел лазейку? Акстись, мелкий. Мы порталом пойдем. А странная личность в твоём лице, что привлечет лишнее внимание, нам не нужна. Делай выводы, — я откинулась на спинку бежевого кресла и вытянула ноги, зарываясь ступнями в мягкий молочный ковер. Блаженство.

Чувствуя свой проигрыш и все еще злясь, Кайя решил за лучшее удалиться из моих покоев в свои. Умный мальчишка, мне нужно подумать в одиночестве.

Кто может навязаться с нами? Алкай с удовольствием предастся созерцанию эльфийской столицы и надолго выбудет из реальности. Со мной его не потянет. Одной проблемой меньше. Феникс недавно заявил, что куда пойду я, туда и он, будто это какой-то там его долг. Впервые о таком слышу, но настроен пернатый серьезно. Значит, о скорой поездке мы ему не скажем. Еще не хватало мне маяк с собой таскать. Операция тайная, а слово тайна и розовый феникс как-то далеки друг от друга.

Что касается Малыша, ему никто ничего не скажет, а для надежности еще и запрем. После инцидента со служанками, я попросила нескольких воинов приглядывать за маньяком и ограничивать его передвижения и контакты с эльфами, особенно эльфийками. Каюсь, упростила Широ наложить заклинание стягивания времени и, так называемое, «проклятие затворника». Теперь ему кажется, что прошла всего пара ват с нашего прибытия, а проклятие отбивает у него всякое желание выходить наружу. Вроде, пока действует. Только Широ, пакость ушастая, Владыку туда провел, да еще без меня. Ничего, я ему это еще припомню.

Пора на ужин собираться. Потянувшись, я окинула гостиную ленивым взглядом. Темно-коричневые стены и светлая мебель бежевых тонов. Все выглядело гармонично. Молочные шторы, на шоколадных стенах и такого же цвета ковер на темном полу. Контраст был видимым, но именно эта комната во всех покоях нравилась мне больше всех. Теплая она, уютная, с большим камином.

Сделав над собой усилие, я резко встала и направилась в бассейн, сбрасывая вещи на ходу. Горячая вода обволакивала меня со всех сторон и манила остаться с ней. Мерное дыхание разносилось по всей ванной комнате, убаюкивая и без того разморенную меня. Почувствовав воду на своих губах, я резко вынырнула и поняла, что с водными процедурами пора заканчивать. Обтеревшись, надела свободную молочную рубашку, чуть прикрывающую ягодицы и темно-синие ласины из плотной ткани. Сверху накинула черный кожаный жилет. Холодает нынче. Осень вступила на эльфийскую землю.

За дверью никого не было, и я решила прогуляться по дворцу, коротая время до ужина. Пусть меня потом поищет приставленный ко мне сопровождающий.

Гуляя по знакомым коридорам, отмечала, что последствия моих экспериментов на

удивление быстро устранялись. Никаких разрушений, шероховатостей или почерневших стен. Идеальные коридоры. Даже обидно за себя. Так стремилась решить свои задачи, столько трудов угрохано, а следов моих стараний нет. Несправедливость.

— Сушка?

Я обернулась. Позади меня стоял Радиан. Голубые глаза с синим ободком предвкушающе сияли.

— Привет, Ди. Как работаете на прежнем месте?

— Отлично, спасибо тебе, — вполне искренне поблагодарил восстановленный в должности глава личной охраны Владыки, — мне только интересно, как тебе это удалось?

Я пожала плечами. Не стану же я рассказывать непосвященному, что Владыка под подчинением был, оттого и упразднил личную охрану. А когда мы с Широ развеяли заклинание, все вернулось на круги своя. Благодарить меня особо и не за что. Я же не его драгоценную должность спасала, а скорее всего весь эльфийский народ.

— Тебя пожалела.

Я увидела в этом хорошую возможность, наконец-то, наладить отношения между нами, от того и слукавила.

— Ну спасибо тебе, Дана. Я проникся.

Уже по изменившемуся ко мне обращению, я поняла, что эльф действительно пошел на мировую.

— А чего ты тут бродишь? — удивилась я, — ты Владыку стеречь должен.

— Смена моя кончилась. Не волнуйся, Алибаскаэль в хороших руках, — заигрывающее подмигнул Ди.

И я ему поверила. Он на самом деле отличный воин, и должность не досталась ему от собственного статуса. Радиан проходил боевую подготовку вместе со мной и был лучшим воином, после учителя, конечно. Отсюда и вражда между Широ и Ди. Соперничество стало первой ступенькой к конфликту, положение в обществе — второй. Теперь они постоянно грызутся или избегают друг друга. Два самых сильных воина Хрустальных лесов, глава элитного разведывательного отряда и глава личной охраны Владыки. Они опора Эльфийской империи во главе с Алибаскаэлем, одаренным политиком и прирожденным лидером.

— Су-у-у, слушай, — светлый подошел ко мне вплотную и наклонился к левому уху, — я не шутил про тайный проход к залу Советов. Хочешь, проведу? Ответная услуга, так сказать, — и он расплылся в хищной улыбке. Ни одна я не терпима к совету.

— Спасибо, конечно, за предложение, но я и так в черном списке у совета. Не хотелось бы усугублять ситуацию, — я хлопнула его по плечу и направилась прочь по коридору.

— Как знаешь. Передумаешь, зови, — донеслось мне вслед. И я услышала за спиной удаляющиеся шаги первородного.

Может и стоило подпортить жизнь совету, да только Ди я не доверяю. Он, возможно, изменил свое отношение ко мне, но бросаться к эльфу с открытой нараспашку душой я однозначно не планирую.

В раздумьях ноги сами принесли меня к моим комнатам, у которых стоял Широ. Колокольчики тревожно зазвенели. Почему именно он провожает меня на ужин? В голове лихорадочно металась мысль, ища выход из ситуации. Я наотрез не хочу идти с ним.

Почувствовав мое приближение, эльф обернулся и натянуто улыбнулся одними губами. Напряжение так и витало вокруг, давя на застывшую меня.

— Я сама дойду, спасибо, что пришел меня проводить, — и, не давая и шанса себя

остановить, кинулась в противоположную сторону.

Наверное, от поимки меня спасло удивление, что отчетливо читалось в глазах эльфа, когда я отказалась от его компании. Столь радикальных мер он явно не предполагал. А я, как под гипнозом, уходила все дальше и дальше, петляя по коридорам, как заяц меж деревьев. Стыд и обида гнали меня вглубь дворца.

Каким-то образом я оказалась в крыле подсобных помещений. Уже разворачиваясь в обратную сторону, ощутила чье-то присутствие. Миг, и меня схватили за локоть, грубо рванув на себя. Потеряв равновесие я полетела в объятия неизвестного, что не теряя времени тащил меня в ближайшую небольшую комнату, судя по обстановке и размерам — кладовую. Я вся сжалась, ожидая синяков, но нет, ничего подобного не последовало. Мою талию крепко держала рука, прижимая спиной к широкой теплой груди похитителя, и не давала мне ни малейшей возможности отодвинуться, а вторая зажимала рот. Я решила посопротивляться. Ну не сдаваться же без боя, в самом деле. И первым моим действием была моя сомкнутая на чужой ладони челюсть.

— Ай! И это твоя благодарность за спасение. Воистину неблагодарное существо.

А-а-а-а, спасите меня! Режут, бьют, кромсаюу-у-уть! И как только Тариван нашел меня?

— А я не просила меня спасать, может я хотела, чтоб меня поймали.

— А ты хотела? — насмешливо поинтересовались у меня.

— Не особо, что вовсе не повод хватать меня и тащить в какую-то кладовку, — возмущалась я.

— Да что ты? — и вот не могу понять. Раньше сплошным презрением меня обливал, все убить намеревался, а теперь издевается надо мной и спокоен как василиск.

— Слушай, у тебя случаем не рецидив? — мне ничего не ответили. Зато мягко укусили за мочку уха и потянули чуть-чуть. Паутинкой разбежались мурашки от шеи и вниз.

Только вот не надо этого. Я млею начинаю. Стоять. От чего я млею? От прикосновений маньячины? Не смешите Палены копыта! Ой, только не шейку, нежная она. Беру замах и со всей силы локтем под дых. Увернулся зараза, да еще и руку мою в плен взял. Крутанул меня как игрушку, чтоб лицом к нему оказалась, а руки мне назад завел и держит, извращенец белобрысый. Ну, дожدهшься у меня.

— Пусти, садист.

— Зачем, мне и так не плохо.

— Мне плохо, очень плохо, — а мне в ответ обиженная мордочка Малыша.

Так, я сейчас не поняла. Это Ванятка, что ли? Смотрю же, на маньяка непохож. Спокойный очень, уравновешенный. Неужто, мозги на место встали?

— Дана, я тебе совсем-совсем не нравлюсь? — и такой он несчастненький, что сердце кровью обливается.

— О чем ты, Малыш, конечно нравишься. Только ты раньше никогда меня не хватал так, — и смущение.

— Но эльф же тебя так держал и целовал, тебе нравилось, — похоже, я снова вывихнула челюсть. Надо срочно ответить, — не отрицай, я знаю, что нравилось, — и он отпустил мои руки.

Открываю, закрываю рот, сопровождая все это невнятными звуками. А мой детенок отвернулся к стенке и голову повесил.

— Эм-м-м, Ванюша...

— Прости, я больше так не сделаю, и... — договорить не дала.

— Ничего плохого ты не сделал. Правда, я слегка шокирована твоими умениями, — чувствую, щеки снова горят, — а с Широ мы товарищи, не более того, даже скорее соперники.

Вроде не сглупила. Кто ж знал, что этот амбалушка среди ночи нас в том слосчастном коридоре застукает. И ведь не поцеловались даже, а, похоже, выглядело со стороны все именно так. Надо Широ за то, что не сработало проклятие, уши оборвать и сказать, что так и было. Тоже мне герой-любовник. Ни одной юбки не пропускает, а сам женат. А Малыша я люблю, нечего чтоб он из-за этого вислоухого страдал. Ух! Как я зол, как я зол!

— Малыш, ну посмотри на меня. Ты ж не умеешь долго обижаться, — повернулся, даже подошел. Погладила его по щеке. Шершавая слегка, быстро же у него щетина растет.

— Дана?

— Да, милый мой.

— Эльф тебе совсем не нравится? — и озабоченный взгляд, волнуется бедняга.

— Не нравится, не нравится.

— Значит, у меня есть шанс?

— То есть? — чего-то я потеряла нить разговора за поглаживанием его щеки.

— То есть с тобой, — спокойно и медленно разжевали мне, будто это я позавчера в своих штанах запуталась и чужие сапоги напялила, а не Ван.

— Как? — туговато соображается мне. Такие перемены не к добру. Ну не может мой маленький неумеха, в самом деле, иметь ввиду любовные отношения, даже если этот неумеха поумнел.

— Вот так, — ан нет, может!

Мою шокированную тушку без сопротивления притянули к себе. Горячие губы в мгновение накрыли мои. Где блуждали теплые и такие нежные руки искусителя даже страшно признаться. Ноги меня уже не держали. Поцелуй был нежным, но требовательным. Не было местечка на моем лице и шее, которое не приласкали его жадные губы. Похоже, крепость взята без боя, когда защитники пили где-то в сторонке.

Какие же у него большие плечи. Я настойчиво вырывала свои кисти из его рук и занималась собственным исследованием мускулистой спины, мощной шеи и мягких нитей волос. Запах песка. Я запустила пятерню в его волосы и притянула к себе. Пока его губы спускались к ключицам, а руки крепко держали меня над полом, я с удовольствием уткнулась носом в его макушку. Запах раскаленного песка и камня затуманивал и без того опустошенный разум. Мысли медленным потоком утекали в никуда.

Плечу стало холодно. Похоже, мою рубашку уже начали стягивать. Мало, слишком мало касаться его руками. И я сомкнула свои ноги на его талии. Тяжелое прерывистое дыхание на моей, пока еще облаченной в белье груди, заставляло дрожать. Влажные следы на шее горели огнем, но огонь внутри был намного яростнее. И это странно. Почему мне это знакомо? Почему только почуяв запах, я потеряла всякий контроль над своим телом? Не похоже на меня.

Ван тем временем снова поцеловал меня, страстно и требовательно. Сильное желание током исходило от его искусного языка. «Опасно»! Почему именно это всплыло в моих мыслях? Слишком опытно, слишком страстно!

Поцелуй затягивался, но ни один из нас не был против. «Почему»? Снова здравый смысл на кромке моего сознания.

Легко прикусив нижнюю губу, Малыш потянул ее, вбирая в себя. И снова укус, но слишком яростный. Я резко открыла глаза. Какие, к лешему, поцелуи. Что творится-то? Нет, русалка задуши, это не мой Малыш. В таком месте, ни с того не с сего и так яростно. Нет! Это обман! Я дура! Какая же я дура!

— Нет! Оставь меня! — он немного отстранился. Я заглянула в его глаза, где плескалось нетерпение и раздражение, а лицо выражало волнение и растерянность. Несоответствие, однако!

— Тебе не нравится? — слова звучали хрипло и прерывисто.

— Нравится, очень. Но давай остановимся, а? — зрачки Вана расширились. Злитесь, поганец. А лицо умоляющее, страдающее, прям самое несчастное в мире существо.

— Зачем, Дана? Мне тоже хорошо, — еще бы, демон во плоти, тебе не было хорошо. Нетушки, маньячина извращенная, хватит с тебя.

— Как-то здесь неуютно, и кровати нет. Давай не будем торопиться, — отчетливо слышу скрежет зубов.

— Хор-р-рошо, я никогда тебя не заставлю, — какой-то утробный рык получился, а я обрадовалась маленькой мести. Но не надейся, большая не заставит себя ждать. Это ж надо! Научился Малыша изображать, и когда успел только? Хорошо подрассчитал, зараза. Ослабевшая женщина, да еще и расстроенная. Ох и отыграюсь я на твоей шкурке.

Тариван нехотя отпустил меня, а я, с видимым облегчением, встала на пол. И только решила, что он все еще близко и надо оттолкнуть его, как что-то скрипнуло. Что-что? Дверь скрипнула, а в ней ни кто иной, как эльфик мой незабвенный. И глаза у него от кошачьей формы к идеально круглой приближаться стали.

Медленно наступает осознание ситуации. Я резко отпихнула амбалушку, который при появлении первородного приклеился ко мне повторно. Смотрю на Широ, убийственное спокойствие и мягкая улыбка, адресованная мне. Ой, мама! Чего ж ты раньше не объявился, спаситель недоделанный? Хотя не, раньше не надо.

— Су, иди-ка сюда, милая моя, — и тянет ко мне руку.

— А может не надо? — я сглотнула. Страшно-то как.

— Надо, девочка моя, надо, — к мавкам такой нежный и мягкий голос. Цепляюсь за рубашку Вана. Стоп, а где рубашка?

Мама! Нет! Рубашки нет! Смотрю на себя. Фух, на мне есть. Но то, что на мне есть, это почти что нет. Наполовину расстегнутая льняная рубаха стянута с правого плеча, им я как раз к моему будущему убийце стою, и открывает всю верхнюю часть моего белья. Знать, в каком состоянии моя голова, лицо и шея, даже не хочу.

— Суа-ара-а-а, иди, красавица, — от того как он тянет гласные, завывать в голос хочется, — лучше иди сюда, пока я еще прошу.

И все. Занавес.

ГЛАВА 7: Чем больше шпионов, тем точнее информация

ГЛАВА 7: Чем больше шпионов, тем точнее информация

Ясность — это одна из форм полного тумана.

Мюллер. К-ф: «Семнадцать мгновений весны».

На ужин я шла как на каторгу. С обеих сторон меня окружили конвоиры. Широ тихо зверел, а Тариван ехидно скалился, за что мне хотелось выбить парочку его ровных зубов. Вот только я боялась даже шелохнуться. Одно неверное движение, и на нашем месте будет зиять обугленная дыра.

Бешенство застилало все разумные доводы, и до первородного не было ни малейшего шанса достучаться. Когда наше развеселое трио влетело в обеденный зал, все разговоры затихли сами собой, а взгляды скрестились на мне. Неужели такая растрепанная?

— Рады, что вы, наконец, соизволили прибыть к ужину, — упрекнул феникс.

Ну что за тупое создание? Кто вообще сказал, что он мудрый? Пните этого недальновидного.

— Все вопросы к Суардане, — голос был тихим, но переливчатые звуки, полные эльфийской певучести ввели всех присутствующих в состояние окаменения.

Тут же сползло все негодование с лица феникса, сделав его статуей самому себе. Алкай склонил голову пониже и прикинулся пеньком. Кельпи сделали вид «Моя хата с краю, ничего не знаю». Один только Баск проводил эльфа пристальным взглядом до его места. Когда же Широ уселся, внимательного взгляда удостоилась я. Сделав страшные глаза, кивнула в сторону учителя, и провела указательным пальцем поперек горла, высовывая язык. Владыка дернул головой, спрашивая причину такого бешенства. Теперь настала моя очередь прикинуться пеньком.

— Может мне стоит удалиться, чтоб вы свободно поговорили?

Я аж подскочила на месте, собственно, как и Баск. Широ сидел, подперев подбородок рукой, и все это время внимательно следил за нашей пантомимой. Троллев сын!

— Не возражаю, — неожиданно заговорил маньяк. Ой, что сейчас будет.

— Не тебя спрашивал.

— Зато я ответил. Простой этикет, которым ты не владеешь, — не обращая внимания на искры, что летают между ним и Широ, Тар встряхнул салфетку и положил ее себе на колени, будто помахал тряпкой перед мордой дракона.

Температура резко повысилась, а в руке моего учителя начала формироваться огненная сфера. Кранты!

— Широарт, мне срочно нужно с тобой поговорить, — Баск уже вставал из-за стола не оставляя светлomu выбора.

Отвлечшись на Владыку, первородный потерял концентрацию, и зарождающееся пламя погасло. Воспользовавшись растерянностью эльфа, Баск схватил того за руку, и они вдвоем покинули зал.

— Фух, — облегченно выдохнули все присутствующие. Я так вообще не дышала, пока Владыка не увел ходячую пиротехнику в эльфийском теле.

— Расслабься, девочка. Не ты была его целью. Хотя забавно, что причиной была именно ты, — противно улыбаясь, уколол меня маньяк.

— В смысле? — как всегда вклинилась любопытная птичка.

— Жуй, давай! Все ему знать надо, — бросила я Ласкану.

Мне было жутко неловко. А стыд в отношении Широ только возрос. Как я вообще теперь с ним работать буду?

Десять вар мы поглощали пищу в тишине. Но ей не суждено было продлиться долго.

— Собирайся, Дана. Вы выдвигаетесь завтра рано утром.

В зал стремительно ворвался Владыка. Он глубоко дышал и лицо его немного покраснелось. Наверное, пробежался.

— Что значит, сегодня, Али? Еще три дня впереди, — я начала здорово нервничать.

— Тебе прикрытие нужно. Я не успел еще вам сообщить, но приглашение на бал Хрустальному лесу до сих пор не соизволили прислать. Это прямое оскорбление эльфийской империи. И этого я не потерплю. Вы явитесь туда тайно. Сейчас как раз нанимают временную прислугу на неделю празднества. У тебя есть не плохой шанс попасть в число нанятых во дворец, — Баск сел на свое место и обратился к фениксу, — я так понимаю, вы идете с ними?

— Да.

Ну зачем Баск начал этот разговор при фениксе, да еще и спросил о его желании присоединиться? Неужели, изначально хотел отправить пернатого с нами? А я как дура боялась проговориться.

— Тогда вам тоже нужно собираться. Широ сейчас готовит портал, так что останется его только активировать. Уходите до рассвета, выйдите в пятнадцати татах от города. Этого должно хватить, чтобы вас не обнаружили. Портал засекут, но пока доберутся, вас там уже не будет. Удачи.

Быстро похватав все съедобное, что пригодится в дороге, я извинилась и поспешила к себе, собирать вещи. Через двадцать вар Ласкан принес сумку с необходимыми настойками, ядами, противоядиями и травами. Он беззвучно сел на кресло и ждал, пока я соберусь.

Кроме вещей, мне приходилось выгребать давно заброшенное снаряжение. Веревка, арбалет, кошки для лазанья по стенам, косметика для маскировки, тончайшие кожаные перчатки и несколько магических хваток с радиусом действия в три тара. Еще я добавила к уже собравшейся куче свой старый облегчающий костюм. Один эльфийский мастер когда-то сшил его специально для меня. По всей длине комбинезона, сзади, бежит плотный ряд из множества пуговиц. Застегнуть эту прелесть самой невозможно, как и расстегнуть. Зато удобно проникать в помещения и лазать по стенам.

Вместо обуви на грубой подошве, в дополнение к костюму, мне сшили длинные носки с уплотненной тканью, и чем-то еще, низом. Чувствуется каждый камешек, зато передвигаешься абсолютно бесшумно. Ко всему этому пришлось достать ненавидимые мной ножны, что плотно прилегают к телу с боков, от самых подмышек и до талии. Именно в них на заданиях я прятала свои ножи. Из-за их особенного расположения нереально вычислить, что у меня есть оружие. Часто, именно это спасало мою жизнь. Но Всечувствующие, как же неудобно их носить!

Я поморщилась, глядя на перевязь, и аккуратно сложила ее в мешок прямо с ножнами.

Успею еще надеть.

— Я готова.

Феникс, до этого пристально наблюдавший за всеми моими манипуляциями, будто отмер.

— Тебе Баск лечебный мешок передал, — показал он на принесенную ранее сумку.

— И не только лечебную, — поправила я, — а ты собрался?

— А что мне собирать. Вся одежда и мелочи, что я с собой привез, уместились в небольшой вещевой мешок. Долго мучиться со сборами не пришлось.

— Везет тебе. Мне еще ревизию устроят. Лишнее выкинут, нужное впихнут. Широ, не проверив мои пожитки, с места не сдвинется. Вот такой дотошный эльф, — Ласкан улыбнулся, — тебя это тоже коснется, пусть и в меньшей степени.

Феникс в момент погрузился и даже возмутился. Как это его сиятельную персону будут инспектировать и указывать, что можно брать, а что статус не дотянул отстоять.

Плюнув на кипящего праведным гневом принца, отловила служанку и попросила приготовить нам чай с какой-нибудь сдобой. Мне Широ, кстати, задолжал пяток эльфийских пирожных. Надо бы взыскать должок.

— Давай расслабимся на пару ват. Как только переступим порог моих комнат, отдых нам не светит.

Предложила я, попивая черный чай и сидя с ногами в мягком кресле. Ласкан поддержал мой настрой и на ближайшие пять ват мы были потеряны для всего мира.

В развешенное окно робко заглядывала убывающая Руи. Ее золотой лик менялся с каждым проплывающим облаком, что прятали разные черточки ее лица. Белесые барашки медленно шли друг за другом, не торопясь открывать полный образ ночного светила. Полусонный погонщик-ветер то мерно подгонял свое стадо, то забывал о нем, увлеченный желтеющими кронами деревьев и подсыхающей травой.

На земле природу окутала своей силой увяданья осень, рождая целый калейдоскоп ярких красок. Но взор был направлен в небо, игнорируя прелести наземной жизни. Там, в вышине, ожидали своего пастуха кучевые овечки, почти застыв на месте без движения. Проходили долгие вары, и рассеянный ветер вновь брался за своих пушистых подопечных, что белесым дымом все больше застилали небо.

Природа была спокойна. Излив свои слезы днем, она умиротворенно засыпала, уставшая от переживаний. Вместе с ней крепко спал в мягком кресле феникс и тихо посапывал.

Мне не спалось. Ощущение опасности предстоящего задания, волнение, азарт — все смешалось внутри, убивая даже малейшие зачатки сна. Я знала, что сон мне недоступен, но хотела побыть одна. Поэтому, незаметно для Ласкана, бросила в заварку корень хейши[1]. Отличное снотворное. Оно дает красноватый цвет, но черный чай полностью скрыл этот небольшой изъян почти идеального растения.

Время пришло. В дверь постучали.

— Пора.

Полностью экипированный светлый стоял в дверях покоев, не решаясь переступить порог. Боевая коса мирно растянулась на груди первородного, тая в себе жуткие страдания для его врагов, а сапфировые глаза уставились куда-то вдаль, стараясь избегать взглядов на меня. Я поднялась, игнорируя, вдруг ставшего робким, эльфа, и направилась к соседнему креслу.

Широ подождал, пока я растрясую Ласкана, а потом передам сонному фениксу часть

имеющихся сумок. Не говоря ни слова, мы направились в императорский сад. Вещи никто не стал перебирать, мы просто распределили их по возможностям каждого.

Прощание было молчаливым. Баск кивнул и Широ активировал портал. Первой шла я. Оглянувшись на высокие башни и Всевышних, что недвижно стояли на их верхушках, попросила их благословения. В последний момент увидела два блеснувших в темноте пятнышка. Лунные глаза моего кошмара. Он притаился за кустом розалий, провожая меня пристальным взглядом.

Поворот и я в мареве портала, что через ван сменяется красочным пейзажем более поздней осени. В Хрустальных лесах осень наступает к середине, а то и концу своего первого месяца, в то время как на людских землях эта пора года заявляет свои права гораздо раньше.

Вот я и добралась до восточного людского королевства. Давно хотела наведаться сюда, но при других обстоятельствах.

Сзади охнул феникс, грузно свалились на траву наши пожитки, и портал схлопнулся по разрешению своего создателя.

Около тысячи весен назад

Глубокая ночь. Свет луны не пробивается сквозь плотный строй облаков, что затянул весь небосвод, скрывая собой любые проявления света. Только одна одинокая звездочка, рассеивая белый туман вокруг себя, смогла вырваться из плена дымчатых охотников, но тут же была захвачена вновь голодными клубами белесых хищников.

По насыпной дороге, скрываясь под капюшоном, стройная мужская фигура в полной темноте двигалась в направлении портала. Он точно знал, куда идти. Он знал, что больше сюда не вернется. Сожаление затопило душу юноши. У него была счастливая жизнь впереди, а теперь он изгнанник. Никто не придет проститься с ним, никто не взглянет ему в глаза в последний раз и не пожелает удачи. Запрещено!

Это слово преследует его. Звучит набатом в его голове. Голоса близких и сородичей твердят его в один голос!

Он нарушил закон, не совершив то, что запрещено. Никто не задумался над свершенным. Никто не стал разбираться в нем. Хватило всего одного выкрика «Запрещено!», и приговор вынесен. Изгнание без срока.

Неожиданно фигура замерла, чуть наклонив голову так, что его длинные, странного цвета, волосы упали на лицо, скрывая лик от любопытных глаз. Портал в пятнадцати тарах от замершего юноши, засиял голубоватым светом и выпустил из своих пространственных объятий девушку.

Каштановые волосы кучерявились, спадая кольцами на затянутую в корсет грудь, а длинное серебряное платье фалдами струилось вниз. Жрица мотнула головой, будто стряхивая с нее что-то, и подняла золотые глаза на юношу. Миг и их взгляды встретились.

— Портал заблокирован на ночь, что вы тут делаете? — официально начала девушка, вытянувшись в струну и одернув испачканный в грязи подол.

— Но вы же прошли через него, — оправдывался изгнанный. Ему не хотелось, чтобы кто-то из посторонних узнал о его участии. Ему хватило позора среди своих. Пусть она опустит его.

— Я жрица долины и заместитель хозяина долины. Я могу то, что другим запрещено, — гордо возвестила вторая хозяйка долины.

Юноша вздрогнул. Снова прозвучало так ненавидимое им слово. Но жрица будто этого не заметила и продолжила допытываться.

Увлеченные разговором не заметили движения со стороны леса, но треск веток привлек их внимание, прерывая беседу. Из-за высоких деревьев выступили два мужчины. Глаза их были плотно завязаны черной, непроницаемой для света, тканью. На головы накинута широкие капюшоны, а сухопарые фигуры скрыты под длинными темными плащами, давая пищу воображению. Один из добровольно ослепленных выступил вперед, неизвестно как ориентируясь в крошечной темноте, и заговорил.

— Он изгнан! Ему следует уйти! — голос звучал властно и будто приказывал, но это не смутило скорбящую.

— Кто так решил? — скрестив руки на груди, вызывающе поинтересовалась девушка. Теперь она готова была воевать.

— Так решил совет. Он нарушил закон фениксов. Ему не место среди нас, — настаивал на своем мужчина.

— Ты феникс? — жрица обернулась к изгнанному, ожидая ответа. Тот только положительно кивнул, склонив голову ниже, то ли от стыда, то ли из уважения к старшим сородичам.

— Он изгнан, — продолжали повторять хранители истории, вторя друг другу.

— Это у вас он изгнан. Я его, как и хозяин долины, не выгоняла. Почему он должен покидать нашу землю? — девушка недоумевала, и была яро против самосуда на своей территории.

— Он сделал то, что запрещено. Он должен уйти. Никто не примет его назад, — категорично заявил феникс, что заговорил первым.

— Ну и пусть. Будет жить с оборотнями или русалками. Да с кем захочет, — голос повысился, выражая протест той категоричности, что веяла от странных гостей, — это его выбор, и с этой земли он не уйдет. По крайней мере по вашей указке.

— Тогда уйдем мы, — гордо подняв голову, пригрозил, как показалось жрице, предводитель. Интонация была, на удивление, спокойная, но сквозь нее так и сквозило раздражение. Мужчины нервничали, хоть и скрывали это весьма искусно. Но на то она и главная жрица, чтобы улавливать малейшие колебания эмоций.

Несмотря на волнение, феникс говорил серьезно. Он верил, что поступит именно так в случае провала. Но это не убедило девушку. Наоборот, в душе разлился гнев. Ее — вторую хозяйку долины, нагло шантажируют. Да, кланы фениксов огромный плюс в защите и существовании долины, но они не краеугольный камень благополучия. И жрица сделала то, что подсказало ей сердце.

— Уходите, — повисла тишина, такого не ожидал никто, — я хочу, чтобы к утру все недовольные моим решением покинули Долину трех лучей. Те, кто согласен жить бок обок с изгнанником, могут остаться. Это слово второй хозяйки этих земель. Оно нерушимо.

Больше не было сказано ни слова. Жрица взяла юношу за плечи и развернула в сторону раскинувшегося в низине поселения. Немного подтолкнув ошарашенного феникса, чья жизнь буквально вынырнула из пропасти, скорбящая повела его в главный дом, оставляя позади безутешный народ, что виноват лишь в одном. В своей гордыне.

Спустя не полный лунный месяц юный принц хранителей истории даст клятву всегда

сопровождать свою спасительницу и делать все ради ее благополучия. А еще спустя десять весен трое друзей, связанных крепкими духовными узами, станут тремя хранителями. Триединой опорой самой великой долины этого мира. Долины трех лучей.

— Я не буду жить с эльфом в одной комнате! Или я получаю отдельную, или тебе, Данка, придется потесниться!

Наша розовая нимфа снова истерила. На нас уже все пялятся начали. Мало того, что молодой брюнет с зелеными глазами визгливо возмущался, так еще и коротко-стриженная блондинка, явно ниже его по происхождению, воспитывала мальчишку, а под конец и вовсе дала подзатыльник. Интересная ситуация, правда?

На самом деле Широ сразу по прибытии замаскировал нас. Я теперь худенькая блондиночка, с карими глазами и прямыми волосами до плеч, а Ласкан смуглый человеческий юноша с угольно-черной шевелюрой до талии, собранной в низкий хвост и невинными водянисто-зелеными глазами. Скрыть аристократичность черт его лица не получилось, поэтому феникс выглядел породистым наследником одного из герцогов, не меньше.

Сама птичка долго материлась, увидев себя в зеркале, но оставить его в прежнем облики было чревато огромными проблемами. Многие заинтересуются, кем является наш принц и тайно появиться на балу не будет возможности. Не говоря уже о том, что Ласкан может попасть к охотникам или к кому похуже. За нами и так каратели шли. Желания продолжить знакомство с ними у меня лично не было.

— Ладно, Широ. Пусть спит у меня. В конце концов, ткну иголкой, и все крики стихнут. Феникс сложил руки на груди и сощурился, пристально смотря на меня.

— А что ты хотел, истеричка обморочная, чтоб я тебя ночами выслушивала?

Кажется, на меня здорово обиделись, но это мало волновало. Став свидетелем, по меньшей мере, трех приступов недовольства, сопровождаемых надрывным визгом, я готова была начать швырять дротики в неуравновешенную нимфу, лишь бы прекратить эти пытки.

Комнаты оказались довольно светлыми и сухими, что редкость в таких постоянных дворах. «Верный товарищ», таверна при гостинице, находилась недалеко от северных ворот столицы. Эта часть города всегда была более благопристойной, чем западная и южная. Попасты в притон мне не хотелось, поэтому выбор места временного пребывания я оставила за эльфом, и он не разочаровал меня. Вполне приличный постоянный двор для заезжих купцов и редких туристов.

— Из-за тебя мне придется жить в двухместной коморке, вместо одноместной, — буркнула я, входящему следом фениксу.

— А в чем разница? Двухместная должна быть больше.

— Такая же, как и одноместная, только кровати две и минус тумбочка. Постояльцы любят экономить, оплатив за двухместную, как за одноместную, вот хозяева и решили не заморачиваться по поводу роскоши. Привыкай, люди — существа жадные. Лишнюю копейку зубами выдирают будут.

— А почему не взять три комнаты, — недоумевала птичка, разбирая свои вещи. Собственные я просто вывалила на кровать, оставив не тронутыми только сумки с экипировкой и снаряжением.

— Только две комнаты рядом были свободны. Три не занятых в ряд — редкость. Вот и здесь не нашлось, — пояснила недалёководному фениксу. Он явно не ходил в разведку. Хотя с такой внешностью и характером это неудивительно.

Разобравшись с сумками, и хорошенько спрятав непредназначенное для чужих глаз, мы спустились в общий зал, где для нас уже накрыли два столика. Один для Широ, что вроде как не знаком с нами, другой для нас.

— Какая-то странная парочка из нас получилась. Служанка и аристократ, — заметил садящийся за стол Ласкан.

— Будут спрашивать, я твоя служанка, дочка твоей няни, что заменила тебе мать, и мы вместе росли. Поэтому такое свободное к тебе отношение.

— Это ты только что выдумала? — какой проницательный.

— Да. Я на маскировке русалку съела.

Феникс еще немного поспрашивал меня о всяких интересовавших его мелочах, а потом подали горячее, и я полностью отдалась процессу поглощения пищи.

Проведя остаток дня в комнате за подготовкой к собеседованию, даже не заметила, как стемнело. В дверь постучали.

— Извините за беспокойство, кажется, персонал ошибся, и мне принесли ваш заказ.

С той стороны отчетливо слышался голос эльфа, но игра есть игра.

— Правда!? Подождите, пожалуйста, я двери открою.

Быстро накрыв разбросанное снаряжение одеялом, метнулась к двери.

— Проходите, пожалуйста, — вежливо пригласила я.

Широ оглядел комнату и осторожно зашел. Как только мы оказались в закрытом помещении, эльф, не медля, накинул полог тишины.

— Ну как? — дошептав заклинание, он обратился ко мне.

— Уже почти собралась. Завтра, за ват до рассвета я должна прибыть в королевский дом прислуги. Господин Дерин, дворецкий, он отвечает за слуг, и госпожа Линея, экономка, будут проводить отбор временной прислуги во дворец на время празднества.

— Хозяин таверны сказал? — безошибочно определил мой источник первородный.

— Он самый. А теперь выметайся, я хочу принять ванну и отдохнуть хоть чуть-чуть. Мне завтра рано вставать.

Пожелав спокойной ночи, эльф ушел, а феникс сказал, что посидит с ват в общей зале. Какая чуткая птичка. С чего бы?

Вообще, я не сильно жаждала водных процедур, но находиться с Широ в одной комнате, пусть даже с нами был Ласкан, было неуютно и беспокойно. Нужно сократить наши встречи, до необходимых. Ни к чему хорошему частое столкновение не приведет.

— Ваше имя?

Щуплый старичок на входе, одетый во фрак, внимательно вглядывался в лица людей, будто его еле различающие силуэты глаза могли разглядеть хоть что-то вразумительное. Тем более что его задача заключалась в регистрации имен прибывших, а не в описании внешности.

— Я так волнуюсь, — прошептала полненькая девушка с огненно-рыжей копной волос. Вздернутый носик постоянно шморгал, а его хозяйка не спешила на помощь с платком.

— А чего бояться-то? Тут или возьмут, или не. Третьего не дано, — разъяснила женщина лет сорока, с широкими ладонями, отвисшим пузом и масляными губами. Точно кухарка.

— А если арестуют? — пропищала полненькая.

— А есть за шо? — не унималась кухарка.

— Нету, — поспешно ответила рыжая. А руки ее затряслись еще сильнее.

— А что не так? — шепнула свой вопрос на ухо готовой разрыдаться девушке.

— А ты не знаешь? — ужаснулась она, всплеснув руками.

Я помотала головой.

— Так советник короля женщин терпеть не может. Все горничные, что в его покоях убирались, пропадали. Говорят, что воровали девки, их и арестовали. Да тока не видать тех молоденьких больше. Как вошли в покои, так и не видел больш никто. А я как раз в горничные иду. Страшно мне. А вдруг и меня того, и нет.

— А про советника еще что-нибудь говорят? — я наострила ушки.

— Говорят, еще как говорят. Слухи ходят, что советник ихний по юношам. По молоденьким мальчишкам сведущ, — сделала большие глаза рыжая, — от того и с девками не ладится у него.

— А он один из приближенных короля?

— А как же, самый ближний, ближей некуда. Король его во всем слушает, все рассказывает. Пока с советником не покумекает, решение не принимает. Во какая птица этой советник, — девушка подняла указательный палец, показывая важность сказанного, только я и без жестикуляции поняла, что советник вельможа опасный.

Лезть к такому человеку в покои резко расхотелось. А вдруг и вправду придушит. Только проблема в том, что именно у него все тайны и хранятся. Если кто и может дать нам ответы, так только советник.

Соблазнить не получится, он у нас не по бабам спец. А мальчишку, в виде подарка, я ему ни за какие коврижки не подуну. Совесть сгноит на зачаточном этапе. И как теперь поступить? В прислугу рваться — смысла нет, на бал тоже.

— Напугали вы меня девки, пойду-ка я по добру по здорову. Лучше в трактир какой наймусь.

И не слушая разговорившихся кумушек, быстро зашагала прочь от дома слуг. Нужно возвращаться в таверну и срочно менять стратегию. Наш план трещит по швам.

Шировар ла Эк

— А ты в этом уверена?

— Абсолютно. Перед тем как окончательно уйти, я наведальась на кухню, притворившись, что меня приняли на работу. Там-то и подтвердились все слухи. Из покоев советника живыми выходят только юноши, и те с большим трудом. Свои пассии Альсакор из спальни выпускает только когда наиграется. Страшный человек, — передернула плечами банши.

— И информация вся у него, — скорее подтвердил, чем спросил я.

— Именно. Так что полетел наш великолепный план к драконам на завтрак. Как вытянуть из него ответы или хотя бы порыться в его документах, я не представляю, — голос

звучал обреченно.

Дана положила руки на голову и, наклонившись вперед, начала покачиваться. Да уж, известие поставило нас всех в тупик.

Мы в первый же день выяснили, что взламывать кабинет советника без толку, уйдет слишком много времени. Но была лазейка. Когда кто-то живой находится в покоях Альсакора, защита слабеет, убирая смертельные заклятья, и оставляет только защитные. Вывод напрашивался сам собой. Нужно было кому-то попасть в комнаты, чтобы я снаружи смог взломать кабинет. Дана, будучи служанкой, работала бы в паре. Ей самой никак не вышло бы прошерстить покои. А вот я могу. Но теперь этот план пустышка. Что же делать?

— Не понимаю, в чем проблема? — вдруг раздраженно вскинулся Ласкан, — подсуньте ему любовника. А пока он будет им занят, обшарьте кабинет.

Су подняла на феникса уничтожающий взгляд. Ласкан заткнулся. И правильно, ляпни этот недалёковидный еще хоть слово, летел бы уже пеплом по ветру.

— А могу я спросить? — подняв руку, как правильный ученик, прошептал принц.

Здорово его припечатало. Су явно не в настроении шутить. Умный феникс, знает когда смирение ключ к выживанию.

— Ну, — буркнула моя ученица. Ее явно раздражал сам факт присутствия розового.

— А почему нет?

И тишина. Смотрю на свою малышку, и вижу нарастающую бурю. Похоже, упокоиться сегодня феникс не один раз.

— А знаешь, Широ, мне план нравится, — улыбаясь, будто только что удавила с десятков младенцев, пропела банши.

— Что?!

Каюсь, даже не успел взять себя в руки и замаскировать эмоции. У меня просто был шок.

— Почему бы и нет? — как заправский садист, продолжала Су, — возьмем молоденького, стройного и наивного юношу, подсунем его советнику, только, — она сделала паузу. Ой, что сейчас будет, — только юноша должен быть нашим.

Закончила Су, смотря на феникса, как удав на кролика. До того же медленно начало доходить, что тем самым наивным парнишкой будет он, и что ИМЕННО ему придется делать с советником.

По мере осознания своего плачевного положения, глаза все больше округлялись, и в них зарождалось возмущение вперемешку с обреченностью. Глядя на банши, можно сказать, что вся эта ситуация ее дико забавляла, вот только еле заметный, мимолетный блеск ее золотых глаз, говорил, что она серьезна в своих намерениях.

— Данка, ты рехнулась? Хочешь меня под советника положить?

— А ты хотел, чтоб я кого-то другого подложила? — Су продолжала прожигать взглядом феникса.

— Я принц!

— А я банши! — Су все еще не сводила глаз с то краснеющего, то бледнеющего феникса.

— В чем связь? — опешил розовый.

— Ни в чем. Ты увязался за нами, значит, титул оставил позади. Разведчики не имеют ни титулов, ни индивидуальности. Мы все одинаково серы и равны для окружающих. Для нас важно только задание, — спокойно поясняла прописные истины шпионов моя малышка.

А ведь это я ее когда-то этому научил.

— Я не пойду! — взвизгнул Ласкан.

— Тогда возвращайся в Хрустальный лес и не лезь в нашу работу, если не способен воплотить собственную идею, слабак! — Дана почти кричала, и это подействовало.

Принц резко раскрыл рот, явно намереваясь ответить на оскорбление, но так и застыл, осознав всю глупость своего поведения. По движениям и мимике можно было отследить все стадии принятия решения — задумчивость, согласие, сомнение и принятие. На последнем феникс решил все же озвучить свои мыслезаключения.

— Хорошо, я сделаю это. Но как? — нашел маленькую надежду избежать страшной участи приманки феникс.

Вопрос имел смысл. Действительно, как? И вся троица глубоко задумалась, не подавая признаков активности в течении пятнадцати вар. Первой отмерла моя ученица.

— Я пойду с Ласканом на бал. Сделаем из него идеал невинного юноши и постараемся почаще мельтешить перед глазами советника. Он клюнет.

— Нет, Су. Рядом не должно быть женщины. Тем более, у нашего феникса на лбу крупными буквами написано «принц». Не пройдет. К гостям Альсакор не прикоснется. Нужен другой план.

— Но он не может один явиться во дворец. С какого перепугу, для него даже личности нет!

Банши была права. Протащить Ласкана одного на бал невозможно, а со мной к нему советник и на пушечный выстрел не подойдет.

Все снова надолго погрузились в пучину раздумий, изредка что-то бормоча себе под нос.

— Широ, на балах все также соревнуются самые лучшие дома терпимости? — внезапно прозвучал вопрос, выводя меня из задумчивости.

— Да. Госпожа Лига и госпожа Ринайя будут представлять лучшее из своих домов. Аукцион состоится после официальной части, когда останутся избранные, — пояснил я, стараясь понять, что задумала моя банши.

— Ты все еще дружишь с мамочкой? — спросила, как бы между прочим, а у самой глаза так и блестят.

Я вздрогнул. Откуда такие познания о моей личной жизни. Я был уверен, что эту часть моей биографии Су уж точно не знает. Как наивно с моей стороны.

— Мы общались не так давно, — осторожно поведал я.

— Отлично!

Су вскочила и начала расхаживать по комнате, попутно разясняя свой план. Чем подробнее она высказывала свои мысли, тем больше бледнел Ласкан. Да уж, роль отведена ему весьма специфическая. Но сам план хорош. Настолько, что может сработать.

Следующие два дня мы готовились к операции. Я встретился с мадам Ринайей и заручился ее поддержкой, а Су обучала Ласкана нужным повадкам и движениям. Когда настал вечер бала, все было готово.

[1] Хейши — растение с плодами лилового цвета и алым соком. Очень редкое. Чаще всего встречается в горах. Из его сока делают вкуснейший напиток — хейшин, а так же более дешевый вариант — настойку на корнях хейши. А в свежем состоянии корень растения сильнейшее снотворное.

ГЛАВА 8: Пылающая слеза

ГЛАВА 8: Пылающая слеза

Бал как всегда отличался своим размахом и пышностью. Тысячи пылающих голубым пламенем свеч освещали бальный зал, даря синеватое сияние серебряной поверхности стен, что рождало легкое чувство нереальности для всех, кому посчастливилось попасть на осенний праздник.

Люди и нелюди передвигались в пространстве неторопливо, с остановками, позволяя королевской чете со всеми своими отпрысками разглядеть все, что было выставлено на показ. А выставлено было много. Помимо молодых знатных дам, что грезили об участии супруги второго наследника трона, Авила, были и те, кто рассчитывал на благосклонность самого короля. Зрелые кандидатки в фаворитки курсировали по залу замысловатыми маршрутами, демонстрируя свои прелести во всей красе. Все это вызывало скуку у монарха и презрение у его супруги.

Король давно не заводил фавориток при дворе и не собирался в ближайшее время. Причина такого поведения была не ясна обществу. Ходили слухи, что королева держит венценосную особу за стратегически важные места стальной хваткой. Чего именно так боится король, или о чем таком важном знает королева, ходят только не подтвержденные сплетни. А посему, сегодняшние хищницы останутся без добычи, как и многие до этого.

Однако, были на балу те, кто привлекал внимание в независимости от своих целей. Эти личности несли тайну, скрывали за своим откровенным обликом самые низменные желания каждого присутствующего на сегодняшнем празднике. Азарт и неумное любопытство коснулось даже самых консервативных гостей, ибо те, кто держался не хуже королев, роковым пламенем обжигали всех, чей взор был направлен в их сторону. Желание и порок. Страсть и вседозволенность. Они сочетали в себе всю палитру недостойных помыслов и страстей. Они единственные, кто не скрывает своих намерений. Королевы ночи пришли соблазнять, покорять и властвовать над всем лицемерным светом. Единственные откровенные на этом празднике плодородия. Правительницы не богоугодных территорий. Госпожа Ринайя, владычица юга. Госпожа Лига, королева запада и госпожа Дизан, императрица северных земель. Три обворожительных мадам, каждая хитрее беса, храбрее воина и нерушимей гор.

В этом году за право представлять свой товар боролись многие, но неизменно победа доставалась домам Ринайя и Лига. Достойных больше не было. Но случилось так, что к двору, за день до бала, прибыла императрица севера. Приютил ее дом юга. Госпожа Ринайя выказала ей свое уважение и признала достойной, что неслыханно. Безоговорочная победительница всех предыдущих аукционов, не смотря на жесткое соперничество дома запада, вдруг признала гостью из далекого севера. Это был фурор. Приглашение немедленно было отправлено, и весь свет ожидал появления экзотической мадам, что правила в неведомых землях.

Ожидание было вознаграждено. По залу, плавно скользя, будто танцуя, двигалась высокая блондинка с удивительно голубыми глазами. Истинная дочь севера. Длиной в пол черное платье и расшитый серебром корсет, обнажающий плечи, соответствовали этикету,

но широкий, от бедра, разрез и заниженная корона корсета открывали непозволительно много. Собранные лишь у висков буйные золотые кудри спиралями стремились к самым бедрам императрицы плотских утех. Все местные дамы захлебывались черной завистью. Ведь их удел собирать волосы в прически, выпуская лишь прядку, спадающую не ниже лопаток.

Северная красавица будто стояла выше всех, смотря на дам, как на мусор, отходы высшего света. Будучи из самых низов, она свысока взирала на дворян. Свое несовершенство владычица севера не скрывала, в отличие от общества, что имело гораздо больше пороков, чем любая из района красных фонарей. Все восхищало в этой женщине. И зрелый возраст, что никак не сказался на ее внешности, лишь подарив мудрость и опыт, и стальной стержень, скрытый под ворохом эротичного белья и откровенного платья.

Образ ледяной леди, что может разжечь нешуточное пламя, довершал высокий юноша, в белом одеянии, расшитом серебром. Контраст света и тьмы.

Черноволосяый мужчина, с прической точь-в-точь как у его госпожи и водянисто-зелеными глазами выглядел не менее экзотически, составляя гармоничную пару мадам Дизан, в ее черно-серебряном одеянии с золотыми кудрями. Юноша был непростительно молод, что давало повод задуматься о его непорочности, символично подчеркнутой белым костюмом. Тонкая, длинная шея, узкие алые губы, будто накрашенные, белоснежная кожа и стройная, гибкая худоба, делала его желанной добычей. Дорогой товар, необычный и невинный. Глаза всего света были направлены на пару торгующих любовью, дарящих страсть и наслаждение, и, несомненно, самый прекрасный дуэт этого вечера. Многие с нетерпением ждали торгов.

Один, весьма пристальный взгляд, буквально пожирал юношу, источая неприкрытую похоть и неумное желание. Не было сомнений, что на торгах он даст самую высокую цену, и не один из присутствующих не сможет ее перебить. Ведь он советник самого короля. Его желание должно быть исполнено. Он не просто купит этого мальчишку, он выкупит его для себя и запрет в своих покоях. Серые глаза загорелись ледяным блеском, предвкушая самые извращенные потехи для его Светлости советника. Сегодня его вечер.

— Данка, — пропищал затравленно феникс, на что я несильно придавила его ногу каблуком. Если, конечно, можно назвать это пыточное приспособление обувью, а длиннющий штык — каблуком.

— Ай!

— Не визжи, сам виноват. Сколько раз повторять, забудь про наши имена, сейчас я императрица севера, а ты мой товар, — прошипела я.

Азарт от ситуации разгонял кровь по венам, заставляя ее стучать в висках и всегда действовать на пределе своих возможностей. Любое отклонение от роли вызывало жгучую ненависть. Столько трудов положено на конспирацию, и из-за нерадивого мальчишки положить всему конец? Никогда!

— Мадам Дизан, у меня мурашки размером с кельпи от того мужчинки, что возле короля топчется, — исправился Ласкан, сглотнув после речи.

— Успокойся, он и есть наша цель.

— Что!?! — взвизгнул как девица, в лучших традициях рыцарского романа.

— О Всезнающие, когда же это закончится? — я закатила глаза. Радует одно, большинство только умилилось такому тоненькому голоску юноши.

— Да... — я метнула глазами молнию в направлении розового под личиной брюнета, — Дизан, я помру сейчас от страха. Он такие похотливые взгляды бросает, что мне провалиться к Всенижнему сейчас приемлемей, чем ежиться под этим молчаливым домогательством.

Ласкан не врал. Рука под моей напряглась, на лбу выступил пот, а глаза заметались в поиске путей к отступлению. Плохо, он должен быть невинным, застенчивым, но вот отвращение и дикий страх не имеют место быть.

— Лиан, — имя товару тоже пришлось придумать, — ты обучен ублажать, доставлять наивысшее удовольствие. Все присутствующие в этом уверены. Никакого страха ты уже не должен испытывать, тем более отвращения. Эти чувства уничтожаются у слуг любви на зачаточном уровне. Если ты не возьмешь себя в руки, мы провалимся. И тогда быть мне пищей для карателей, а тебе трофеем у местных охотников.

Я пристально смотрела ему в глаза, не давая разорвать зрительный контакт. Ласкан должен понять всю важность этого задания. Нам жизненно необходима информация.

— Простите, мадам, забылся. Я впервые на столь... — он запнулся, подбирая слова, — специфическом балу.

— Понимаю, — ободряюще улыбнулась.

— Мне соблазнить его? — как ни в чем небывало предложил феникс. Я чуть не полетела со своих ходулей от перемены его настроения. Голос больше не срывался, а был спокойным и даже бархатным.

— Нет необходимости. Если ты его еще и соблазнять начнешь, советник тебя прямо посреди зала и расстелет.

Внешне Ласкан так и остался спокоен, но расширившиеся до невероятных размеров зрачки говорили, что от планов по соращению он очень далек. От такой милой реакции и попыток сохранить лицо, я расплзлась в кровожадной улыбке. Феникса передернуло, а я еще пуще разулыбалась. Нравиться мне издеваться над ним.

— Смотри не ударься, — напомнила я, когда проходили мимо столов с закусками, — блок Широ выдержит максимум пять критических для тебя ударов, а потом ты сгоришь. Дотерпи до главного действия, нам никак нельзя расходовать свой главный козырь.

— Никогда бы не подумал, что предпочту быть рядовой картой, нежели козырной.

— Хорошо, будешь тузом в рукаве, — съехидничала я.

— Спасибо за честь. А ты у нас, значит, рукав? — парировал этот пернатый нахал.

— Именно, и если туз будет слишком умным, я его выброшу раньше времени в объятия страстного соперника. Пожертвую им ради победы.

— Я начинаю тебя бояться, — настороженно глянул на меня юноша, — ты страшная женщина.

— Возможно, — неопределенно ответила.

В чем-то он был прав. Насколько же было плохим мое прошлое, что жить с ним я была не в состоянии. А слабой я себя никогда не считала. Тут впору задуматься о своих поступках. Могла ли я быть чудовищем и от осознания своей сути просто сойти с ума? Так! Прочь самокопание, мы на задании.

— А почему все идут на выход?

Я окинула взглядом зал, отметив, что большая часть гостей направилась прочь из бального зала. Все правильно, для них подготовлена культурная программа, в прямом

смысле этого слова, а вот нам скорее некультурная, но от того не менее желанная всеми.

— Не все, только обычные приглашенные. Мы с тобой остаемся. Сейчас начнутся «смотрины», а после — торги. Приготовься, скоро твой выход. Все как я учила, — я дождалась подтверждения, что мои слова услышаны и принялась выглядывать Широ.

Темный первородный, с белоснежной косой и медовыми глазами стоял в противоположном конце зала, мило беседуя с мадам Ринайей. Как и нам, Широ пришлось замаскироваться. Засланца из Хрустальных лесов ни за что не допустили бы на торги, поэтому его роль так же изменилась. Теперь он гость из южного предгорья, страны дреу.

Несмотря на экспрессивность разговора, светлый всегда оставался собранным и следил за обстановкой. Так и сейчас он о чем-то оживленно спорил с мадам, при этом незаметно касался кончика своей изящной косы, подавая знак, что что-то не так. Я начала нервно оглядываться в поисках проблемы, но ничего не заметила. Кровь снова застучала в висках. Мне срочно нужно поговорить с эльфом.

— Лиан, дело пахнет трупами, — все еще выискивая невидимую угрозу, сообщила фениксу текущую ситуацию.

— Что не так?

— Если б я знала, ты бы не узнал.

— Ты бы меня не предупредила? — удивился феникс.

— Пока проблема известна, с ней можно справиться, а тебе нервничать не стоит. Но в текущей ситуации необходимо, чтоб ты тоже был начеку. Я не имею ни малейшего понятия, почему эльф бьет тревогу.

Незаметно для самой себя, обнаружила, что стою на одном месте уже довольно давно. Плохо, привлекаю слишком много внимания, не нужного внимания. Могут что-то заподозрить.

Не мешкая, потянула Ласкана в центр зала. Только мы достигли цели, как грянул синер — откровенный танец, что запрещен при дворе, но на таких мероприятиях, он часть конкурса. С помощью сексуальных движений тела можно поднять цену на товар и привлечь больше покупателей. Раз объявили танец, значит, игра началась.

— Началось, — тяжело выдохнула слово, что давало отмашку всем конкурсантам.

Не выходя из живого круга, что образовали избранные дворяне, мы повернулись друг к другу и встали в изначальную позицию. Дождавшись окончания проигрыша, я резко двинулась на Ласкана, высоко подняв руки и плавно выписывая бедрами восьмерку. Ласкан же, наоборот, уходил от меня, опустив руки и отводя плечи назад по очереди. Его отступление было грациозным, будто настороженная кошка уходит в оборону. Он вытягивал носки, при этом подволакивая ноги, из-за чего создавалось впечатление скольжения. Как только я настигла беглеца, пуская руками волну и ускоряя шаг, феникс тут же ушел в глухую оборону. Предплечья скрещены перед самым лицом, а ладони открыты и смотрят за спину юноши. Одна нога чуть согнута в колене, другая стоит неестественно прямо, готовая вывернуться в противоположную от сустава сторону от напряжения.

На самом деле феникс до неприличия расслаблен. Но каков искусец, так изобразить сложную позу, будто умрет от изнеможения после танца. Я даже слегка улыбнулась. Мне ответили озорным прищуром. Лицемер.

Я резко выкинула руку, стремясь коснуться лица партнера сквозь выставленную преграду. Меня остановили. Поймав мою ладонь в свои, Ласкан замер на мгновение, потом резко дернул меня на себя, протягивая в каком-то тане от затянутой в белый колет груди.

Закручивая уже за своей спиной, отпустил меня, вставая боком и делая опору на заднюю ногу. Сильно садировать себя не стала, поэтому продемонстрировала легкое вращение и остановилась зеркальным отражением феникса.

Пока танец продолжался, я успела заметить обезумевший от страсти взгляд советника и парочку весьма заинтересованных от прочих гостей. Причем неизвестно кто больше привлек внимание высшего света, Ласкан или я. Уверенной можно быть только относительно Альсакора.

Музыка сменила нарастающий темп на одномерный, плавный с агрессивными нотками. Теперь наступала совместная партия, и тут были огромные проблемы. Танец страстен, жарок и требует множества касаний, в том числе и слегка грубых поддержек и подхватов. А как мы знаем, птичка выдержит лишь пять таких напористых прикосновений, и прости-прощай физическая оболочка, а вместе с ней и весь наш план. То, что мы начали демонстрировать после бесконтактного сексуального вступления больше походило на двух девственников доказывающих своему партнеру, что он опытный развратник и искусен в постельных утехах. Мы только обозначали движения, будто носами тыкались, выдавая это за спальные отношения. Смех сквозь слезы, по-другому и не скажешь. Или я хорошенько приложусь грудью о Ласкана, или на торгах нам не жить! Прости милый, у советника в покоях будешь выкручиваться, а сейчас нам придется израсходовать все твои пять дозволенных прикосновений. И использовать их на полную катушку. Готовься, птичка, так тебя еще ни разу в жизни не помогались!

— Светлые мечты! Вот и воздаяние за грехи! — тихо всхлипнул брюнет, ощущая всю гамму непередаваемых чувств, что рождали мои уверенные прикосновения к его обнаженной груди.

Да-да, мне пришлось сорвать все пуговицы мощнейшим рывком, чтобы вырвать нам бонус, открывая чуть больше, чем планировала. Это вернет нам конкурентоспособность. А то нас уже мысленно вычеркивали из списка товаров все присутствующие, кроме советника. Этот неизменно облизывал всего Ласкана холодным взглядом. И вроде страсть там нешуточная полыхает, а в глазах все равно лед. Бррр!

— О, светлые мечты!

Чуть громче, чем раньше, порывисто выдохнул феникс в тот момент, когда я плавно стекала вниз, всей спиной прижавшись к нему. Голова моя была повернута в сторону и от этого левая щека легонько затрагивала кожу груди, скользя все ниже. Поравнявшись с нагим животом, не удержалась и слегка подула за пояс брюк, обдавая теплым дыханием живот феникса. Как он вздрогнул. Я даже перепугалась, что потеряет концентрацию и впадет в очередную истерику, но нет, сдержался. Думаю, я первая, кто так настойчиво лапает его сиятельную особу и выставляет его тело всем на обозрение. Еще бы у него шока на почве страсти не случилось. Я бы даже обиделась, не среагируй он столь бурно. А так и самолюбию приятно, и вся верхушка нас уже догола в мечтах раздела и всякой пошло-сладкой дрянью медленно обмазывает, чтобы вкусить эту гадость с наших разгоряченных тел. Аж передернуло от этих алчно-жаждущих лиц, на которых все-все пошлости их скудного умишки отражаются.

— Один, — шепнула только губами в услужливо подставленное для ласки ухо.

Даже если кто-то и прочитал по губам, что сомнительно, им невдомек, о чем это я. А вот Ласкан понял. Минус одно прикосновение. Ведь несмотря на нежное прикосновение щекой, я, спускаясь, предварительно прошлась жестко по груди и ногам руками, для пущего

эффекта, так сказать.

Небольшая дуэль между нами, и снова я нападаю, обхватывая ногой его бедро и крепко зажимая волосы в кулаке, попутно оттягивая голову юноши назад. Два!

Прикусываю открытый для прикосновений подбородок, скользя по коже зубами, проминая ее, но не достаточно сильно для срыва третьего блока. Не знаю как феникс, а высший свет агонизирует в страстных судорогах.

— Готов?! — скорее предупреждаю о предстоящем действе, чем спрашиваю.

В глазах принца решимость идти до конца, что и становится ответом. Однако румянец говорит о смущении. Этого не должно быть. Я уже начинаю жалеть, что мы вернули фениксу его естественную бледность, а не оставили смуглую кожу прошлой маскировки. Сейчас его ощущения открыты для некоторых очень внимательных. К счастью, его невинность только подстегивает жажду обладать таким редким рубином. Точно! Он мой розовый рубин! А я все никак не могла понять, что же его облик мне напоминает.

Я снова наступаю, но уже со спины. Обхватываю его грудь руками и медленно веду напряженные ладони к низу живота. Чуть задерживаюсь у кромки белоснежной ткани с перевязью, а потом лишь большими пальцами слегка отгибаю край брюк и веду мягкими подушечками вдоль пояса, пряча ладони под покровом распахнутого колета, доводя движение до самого позвоночника и вверх, обнажая спину на пару мучительных мгновений для замершей в ожидании публики. Это была победа. По разочарованным из-за вновь скрытой спины юноши всхлипаю, я это поняла. Все были увлечены созерцанием именно нашего танца. Пусть даже в центре зала было еще несколько сольных выступлений, именно наше произвело фурор. Но это не конец. Танец продолжается и нельзя упустить благосклонность потенциальных покупателей. Интерес нужно подогревать. Нельзя, чтобы советник передумал.

Чуть надавив на плечо теперешнего брюнета, резко опускаю его на колени. Ласкан откидывает голову назад, открывая сказочный вид на обнаженную шею и неистово бьющуюся венку, что выдает волнение товара. Отведенные немного в стороны и назад руки напряжены. Не мешкая, глажу плечи Феникса, попутно обнажая их. Не забывая соблазнительно выгибаться и чуть ослабить шнуровку своего корсета спереди, стягиваю колет с рубашкой, что потеряла целостность в неравном бою со мной, до самых локтей феникса. Нежно глажу коленопреклоненного по щеке, обходя по дуге и становясь перед ним. Сейчас сломаю третий блок. Резко задираю платье, высвобождая длинную ногу через широкий разрез, и стремительно выкидываю стопу, стремясь ударить каблуком прямо в подставленную мускулистую грудь. Уже слышатся предвкушающие ахи и хлопки от упавших от потери чувств в объятья спутников дам, как кто-то нагло загораживает Ласкана и подхватывает меня под бедро одной рукой, а другой за затылок, притягивая непозволительно близко и тут же резко отпихивая меня от себя, будто грязный, заплесневелый сапог. В глазах блеснула молния. Сейчас я лично урою того, кто решил угробить весь мой план! Отправлю его поливать грядочки серной кислотой в загородном доме Всенижнего!

Глубоко вздохнув, подняла глаза на нахала и тут же лишилась юбки от одного искусного движения рукой. Даже не руками, а рукой! Темень! Стою в коротеньком прозрачном подъюбнике не скрывающем моих ажурных черных чулок с обтягивающими кружевными шортиками, что вместо нижнего белья, и ресничками хлопаю. Похлопала с вар и начала тихо звереть.

Уже намеривалась все-таки опознать своего раздевателя, как оный оказался передо

мною на одном колене и, нежно взяв мою левую ногу, поставил ее на свое согнутое колено. Слегка провел по ней шершавой сухой щекой, заставляя растревоженные неожиданным касанием мурашки пробежать туда и обратно по всему телу, а затем и вовсе прижался губами к коленке, услужливо подставленной под его нос. А что я? Я успокоилась. Почти. Ведь мой неожиданный партнер по танцу сверкал желтыми глазами и не стеснялся щеголять с распушенной огненной шевелюрой, что слегка прикрывала воротник черного приталенного сюртука до бедер, расшитого золотом.

— Потом убью, — вынесла я свой вердикт оборотню, на что мне улыбнулись во все отросшие клыки.

Продолжая измываться над моей ногой, покусывая кожу под коленкой так изящно, что походило на искусство, а не разврат, Алкай медленно вставал, придвигаясь ко мне все ближе. Что вытворяли мы в танце, вспомнить страшно. Но на легком поцелуе за ушком меня отдернули от оборотня сильные и такие знакомые руки. Широ, мать его!

— Не против, если я присоединюсь? — скорее для проформы поинтересовался нынче темный эльф.

Возражений не было. А даже если и были, то глядя на излишне спокойного учителя, они улетучивались в один миг.

Если вы думаете, что с Алкаем я задала жару, то сильно ошибаетесь. Когда наш дуэт перерос в трио, публика просто взорвалась от восторга. Мельком я заметила, что к моей птичке пробирается советник, но его остановили какие-то вельможи, и он так и не дошел. Дальше я не видела. Меня обнимали со всех сторон, прижимали к груди как сзади, так и спереди, иной раз даже вздохнуть не было места. Но если Огонек веселился и подначивал Широ, то первородный боролся, будто на кону жизнь.

Когда Алкай держал меня за талию и затылок, собрав волосы и стоя лицом к лицу со мной, а Широ, со спины протянув руки, придерживал одной мой подбородок, а другой прижимал плечо к своей груди и осторожно целовал меня в шею, синер закончился. Зал взорвался аплодисментами. Даже королевская чета хлопала нам стоя и явно намеревалась в будущем подойти пообщаться.

Полагаю, только со мной. Я же тоже торгую любовью и сегодня затмила всех остальных. Чую, все из-за двух шикарных мужчин, что выставили меня желанной, но понижать свою самооценку не спешу. А вот от излишнего внимания пора избавляться. Благо для Ласкана я не соперник. Наша цель вряд ли изменит свои постельные пристрастия из-за группового выступления, что мы устроили на радость клиентам.

— Что ты здесь делаешь? — прошептала я на чуткое ухо оборотню.

— Владыка отправил к вам на подмогу, — так же шепотом ответили мне, — тебе кое-что передали, — Алкай опустил взгляд на ножны, что болтались на его поясе, прикрытые тканью сюртука.

— Что это? — я изобразила глуповатое выражение лица и расплылась в наивной улыбке. Со стороны все должны были решить, что меня осыпают комплиментами, а я от этого безбожно млею в сторонке. С середины зала я предусмотрительно ушла, утягивая за собой оборотня. Широ же вновь вернулся к мадам, покинутой им ранее.

— Хорошо играешь, красавица, — похвалил огонек, — это короткий, обоюдоострый клинок. Алибаскаэль сказал, что он когда-то принадлежал тебе. Больше ничего не знаю, я всего лишь курьер, не более.

— Я не владею клинками, они слишком громоздкие и тяжелые для меня. Сам подумай,

куда я его спрячу? — улыбка начала перерастать в оскал по мере моего раздражения. Что еще удумал Баск?

— Спокойнее, — меня незаметно погладили по ладони, — он, как бы это сказать, особенный. Я никогда не слышал о таком оружии.

— То есть? — меня заинтриговали.

— Он исчезнет, как только ты его коснешься. По крайней мере, так сказал Владыка.

— Да уж, весело.

— Не веришь? — Алкай склонил голову набок, пытаясь разглядеть сомнение в моих глазах.

Зря, я не сомневаюсь в словах Али. Мне просто интересно, почему он до сих пор не рассказал мне про это оружие, которое, к тому же, мне и принадлежит? Неужели оно из моего загадочного прошлого? Боялся ли Владыка, что воссоединение клинка и хозяина пробудит мои воспоминания, или просто забыл о нем? Столько вопросов, а источника ответов здесь сейчас нет.

— Алкай, Али сказал, как воспользоваться клинком?

— Нет. Думаю, ты сама узнаешь после слияния, — оборотень замолчал, давая мне немного времени осознать всю ситуацию.

Что же это за оружие, что Владыка не побоялся провала миссии и отправил с ним сюда Алкай? Я пристально смотрела на ножны, стараясь разглядеть клинок сквозь их заслон. Получалось плохо.

— Ну что, решила? А то король уже в нетерпении. Дольше я не могу тебя задерживать, и так осмелился перехватить твое внимание у монарха.

— Доставай, — решила я, — только незаметно!

— Обижаешь, красавица, — шутливо насупился Алкай и потянулся к длинной рукояти клинка. Странно, но она была перевязана ветошью, что скрывала от любопытных глаз даже ее форму.

Вот сильные пальцы обхватывают рукоять у самой гарды, медленно перебирают, ища удобное положение, когда ткань не соскользнет, и уже более уверенным движением плавно высвобождают лезвие из долгого заточения.

— Urin nir[1]!

[1] Urin nir — пылающая слеза.

ГЛАВА 9: Излишнее внимание

— Атар! Атар! — хрупкая фигура в разодранном на лоскутки серебрянном платье со странным, светящимся синим светом коротким клинком в руках стояла на возвышении, окруженная многотысячным вражеским войском, что неумолимо надвигалось на свою жертву.

Каштановые волосы багровели влажными от чужой крови прядями, обрамляя мертвенно бледное от ужаса лицо. Ладони мелко подрагивали, стараясь удержать громоздкое оружие в неподвижности, что плохо удавалось при его немаленьком весе и хрупком телосложении воительницы. Безумный взгляд горящих золотом глаз метался в поиске выхода и не находил его. Она окружена. Не сбежать!

Верный клинок чувствовал ужас своей хозяйки. Голубая сталь ярко алела витиеватой вязью огня — неистой стихии, что таилась в самом нутре девушки. Тогда как синеватое лезвие отражало внешнюю бурную суть воды. И сейчас она бурлила и кипела, подогреваемая внутренним огнем. Единство противоположностей! Самый опасный и самый непостоянный союз стихий из всех возможных.

— АТАР!

Жрица взывала к единственному, кто мог спасти их всех, но он не откликнулся. Пусть уже некого и нечего спасать, но она звала. Звала, надеясь, что хозяин долины исполнит свой последний долг и не отдаст их дом даже ценой своей и ее жизни.

Ночь подходила к концу. Нетерпение противника возрастало. Захватчики уже зачистили всю территорию и жаждали поскорее убрать с дороги последний оплот защиты. Последнюю выжившую в этом кошмаре.

— НЕ ОТДАМ!

Будто прочтя мысли врага, девушка из последних сил выкрикнула и обрушила неуклюжий косой удар на голову подобравшегося слишком близко мага воды.

Было удивительным, что маги атаковали в первых рядах, а не на расстоянии. Умирать в качестве обычного мечника, имея огромный магический арсенал, было глупо, но ситуация не оставляла выбора никому.

Короткий, широкий клинок с рисунком из кровавых рубинов на рукояти не позволял даже самым сильным заклинаниям пройти его защиту. Любая магическая атака, направленная на жрицу, тут же отражалась двумя заключенными в оружии стихиями. Магия крови. Кровавые узы. Мастер, сотворивший клинок, вложил не менее половины своей истинной силы в защитника, усиливая его мощь связующими узами — привязкой к определенному хозяину. Магический оберег такого уровня без сомнения был создан по образу и подобию своего владельца. Идеальный страж!

— Атар — шепот, вышедший из окровавленных уст девушки, подхватил милостивый гуляка- ветер и старательно разнес его по всей долине.

Он облетел пустые деревеньки, дома, что чернели углями остов, поля, что затоптаны ногами и покрыты телами поверженных. Детей, что в попытке спастись прижались к снопу, ища защиты, но так и не найдя, заснули мертвым сном. Женщин, что впервые взяв мечи за их

остывшие рукояти, неслись на врага, защищая детей, а сейчас изломанным тряпьем валялись посреди дорог. Мужчин, что стеной держали захватчиков, ни давая и шагу ступить по родной земле, но снесенных шквалом стрел и замученных до смерти карателями. Теперь кожа их почернела, а лица искажены агонией. Стена защитников смыта и разбросана по всей передовой, создавая жуткое мертвое пространство.

Труdolюбивый ветер донес глас плакальщицы до каждой растерзанной души. Он искал, кружась вихрями и овевая окоченевшие тела. Он задувал шепот в навсегда оглохшие уши, ворошил окровавленные, разодранные одежды и вздымал потускневшие, обгоревшие волосы, что скрывали за своей завесой слепые от черноты, остекленевшие глаза.

Один живой взгляд, одна живая душа, один душераздирающий крик, что затопил всю долину. Хозяин вернулся! Ветер нашел, кому передать зов. Но он опоздал.

Слушая крики умерших, стоны и стенания их душ, что не могли найти покой, скорбящая все больше теряла себя. Тысячи орущих, плачущих, молящих голосов. Они все зовут ее, они все хотят уйти, они все сводят ее с ума.

Не ведая, что опоздал, воин молниеносно крошил врага, разрубая всех и каждого острыми лезвиями парных скимитаров. Ему не справиться, враг возьмет количеством, но пока она жива, не сдастся и он.

Тихий, певучий крик. Он так не похож на обычный, от которого кровь стынет в жилах. Слишком спокойный для безразмерного свежего кладбища, что создано сегодня. Слишком ласков и безмятежен голос.

Туман. Черный непроглядный дым стелется по всей поверхности земли, стремясь коснуться каждого живого существа в этой долине. Каждого! Не разделяя на виновных и безвинных. Он жрет всех. Заглатывает их тела и души целиком, как еще живых, так и мертвых. Для тьмы нет разницы. Она поглотит всех и вся без исключений. Каждого!

Воин вовремя отступил, наблюдая за неестественным явлением из отдаления. Животный ужас охватил Долину трех лучей. Он высасывал энергию отовсюду. Он убивал, доводя до безумия, рвал душу на части, уничтожая даже малейшую надежду на перерождение. Страх разъедал внутренний мир, убивая навечно и бесследно. Самая ужасная смерть. Полное уничтожение.

Когда воин смог совладать со своими чувствами, его взору предстала безжизненная пустыня. Не осталось ни тел, ни присутствия духа. Все исчезли как мираж. Только одинокая хрупкая фигура в серебряных лохмотьях все так же стояла на холме, сжимая окровавленный клинок. Багровые сосульки волос, покрытые запекшейся кровью, закрывали лицо, потерявшее всякую связь с миром живых. Лик ее не выражал эмоций, они не присуци мертвым. Не было света, и не было жизни в существе, что стояло перед магом. Была только смерть и жажда смерти. Разрушение в самом страшном своем воплощении. Тьма!

— Суардана...

Обветренные губы шевелились, но не издавали звуков, они уже не были на это способны. Тот, кого так неистово звала жрица, больше никогда не дозвется ее.

— Красавица! О сокрытая луна! Очнись же! К нам король направляется! — меня кто-то очень настойчиво тряс, но это не сильно помогло мне вырваться из страшных воспоминаний.

— Пеняй на себя, красавица, я пытался по-хорошему, — и меня сильно ущипнули за мягкое место, попутно забравшись под подъюбник. Такой фривольности мое бессознательное Величество не стерпело. Черт с ним, с наваждением, потом вспомню, чего это такое мне привиделось, а сейчас надо некоторым наглым клыки отросшие повыковыривать и ручки шаловливые оттяпать, или отдавить. Каблуком!

— Где король? Какой король? О, Ваше Величество, прошу, примите мои глубочайшие извинения за мое недостойное поведение! — и я, выскользнув из крепко держащих меня рук, поклонилась «королю».

Когда, наконец, начала соображать, поняла, что стою в реверансе перед Ласканом и ручку ему с перстнем целую. Ну, с фантомным перстнем, но дань уважения я отдала, вот только король местный позади стоит. Поправочка, сидит на мраморном полу и прикрывается ладонью, скрывая смех, что не очень хорошо получается. Хорошо еще, что мы в нише оказались, которая скрывает нас от любопытных глаз. Полагаю, это огонек постарался, но добиться внятного ответа от Алкая сейчас также нереально, как утащить колечко с драконьего когтя.

Улыбающегося оборотня я видела часто, ехидный оскал вообще сопровождал его двадцать четыре вага в сутки, но вот давящегося неуправляемой истерикой — никогда! Даже кровожадные планы ушли на второй план. Побрить его я всегда успею. Пусть побегаёт в осеннее полнолуние без своей тепленькой шерстки. Оборотень подо льдом, интересное блюдо.

А вот лже монарх не спешил осмеивать сей конфуз. Его пылающие розовым пламенем глаза сулили мне все муки нижнего мира. А нервишки то у пернатого шалят.

Не дожидаясь действий феникса, Его Величество наконец соизволило подняться.

— Я принимаю ваши извинения, и не в обиду за то, что вы только что доказали всю негодность моей охраны.

Высокий шатен лет сорока, со строгими серо-голубыми глазами, сейчас с веселым прищуром смотрел на меня. Мужественный, ничего не скажешь. Мужчина в самом расцвете сил. Не скажу, что он красив, скорее чудовищно обаятелен и властен, а это привлекает женщин. О-о-о-очень привлекает. Вот только сей субъект моего повышенного внимания может с легкостью отрубить нам головы за малейшее лишнее слово. Нам просто крупно повезло, что у короля с чувством юмора все в порядке, и что охрана немного зазевалась, а то быть нам нашинкованными тонкими слоями.

— Простите мою наглость, но каким образом я привела в негодность вашу личную охрану? — мне уже страшно, не хочу знать каким, но любопытство такая свинья, которая везде грязь найдет... э-э-э... то есть выход своему рылу.

— Вы неподражаемы, мадам. Так рвались засвидетельствовать мне свое почтение, что ошиблись объектом засвидетельствования, повернувшись... кхм... спиной ко мне и сшибли своим... кхм-кхм... почтением, опять же, меня, — Его Величество явно забавлялся, — и ведь не один воин не среагировал на такую страстную и, чего греха таить, приятную попытку убийства.

Я залилась краской так, что впору кровопускание делать, иначе само не сойдет. Всевышние, за какие такие проколы вы меня в подушечку для иголок превратили. Не люблю иглоукальвание, смилуйтесь!

— Как мило, — обратился как к нашкодившей девочке, — не думал, что жрицы любви, да еще и с севера, способны краснеть. Я был уверен, что никакая вещь на свете не смутит

вас.

Опасный мужик. Осторожнее с ним надо.

— Любой ваш каприз будет выполнен, — я сделала книксен, — ни одно красное пятнышко больше не посмеет испортить мою профессиональную бледность.

— О, как неожиданно. Что ж, я рад, что удостоился вашего внимания, мадам. Пожалуй, мне пора. Торги. Надеюсь, вы участвуете?

— Нет, Ваше Величество. Я лишь представитель и владелец.

— Жаль, — неопределенно бросил монарх и направился к своему резному трону, где его ожидала ревнивая женушка, попутно прожигая во мне громадные дыры. Как же, как же, ее верный супруг вдруг ослабил пояс верности. И из-за кого? Из-за проститутки! Ох-ох-ох, только подлянок от королевы мне не хватало.

— У тебя проблемы, красавица, — шепнули мне на ухо.

— Заметила.

— Умница, Данка. Медаль тебе за осторожность! — презрительно прошипел вконец раздраженный Ласкан.

— Не ерничай, а то твое интимное свидание с советником продлится до утра. Сама знаю, что опростоволосилась.

Феникс сразу притих, но гневно зыркать на меня, думая, что не вижу, не перестал. Будто я слепая. Да у меня ожоги второй степени на спине от его нежных взглядов.

— Огонек, а скажи-ка мне, с чего это король почтил нас своим визитом?

— Кто-кто? — возмутился оборотень.

Темень! Прокололась!

— Пес в пальто! Какого корявого гоблина наше Величество с пьедестала соскочил?

— Вот этого, — и он, ничуть не скрываясь, ткнул в меня пальцем, — ты, наша корявенькая гоблинша, в обморок хлобыснулась, как только клинка коснулась. Благо оружие умнее тебя и само исчезло, а вот ты осталась на моих руках. Именно твое шикарное бессознательное тело согнало нашего монарха с тепленького места. Так что, красавица, ты сама повесила на себя очередную проблему в виде озабоченной монаршей особы.

— Сколько яда, сам не захлебнешься?

— А нечего приличным оборотням клички, как собакам, придумывать, Сушка.

Обиделся оборотень. Первый раз его так задели. Не ожидала, если честно.

— Фу, фу, фу! Ишь, разрычался тут. Сидеть песик, нечего шерстку дыбом ставить.

На меня недвусмысленно оскалились. А нечего из меня единственную виноватую делать. Будто я тут специально обмороки тренирую, чтобы мужчинам головы кружить. Возмущение было столь велико, что его только незрячий не заметит. Вот и песик заметил, замер и сдулся.

— Фу-у-у... — выдохнул оборотень и натянул дежурную улыбочку, — квиты?

— Почти. За оскорбление стратегически важного места я еще отомщу, — ответно улыбнулась я.

— Раз вы закончили грызться и лобызаться, может, наконец, присоединимся к торгам, или вы передумали? — ну почему феникс бывает таким... таким... уф, даже слова не могу подобрать.

— Ну пошли, товар, тебя уже заждались. Точнее твое тело, — не смогла не уколоть я. Не стоит портить настроение, когда оно только начало подниматься с отметки «премерзко».

Ласкан предложил мне руку, кривясь, будто в нее сейчас болотник вцепится, а не мадам

Дизан.

— Все свои обиды оставил прямо здесь и лицо попроще, а то розовое пламя проскальзывает сквозь иллюзию зеленых глаз. Все, мы на задании.

Тут же выражение лица Ласкана изменилось. Полнейшее спокойствие и ледяная грация, даже мне захотелось поучаствовать в торгах, но я тут же отогнала эту мысль.

— Следующий лот — молодой юноша, Лиан. Представляет Императрица севера, мадам Дизан, — громогласно объявлял какой-то пухленький дворянин, видимо он отвечает за сегодняшнее «культурное мероприятие».

— Все мы видели грацию и невинность этого лота, прекрасный экземпляр! Думаю, он не нуждается в моих комплиментах, они уже звучали в адрес прекрасного жреца любви и не раз! А посему начнем! Стартовая цена сто пятьдесят золотых монет!

Молодая дама лет тридцати, позади меня, подняла свой веер, как только произнесли сумму.

— Сто пятьдесят!

Ее соседка не отставала и тут же перебила изначальную цену.

— Сто шестьдесят!

Цена росла с невообразимой скоростью. Почти все дамы в зале успели хоть раз поднять веер. Борьба была нешуточная.

— А ты популярен, — шепнула я.

— Не более, чем ты. Но если ты об ажиотаже, то я тоже поражен. Как-то я в прошлом не сильно пользовался женским вниманием.

— Так ты же розовым был. Такого хочешь, не хочешь, а десятой дорогой обходить будешь.

— Могла и промолчать, — прошипела птичка, — потешила бы мое самолюбие.

— Хочешь потешить самолюбие — скажи, что ты феникс. За тебя столько дадут, что помрешь от гордости за себя любимого.

Мне не ответили, но желваки заиграли.

Тем временем ситуация обострилась. Осталось всего три кандидатки на приобретение феникса, и какая именно была представительницей нашего советника, я не имела ни малейшего понятия. Это-то и напрягало. И горгулье понятно, что Альсакор лично не станет участвовать в торгах. Для этого есть специальные люди, и я только надеюсь, что советник будет стоять до конца.

Вот соперниц осталось двое. Легкий, непринужденный жест рукой и к одной из аристократок со спины подходит переодетый воин. Все. Леди вне игры.

— Триста семьдесят золотых! Есть другие предложения? Нет? Триста семьдесят раз, триста семьдесят два, триста семьдесят три! Продано виконтессе Магнолии! Поздравляем вас, миледи! Вы стали обладателем драгоценного алмаза, который вам предстоит огранить! Прошу вас виконтесса Магнолия, и вас, мадам Дизан, пройти в нишу для расчета.

— Все, милый мой, теперь успех нашего предприятия зависит от тебя одного. Широ будет рядом и при первом же признаке опасности вытащит тебя, — я легонько поглаживала Ласкана по предплечью, стараясь успокоить.

— Мадам, вам не о чем беспокоиться. А что касается малейшего признака опасности, так их уже было много, но я все сделаю.

Феникс был невозмутим, голос не дрожал, наоборот, был уверенным. Ни тени прошлого беспокойства и паники, он снова стал мудрейшим из ныне живущих. Пусть эта перемена нам

на руку, но эти странности начали настораживать.

Тяжелые шторы отодвинулись, пропуская своих гостей, и тут же вернулись в прежнее положение за нашими спинами.

— Мадам Дизан, у меня есть к вам предложение, — невысокая брюнетка с карими глазами пристально гипнотизировала меня. Да, теперь нет сомнений, кто торговался за советника.

— Слушаю.

— Предлагаю шестьсот золотых, и ваш ученик переходит в нашу собственность.

— Отказываюсь.

— Подумайте, такие деньги вам и не снились, — начала убеждать меня виконтесса.

Ага, щас! Чтобы вы поставили на него клеймо, или браслеты напялили. Тогда ему не сбежать. А если и сможет, то его быстро разыщут. Нет, чернявая, в наши планы не входят жертвы. Феникса я вам не оставлю.

— Отказываюсь.

— Мадам, вы не имеете понятия, кому отказываете и...

— Имею, — я перебила ее, — но у меня магический контракт на этого юношу. Он обязан вернуться назад, в мои земли.

Как я тебя, виконтесса?! Что теперь делать будешь?

— Понимаю, тогда все по старому сценарию? — веер в ее руках хрустнул. Злится, очень злится, но хорошо это скрывает. Полагаю, ей влетит от советника за неудачу, однако, это не моего ума дело.

— Полагаю, да.

— Вы изворотливы мадам. Возможно, советник захочет с вами побеседовать, — хищно улыбнулась виконтесса.

Только этого мне не хватало. Упаси Всевышние! От него у меня заморозки по всему телу. Прямо как от Салвана, только сильнее.

— Лиан, на ближайшие сутки ты принадлежишь виконтессе, — подумав, добавила, — заочно.

— Да, мадам, — феникс покорно склонил голову. Всегда бы так.

— Раз с формальностями покончено, — она положила позвякивающий черный тряпичный мешок на круглый стол, — то мы, пожалуй, пойдем. Нас ждут, — это она Ласкану намекнула, что советник в нетерпении.

— Развлекайтесь, — и зачем я это ляпнула!? Феникса будто молнией прошло. Он аж оступися и чуть не зарылся носом в не очень мягкую бардовую ковровую дорожку. Отомстит мне птичка за такую подлость, точно отомстит.

Дождавшись, когда две фигуры скроются за поворотом, вернулась в зал. Торги продолжались. Взглядом отыскала Алкая и попутно отметила, что наш замаскированный дроу отсутствует в общей зале. Отлично, значит, уже следит за Ласканом.

— А сейчас у всех не сыскавших общества прелестных лотов есть отличная возможность весело провести время и отыскать-таки себе приятную компанию. Вальс!

О, уже прошла первая половина торгов. Долго же я рассматривала толпу. Пора прятаться по углам. Не стоит лишний раз искушать публику на общение со мной любимой.

— Мадам.

А орк тебя за ногу! Что ж за невезение сегодня! Оборачиваюсь и встречаюсь с хитрым прищуром серо-голубых глаз.

— Могу я пригласить вас на танец? — мне протянули широкую сухую ладонь.

— Д-да! — поспешно сделала книксен.

— Спокойнее, я же не чудовище, — я резко вскинула голову, — ну что за затравленное выражение лица. Возьмите себя в руки. Я понимаю, что вы обещали сохранять профессиональную бледность, но не мертвенную же.

— А? — будто обухом по голове шмякнули. Я не успевала за его ходом мысли. Каждой новой фразой он все больше выводил меня из равновесия, вводя в ступор. Пока я искала достойный ответ, за который не потеряю свою голову, король все больше опускал меня в ситуацию, где после моего ответа я, несомненно, потеряю свой мыслительный центр.

— О Всевышние, да придите же в себя! Все вокруг видят, как вы хотите провалиться сквозь землю, избежав тем самым моего общества. Вы так отвергаете мои ухаживания?

Все, свобода всплакнула, прощаясь со мной, и ушла на поиски других везунчиков, в то время как виселица приветственно машет петлей.

Постой-ка! Что-то наш монах слишком странно огорчается. Глаза чуть прищурены, на щеках ямочки проступают, слегка, но этого достаточно, чтобы понять — он искренне забавляется. Не настолько оскорбительна моя реакция. Он специально не дает мне вставить и слова. Хочет проверить предел моей психики? Так это запросто. После последних событий и ненормального Ванюши моя психика стальная. Хотя есть предположение, что она распрощалась со мной, но тогда нечего и бояться?!

— Если бы я отвергала ваши ухаживания так явно, не сносить мне головы, Ваше Величество, — и кокетливо подмигиваем, — к тому же мы кружимся в вальсе. Не думаете, что проще было отказаться от танца и вызвать ваш гнев, чем так явно проявлять сою неприязнь?

— Ха-ха-ха! Браво мадам! Мои прошлые фаворитки падали в обморок на первом же вальсе, подвергшись моим изощренным ухаживаниям, — особенно выделив последние два слова, он подмигнул мне в ответ.

Что-то не нравится мне, что объектами таких «ухаживаний» были фаворитки. А еще это «мои прошлые фаворитки». Намекает на вакантное местечко в королевском фаворе? Так меня оттуда вынесут вперед ногами завтра же благодаря особой любви королевы к пассиям ее мужа.

— Вы напряглись.

— Непроизвольно.

— По какой причине переживаете? — ну прямо как перекидывать протухшую картофелину из рук в руки.

— За свой товар, — и не соврала.

— С чего бы?

— Мне предлагали его выкупить и весьма прозрачно намекнули, что от этого предложения мне так просто не дадут отказаться.

— А вы отказались? — король даже повернул голову и прямо посмотрел на мое лицо, хотя в вальсе партнеры смотрят в одну сторону, не пересекаясь взглядами.

— А как вы думаете? — похлопала ресничками. Дешевый трюк, но почему-то всегда срабатывает. Прямо как слабое место у мужчин.

— Бойтесь, что вашего юношу не вернут, или вернут, но в таком виде и состоянии он уже не будет вам нужен?

Меня передернуло. К какому же садисту я отправила птичку. Да он его убьет! Хотя в

этом даже не стоит сомневаться. Как только сломает три последних барьера, так и убьет. Всевышние, пусть эти барьеры сломаются от синяков пустяковых, а не серьезных ударов! Я же не прощу себе, если Ласкан снова будет страдать. И почему я не всадила ему каблук под ключицу!?

— Спокойно, дорогая. Не хочу прерывать наше общение, оно бесценно, — шепнул мне на ушко и слегка задел губами мочку. Дамский угодник!

— Насколько бесценно?

— Достаточно. На вас и ваш товар хватит, — выдохнул этот обольститель, почти касаясь моих губ.

Все! Я потеряла всякий плотский интерес к этому мужчине. Я совершенно точно не являюсь материалистом и свое общение не продам ни за какие эльфийские булочки. Но с королем пойду. От него зависит благополучие Ласкана и успех всего нашего плана.

— Приемлемая бесценность для моей репутации, — слукавила я и мило растянула задубевшие от возмущения губы. Но он король, таким не отказывают. Мне еще повезло, что я хоть что-то с этого буду иметь.

Куилагур[1], если ты меня слышишь, звездани эльфа по его вислоухой голове и передай, что меня утащил в свои сети власть имущий паук. И если Широ меня не спасет, пусть потом дуется сам на себя!

[1] Куилагур — Богиня равновесия

ГЛАВА 10: Неожиданности

Слепой сказал: «Посмотрим»

Народная мудрость

Ласкан зи Верт Нало

Меня вели долго и путано. От количества поворотов и разноцветности множества коридоров начало рябить в глазах. Виконтесса, что неизменно шла впереди, не проронила ни слова. Будто это ниже ее достоинства — позволить себе заговорить с таким отбросом общества как я. Дура, возгордившаяся мнимой властью! Знала бы ты, виконтесса, кого ведешь за собой. Я даже улыбнулся, представив весь калейдоскоп эмоций на ее пресной аристократичной физиономии, когда бы она узнала, с кем не хочет заводить бесед.

— Долго еще, — решил пошалить я. А что еще делать, когда тебя продают садисту-извращенцу.

— Сколько понадобится, — холодно бросила женщина.

— А сколько понадобится?

— Узнаешь, — она угрожающе прошипела в пространство впереди себя.

— Когда? — знаю, что издеваюсь, ну уж очень злит меня ее высокомерие.

Мне не ответили.

— Вы не услышали меня, я спросил когда? — игнорирует, — печально быть слабой слухом при таком высоком титуле, — я попытался посильнее зацепить ее.

Сработало. На меня так гневно посмотрели, что не удивлюсь, если мне третий блок выжгло ее взглядом. Не удержался и безобидно улыбнулся на ее открытую агрессию. Она развернулась и вновь зашагала по длинному еле освещенному коридору. Рано я праздновал победу, поскольку ее следующие слова заставили меня похолодеть.

— Улыбайся, мальчик. Скоро ты забудешь, как это делается, — усмехнулась леди, не поворачивая головы.

О светлые мечты! Я успел позабыть этот животный страх, что рождает одно только присутствие карателей. Как ледяные путы страха окутывают все твоё естество и выжигают всю стойкость и мужество.

Я впал в подобие сна. Безвольная кукла двигалась за виконтессой, а не Ласкан зи Верт Нало, принц фениксов. Я был слишком напуган. Передо мной шла мертвая. Не такая, как каратели, которых мы встретили на пути в Хрустальный лес. Эта проклятая сохранила за собой право выбора. Она мыслила самостоятельно и могла по своему личному усмотрению причинять боль, которой я страшился больше всего на свете. Высшая ступень нежити!

— Пришли, мальчик, — прошипела мертвая, с наслаждением купаясь в страхе и панике, что отражались в моих глазах, — да будет ложе твоё мягким, — я даже облегченно вздохнул, когда вошел в комнату, а проклятая осталась позади, но, как оказалось, рано, — и мокрым от крови. Кхр-кхр-кхр!

Это был не смех. Это было скрежетание ржавых цепей страха, что снова сковали мою душу. Дана! Прости, но я, кажется, не смогу доиграть свою роль. Дверь за моей спиной закрылась, как и последняя возможность отступить. Холодок прошелся вдоль позвоночника.

Не найдя взглядом никого живого или мертвого, решил за лучшее осмотреться, вот

только ноги отказывались выполнять простые действия. Я даже не мог банально упасть. Ничего не гнулось. Ощущение, будто меня заморозили, а я этого еще не понял.

— Не бойся, дитя, — голос раздался одновременно отовсюду, и это угнетало не меньше, чем недавняя встреча с проклятой, — подойди.

Да-да, уже лечу! Интересно, куда? Предки, где же выход! Я начал паниковать. Так, стоп. Если дела зашли так далеко, пора воспользоваться опытом тысячелетий. Ох и беспомощный же я, стал так часто прибегать к потаенной силе. Сам ни на что не гожусь. Права Данка, избалованный, изнеженный, эгоистичный принц.

Я закрыл глаза, сконцентрировался на своем внутреннем самосознании, отбрасывая всю суету внешнего мира. Да, так и нужно действовать. Никакой страх не помешает мне все вспомнить или открыть новое. Ведь я хранитель истории!

«Взываю к мудрости предков. Да даруют они мне все свои знания, видения и сомнения, как и я, Ласкан зи Верт Налю, наследник королевской крови хранителей истории, передам их своим потомкам».

— Ну что ты, испугался меня? — голос был ласковым и нежным, но я знал о его обладателе слишком много, чтобы попасться на сладостные речи и обещания защиты. Почувствовав вернувшиеся знания, открыл глаза.

— Совсем нет, — и это, почти, правда. Та мертвая была в разы страшнее.

— Приятно слышать.

Из смежной комнаты выплыл невысокий коренастый мужчина в одной рубашке и брюках. Ворот был развязан почти до талии, открывая мускулистую, поросшую темными волосами грудь. Может он был мужественен и привлекал женское внимание, но у меня вызывал лишь отвращение. Я видел сильные руки, что били, душили и калечили, я видел стройные ноги, что добивали неугодных и надоевших. Я видел лицо, что искажалось удовольствием от всех зверств, что свершало его садистское тело. Я видел ледяные серые глаза, что ни разу не закрылись, наблюдая картины насилия, истязания и убийств. Я видел маленькие уши, почти невидимые, что не вняли ни единому крику боли, раздирающему юные души на части. Я видел чудовище!

— Ну же, я не обижу, — он протянул ко мне руку.

Как же! Он всего лишь заклеит меня, как своего раба. Я видел, как этот мужчина с непонятной нежностью сворачивал кольцами рабский ошейник и бережно укладывал его рядом с много раз чищенной до блеска магической печатью, что ставила клеймо. Все это ждало меня на прикроватном столике, предусмотрительно накрытое шелковым платком. О да, я все знаю. Я видел каждого несчастного, что побывал в твоей спальне. Я прожил твою жизнь, я терпел все ужасы вместе с твоими жертвами, но теперь тебе не обмануть меня.

— Как вам будет угодно, — я низко склонил голову и двинулся на встречу с монстром. Как же клокотало мое пламя, как хотело вырваться и сжечь здесь все дотла.

Меня порывисто обняли. Несколько вар мы стояли неподвижно. Советник вдыхал мой запах. Он как гончая вынюхивал добычу, чтобы загнать ее на смерть позже, а я не знаю, как нашел в себе силы не убить его на месте.

— Ты прекрасен, Лиан. Так юн, так невинен, чем безумно искушаешь меня, — его рука скользила по спине вверх к моим распущенным волосам. Я должен потерпеть! Я должен продержаться пять вар! Всего пять бесконечных вар и все закончится!

Широварт ла Эк

— Он... он меня... О Всевышние, какой позор! — феникс истерично заламывал руки и покусывал и без того прокушенную нижнюю губу, даже не хочу знать кем!

— Воздержись от подробностей, они мне ни к чему, — выразил свои мысли словами. У меня совесть как бы есть, еще грызть начнет от извращенных подробностей. Ведь это я такой бессердечный и жестокий отправил тепличный цветочек в лапы садиста ненормального.

— О Всевышние, я рассказал о своем позоре какому-то плебею. Это еще больший позор!

Мило! Я, значит, о его психике беспокоюсь, а он о своем моральном облике.

— Мне оставить вас, Ваше Высочество! — вывел он меня.

— С ума сошел! — а вот и родная паника нарисовалась, весьма некультурно плюнув на мораль.

— Негоже вашей персоне с полукровками якшаться, — а нечего своего спасителя плебеєм обзывать.

— Нет! Я лучше смирюсь со своим позором перед тобой, чем покрою себя еще большим! — ничему юнец не учится. Нет, чтоб комплимент мне сказать, так он все на том же самом топчется, весьма болезненным для моего самолюбия.

— Как интересно. Но плебей на то и плебей, чтобы сказать: спокойной ночи, Ваше Величество! — я вполне серьезно намеревался выпрыгнуть назад в окно, в которое влез пару вар ранее, и бросить феникса в комнате для омовений «освежиться», как он только что это объяснил нашему советнику. Ну и вернуться через вар, когда истерика зашкалит и здравый смысл вытеснит глупые предрассудки.

— Широварт! Не бросай меня! Прости мой дурной язык, не отдавай меня в его руки! С Всевышние! Я не переживу мужеложства! — как быстро он понял, чем ему грозит моя обида.

— Ты помрешь еще до основного действия. Подумаешь, нашего принца потискают немного. Даже полезно. Спесь сбить, так сказать, — какой же я все-таки жестокий.

— Широварт, еще одной дырки в ухе или губе я не вынесу, — взмолился пернатый, даже не заикнулся о своем титуле. Умнеет.

— Еще одна дырка в чем-либо и ты сгоришь, красавица моя, — и я шлепнул феникса по мягкому месту. Нет, ну я точно немного садист в душе.

Как же покраснел Ласкан. Я явно не первый, кто это сделал с ним. У самого уши начало жечь от догадки.

— Так он уже успел полапать? — молчание мне было ответом.

— Неужели все блоки сняты? — шокировано прошипел я.

— Сняты! — выкрикнул Ласкан и тут же зажал рот рукой, — сняты, чертов первородный! Еще как сняты! Неужели дырка в ухе и губе не натолкнула тебя на мысль, что он мог сделать что-то и похуже. О светлые мечты, я впервые хожу с дырками в собственном доселе нетронутым никем теле и истекаю кровью. Если выживем, я сутки напролет буду Дане устраивать аншлаг!

— Может, все же пойдём? — осторожно осведомился я.

Как-то умерло всякое желание подшучивать над нашим принцем. Он действительно молодец. Не уверен, что не проломил бы череп советнику при первом же косом взгляде на меня. Не представляю, чего ему стоило сдержаться. А то, что он мог эту сволочь убить, я не сомневаюсь.

В прошлом мы мало знали друг о друге. Но побывав в его теле, я многое теперь

осмысливаю по-другому. Вся его истеричность напускная. Таким он хотел предстать перед Даной и таким останется, лишь бы остаться подле нее. Ведь если откроет свою силу, банши может его вспомнить. А это грозит, ни много ни мало, глобальным вымиранием.

— Ты нашел?

— С этого надо было начинать, тебе так не кажется? — поддел я, но быстро поправился, поймав испепеляющий взгляд. Ведь правда пальнуть может, — нашел, но разбираться будем, когда выберемся.

— Отлично, давай страховку и уйди с дороги. Я снова как хрустальная ваза, одно неосторожное движение, и в пепел.

Как я рад, что не стал посвящать феникса в план нашего побега. Пока он отвлекал советника, я осторожно пробрался через окно в покои с другой стороны и перерыл весь кабинет, а услышав, что Ласкан остался один, тут же начал воплощать наше стратегическое отступление. Как же он будет ругаться.

— Nut-se[1]! — шепнул и направил ладонь на феникса

На меня удивленно уставились два абсолютно розовых глаза. Вот уже и иллюзия спала.

— Если что, это план Су. Заранее прости, — и я одним ловким движением вытолкнул онемевшего от моего заклятия принца в окно. Представляю, как бы он кричал, не закрой я ему рот. Зато из замка вытащили без приключений, да и переродится без своих боевых ран. Уверен, ими он точно не собирался хвастаться.

Алкайна Вайне, альфа стаи рыжих волков

Ну и где эльфа мавки носят? Дана уже пять вар как ушла с королем! Я начинаю терять ее запах. В зале слишком много народа и слишком много парфюма на дамах, чтобы удержать нужный след. Неясное будущее! Как же мне помочь?! Если бы здесь были кельпи! Они со своим идеальным нюхом ни в жизнь не потеряли бы банши. Не могу же я и в самом деле пойти в покои короля и вытащить Дану из его страстных объятий!? О Везнающие, где же первородный?

— Взгляд попроще, а то уже леди подумывают о бессрочном обмороке от твоего серьезного лица, — шепнули мне со спины, — уходим. Медленно и непринужденно двигайся к южному выходу, там уже Ласкан... м-м-м... топчется. Бери его, и уходите на восток.

— Ничего не забыл? — не оборачиваясь, произнес в кулак, притворно покашливая.

— Мы с Су уйдем западным ходом...

— Не выйдет — перебил я.

— Выйдет, уходи.

Я почувствовал легкое движение воздуха из ниши, которую покидал сокрытый в тени эльф, и обернулся. Схватив Широ за предплечье, сам ушел под покров плотных штор.

— Луна в голову ударила, оборотень! Я вообще мог тебя бросить здесь. Ты неходишь в мои планы.

И первородный обнажил парные стилеты. О, не ожидал, что дойдет до открытой агрессии. Кажется, кто-то ревнует. Я мягко улыбнулся, с неменяемыми только так и надо.

— Даны в зале нет, — произнес и стал ждать нужной реакции.

Ступор, осмысление и вопрос.

— То есть «нет»? Где она? — и стилеты упираются мне в горло и сердце. Хоть один соскользнет, и мне конец. Какой же Широарт вспыльчивый, когда дело касается его ученицы. Чуть помедлив с ответом, ровно до выступившей капли крови на моей шее от нетерпения эльфа, пояснил:

— Ее король увел.

Я ожидал приступа гнева и паники, но нет, первородный был спокоен. Никакого прерывистого дыхания и расширяющихся зрачков. Расслабленная поза, руки, мягко держащие оружие, и гладкое, без подергиваний и сведенных скул, лицо. Поразительная безмятежность во всем естестве светлого. Даже в голосе.

— Забирай феникса, и идите на восток, — ни единой высокой нотки или надрыва, сплошное монотонное бормотание. Я даже плечами передернул от неестественности происходящего.

— А красавица? — должен же я уточнить дальнейшую судьбу банши.

— Не твоя проблема, — мне показалось или краешек порозовевших соединенных губ дрогнул на мгновение. Подтвердить мое наблюдение уже не было возможным. Эльф развернулся и напрямик направился к лестнице в покои дворца, рассекая толпу, как корабль покрывало зелени, по весне покрывшей зацветшую спокойную реку.

Так-так, как интересно. Красавица, ты даже не представляешь, насколько эльф пристрастился к твоим выходкам. Они его наркотик. Пятьдесят лет слишком долгий срок. Теперь свою порцию жизненной силы первородный не отпустит так легко. А он серьезно настроен.

Я, с идиотской улыбкой предвкушения новых веселых деньков, смотрел в спину эльфу, потерявшему всякую связь с внешним миром, пока тот не исчез в темноте проема, что вел в жилую часть дворца. Что ж, пора и честь знать.

Не привлекая лишнего внимания, как это сделал только что Широарт, я направился к южному выходу. Как и сказал светлый, Ласкан был там. Сидел на раскидистом тополе на высоте в пять тар и шепотом поминал все достоинства эльфа и его родни. Такой юный и такой испорченный.

Ласкан зи Верт Налю

— Эй, кукушка-кукушка, сколько мне еще ждать осталось? — раздался басистый шепот откуда-то из-под кроны моего тополя. Ну моего, потому что я на нем сижу. А сижу по вине одного подлого и не очень точного в метании эльфа. Не мог на лужайку сбросить! Она всего-то в пол тате от моего теперешнего насеста.

— Иди в *** и на *** и за *** и по кругу!

— Похоже, долго, — обреченно вздохнул оборотень.

— Верно мыслишь!

— Я не пойму одного, какого ты на дереве прятаться вздумал? Место для гнездования искал что ли? — мало мне было эльфа и Данки, так теперь и оборотень садистским чувством юмора заразился.

— Ты идиот? Осень на дворе, я к миграции на юг готовлюсь. Выбираю деревце повыше для взлета. Такой шикарный тополь! Уже раз пять убился о его излишне мягкие веточки. Правда чудесное место мне эльф выбрал для приземления? — как не подавился ядом, что

лился вместе с моим голосом из недр негодования, сам удивился.

— Вот так бы сразу, а то слишком ты яро реагируешь на шутки. Проще надо быть. Прыгай!

— Думаешь, я не догадался сам спрыгнуть? — съехидничал я, — вот только Данка знала об одной смерти, нынешнюю она не ожидает. Сейчас как огласит очередную пошленькую песенку на весь королевский дворец, так и финал нашему плану наступит.

— Сам же сказал, что сгорел пять раз, — недоумевал оборотень.

— Так я в течение пары вар сгорал без остановки. Когда, наконец, понял, что сам не выберусь, а банши уже хрипеть от песнопений должна, так и замер.

— А ты соображаешь, — уважительно отозвался Алкай.

— Так ты меня снимешь?

— Попробую.

Вот настоящий оборотень! Выпустил когти на руках, вцепился в ствол дерева, и все это так сосредоточенно и с серьезным выражением на лице, что я даже простил ему прошлые насмешки. Сейчас залезет повыше и аккуратно поотрывает своими мощными руками мешающие ветки. Все-таки он не так плох.

Ага! Радоваться заранее — опасно! Легко ошибиться в выводах. Этот волчара плешивый крепче вцепился в ствол и, что есть оборотневой силы, затряс мое спасительное убежище. И трясло это зверье тополь до тех пор, пока я, аки спелое яблочко не свалился на землю. Придушу! Как только перерождение пройду, так и придушу! Спаситель упырев!

— Убью! — не крик, а рев огласил все северное крыло.

Пять вар тишины и громкий стук в толстую сосновую дверь королевских покоев.

— Ваше Величество, у вас все в порядке? — а на балконе и в соседних комнатах уже целое войско столпилось и ждет отмашки.

— Или у нас все хорошо, или... — прошептала одними губами и недвусмысленно, чуть сильнее, надавила сапфировой сталью на горло монарха.

— Не мешайте мне, капитан! Чтоб через один удар ваше безмозглое войско исчезло и на пушечный выстрел не подходило к моим покоям! Я ясно выразился?!

— Да, ми сир! — раздалось покорное в закрытую дверь.

— Иностранец? — еле слышно поинтересовалась у придавленного. Мне кивнули.

— Не поверит? — скорее убеждая себя, чем спрашивая, сказала вслух.

— Пока не проверит, — спокойно ответили мне снизу.

заворочался подо мной, устраиваясь поудобней. Легко высвободил свои руки, придавленные к его собственным бокам ногами сидящей верхом на монархе девицы легкого поведения, то бишь, моими. А потом вконец обнаглевший король, который, видимо, забыл об идеально заточенном клинке у своего горла, собственнически положил свои ладони мне на бедра, медленно скользя ими вверх, и задирая еще не сорванный с меня подыюбник. Я даже растерялась от такой наглости, но быстро сообразила, к чему клонит Альхерт. Не удивляйтесь, мы теперь на «ты». Были. До моего покушения на первого человека Марона.

— Соблазните, Ваше Величество? — кокетливо и достаточно громко для некоторых вооруженных и недоверчивых пропела я.

— Пытаюсь, — хрипло выдал мой плененный оболъститель. И ведь попытки отнюдь не

были обреченными на провал, о чем знало Их Величество. Хорош, гад!

— Не надорвитесь, — прошептала на ухо явно взбудораженному таким обращением королю, и уже для играющих в прятки, — вы смущаете меня!

Король вполне искренне улыбнулся в ответ на мою игру.

Пока изображала соблазненную, приказала своему клинку исчезнуть и в тот же миг вдавила монарха в матрац кулаком с зажатым боевым ножом, что невидимо для посторонних глаз занял покинутое клинком место под кадыком Его Величества.

— Ловко — слегка удивился сменой оружия монарх, — для куртизанки.

Раскусил-таки. Лучше бы думал, что императрицу севера наняли для не совсем тех услуг, что оказывают в домах терпимости.

— Стараюсь.

— Мадам Дизан, вы так страстно прижались ко мне, что неправильно понять ваши действия просто невозможно, — и этот хитрый лис, абсолютно игнорирующий свое положение заложника, поманил меня пальцем наклониться ниже. Нет, я просто в восторге от этого самоуверенного мужчинки. Теперь понятно, отчего все придворные дамы слюни на короля пускали.

В ответ на провокацию мило улыбнулась и покачала головой. Мне тоже широко улыбнулись и скользнули одной проницательной рукой под краешек моих нижних шортиков. Я вздрогнула. Улыбка сползла сама собой, а вот Альхерту, наоборот, грозил разрыв щек от чрезмерного широкоулыбания.

— Убью, — не произнося ни звука, дала прочитать по губам, чем грозит Его Величеству эта выходка.

— Не получится, милая, — не таясь, ответил король, — некуда бежать, иди ко мне, — и ведь прав, сволочь такая!

Мужчина подо мной крепко сжал одной рукой мое бедро, а второй обхватил шею, и не обращая никакого внимания на мой боевой нож, приподнялся, сокращая и без того маленькое расстояние между нашими лицами.

— Тебя превратят в решето еще до того, как закроются мои глаза. Умру я, и ты в то же мгновение отправишься за мной следом, — прошептал хрипло, прямо в мои приоткрытые губы, и тут же смял их своим поцелуем.

О да! Король Альхерт был первоклассным дамским угодником. То, что он мог вытворять с женским телом просто редкое искусство дарить одними лишь прикосновениями невероятное наслаждение. И мне это безумно нравилось. Толпа вооруженных до зубов солдат за стеной, готовых в любой момент ворваться в королевскую спальню и растерзать меня за ван, только подливала масла в огонь. Чарующее чувство возбуждения, исходящее от опасности и страсти. Головокружительные ощущения. Вот только такие же эмоции я испытываю каждый раз просто находясь рядом с эльфом. На каждом задании мы рискуем, и каждый раз мы остаемся наедине. Я настолько привыкла ходить по лезвию ножа с Широ, что страстный король и его обученное войско просто вызывали давно знакомое чувство, но не давали того же удовлетворения. Скорее игра заканчивалась, так и не начавшись. Я нежно, но настойчиво надавила на грудь монарха, возвращая того в лежачее положение, облизнула губы и чуть более жестко надавила на сиятельное горло. Глаза Его Величества расширились, а румянец резко схлынул с доселе самоуверенного лица.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Игры кончились, — спокойно оповестила о своем решении.

— Тогда вас просто казнят на месте, — попытался насмешливо ответить, но я уже все знала.

— Вашу стражу удовлетворил спектакль, который вы и помогли мне сыграть, — мужчина невольно сглотнул, отчего тоненькая алая полоса выступила на матово-слоновой коже, — вы были уверены, что я не серьезна. Это ваша самая большая ошибка.

Я не щадила чувства короля. Сейчас я действительно была готова его убить, лишь бы не поставить выполнение нашего задания под угрозу.

— А вы не шутите, — согласился со мной король, твердо смотря в мои глаза. Он не умолял отпустить его и не показывал страха. Он смело принимал свою судьбу. Настоящий правитель, даже не вериться, что он так коварно планировал захватить эльфийские земли.

— Могу я задать вопрос?

А мне жалко что ли, пусть задает. И я кивнула.

— Почему вы так громко кричали, что убьете меня? Не соверши вы эту глупость, и моя стража даже не почесалась бы.

— Вы помните, что случилось до этого?

Король отвел взгляд, вспоминая недавние события.

— Мы вошли. Вы меня опрокинули и сели верхом, приставляя клинок к горлу. Потом мы молчали с вар, — потирая переносицу большим пальцем, Альхерт погрузился в собственные мысли, но недолго покопавшись в памяти, продолжил, — вы петь начали, — слегка нахмурил брови монарх, — к тому же, какую-то бессмыслицу. Я тогда даже перепугался, что некромант меня с сумасшедшей спутал.

— Не далеко от истины ушли в своих предположениях.

Король явно занервничал.

— Даже так, — он коснулся груди под самым лезвием, будто хотел ослабить ворот, — так почему вы так глупо выдали себя?

Король Альхерт явно боялся, что мне надоест разговор, и я его просто прирежу на шелковых простынях, что, в общем-то, я не планировала делать. Но сообщать о своих гуманных мыслях я ему точно не собираюсь.

— А я не вас убить грози-и-и-илась, — некультурно зевнув, растянула последнее слово. А что? Я последние сутки вообще не спала, а птичку туда-сюда гоняла, заставляя отрабатывать изящные, томные движения.

— А кого? — совсем забеспокоившись о моем умственном состоянии, насторожился недавний соблазнитель. Теперь у него даже мысли не возникало приставать ко мне. Сильно его припечатала моя откровенность.

— Да вот есть один неугомонный юноша, что вечно не вовремя убиться умудряется, — уже совсем разомлев от теплого тела подо мной и тусклого света свечей, выдала я. Только по ошарашенному лицу Его Величества поняла, ЧТО ляпнула!

— Э-э-э... убиться? — какие-то стоны охрипшего получились, даже разочаровалась в правителе. Психика-то слабая. Свеже-воскрешенный зомби и то устойчивей к стрессу будет.

— Всечувствующие с вами, Ваше Величество! Упитья! — выкрутилась я, — ох и алкаш этот растущий организм на моей шее. Не представляете! Он иной раз так упьется, что я час еще с головной болью хожу.

— А вы-то с чего? — удивился заложник.

— Так за компанию, чтоб у него одного не болела!

Темень! Что несуты?!

— Даже так. А причем тут песни? — как-то странно сощурился наш монарх. Жаль, что меня понесло от недосыпа и отпустившего напряжения.

— Так я ему напеваю. Он упокаивается... тьфу, успокаивается. А потом, гад такой, розовый, снова ка-а-ак убьется...

— Упьется, — поправили меня.

— Ну да. Вот у меня голова и болит. Петь то после каждого убивания приходится.

— Упивания, — снова исправил меня Альхерт.

— Упивания-упивания! Могла бы упить эту пернатую сволочь, так уже так бы упила, чтоб больше не смог упиваться!

— Бутылки бы все спрятали.

— Ага, так этот изверг и веточкой упиться может и камешком! Не-е-е, тут надо так упить, чтоб на всю жизнь упился.

— Так у него неограниченный доступ к огненной воде? — почему-то голос был чуть тоньше, чем прежде и гораздо оживленнее.

— Да! А я о чем! Огненный гад! Возьмет, сгорит, а потом по новой упьется! Сколько не старайся его упить окончательно, он возвращается! — от возмущения начала захлебываться слюной. Даже жестикулировала страстно так. И только заметив стальной блеск лезвия в воздухе, что хвостиком двигался за моей рукой, осознала, что монарх-то свободен.

— Бедненькая, как же вам тяжело с этим пьяницей беспробудным. Давайте, я вас пожалею, — меня обняли, попутно ссадив с себя. Так как я все еще недоуменно разглядывала поднятые на уровне груди собственные руки, сопротивления король не встретил.

Почему я не могу понять, что не так с моими руками? Что не так с языком и головой? Мысли текут вялым потоком, лениво выдавая запоздалую информацию: «Меня провели!».

— Т-тварь! — прошипела, еле двигая челюстью.

— Точно, милая. Самая настоящая тварь, раз пьет беспросветно, — укачивал как маленькую в своих крепких объятиях.

— Т-ты т-твар-р-рь!

— О! Уже разум прояснился. Вот только тело не слушается, да милая? — издевается, — тяжело тебе слова даются. Но ничего, к утру пройдет, опасная моя.

— Яд-д-д? — из последних сил выдавила из себя догадку.

— Он самый. Зря ты позволила мне поцеловать себя. Я, знаешь ли, не первой любовницей атакован. Моя охрана постоянно находится в покоях. Что бы я им ни говорил, как ни угрожал, они с места не сдвинутся. Научены. У них четкий приказ: не покидать своего короля ни при каких обстоятельствах, — я всхлипнула, осознавая, как ошиблась, — а яд, это еще одна предосторожность. Видишь ли, еще не одна убийца не удержалась от поцелуя со мной, — он самодовольно улыбнулся, приподнимая мой подбородок указательным пальцем, — вы, женщины, любопытны и податливы на ласку. Будь ты простой проституткой, я бы дал тебе бокал вина с противоядием, и ты даже не поняла бы, что тебя отравили ранее.

— Й... м-м-м... д-д... — язык уже совсем отказывался ворочаться, только слегка дергаясь от моих потуг что-то сказать.

— Что за яд? — правильно поняв мои мычания, Альхерт положил обездвиженное тело на кровать и навис надо мной, опираясь на локти, — смесь сон-травы и дурман-травы. Как оказалось, такая настойка имеет интересное воздействие на организм. Сначала жертву

клонит в сон, а разум мутится, потом мысли становятся кристально чистыми, но тело теряет способность двигаться самостоятельно. Через пару вар наступает полный паралич, но временный. Не надо на меня так грозно смотреть. Каждый приспособливается, как может. Я вот уже десять весен пью эту настойку дважды в день. Она впиталась в кровь и слюну. Удобно, не правда ли? Как видишь, Его Величество ядовит, и ты испытала это на своей шкуре.

Я собрала все свои силы и выплеснула их в слова.

— Ты ду-дурачил меня! — получилось даже чуть приподнять голову с подушки.

— Не порядок, — нахмурился правитель Марона, — должна как минимум до утра быть живым трупом, — и, не спрашивая моего разрешения, меня снова поцеловали. Жадно, властно и как-то отчаянно.

— Жаль, — прошептал король, слегка надавливая большим пальцем на мою нижнюю губу, открывая тем самым путь к более интимному поцелую, — жаль, что ты убийца. Ты понравилась мне, императрица севера. Я даже рискнул вызвать гнев супруги. Как жаль, что ты не оправдала мои надежды.

Он медленно провел языком по верхней губе, задел уголок и скользнул в глубину. Прикосновения были нежными и в то же время жадными. Альхерт ласкал кончиком своего языка мой неподвижный и пробегался по моим зубам, касаясь внутренней стороны губ. Правитель точно знал, как сводить с ума поцелуями.

— Да, я играл, — он отпустил мои губы, но ненадолго, перемежая поцелуи со словами, — когда же ты стала серьезной в намерении убить меня, я сменил тактику, стал нервным и чуточку испуганным. Это и погубило тебя. Ты поверила, что правитель Марона настолько низок, что покажет свой страх. Два десятка воинов скрывались в тени. Дюжина луков были направлены точно в твое горячее сердце. Мне не хотелось убивать тебя. Вот почему я всячески уводил тебя от мысли о моем горле и остром лезвии, что впивалось в него. Легко далось решение отравить тебя.

Легкое касание к припухшим губам и король отпускает меня.

— Я не тварь, милая. Я не пал так низко.

Он медленно поднялся с кровати, накинул снятый ранее парадный камзол и направился к выходу.

— В темницу и допросить, — крикнул в пустоту и, не оборачиваясь, покинул спальню. Но последнее слово осталось за мной.

— Прости, головокружительный наркотик, но я ядами тоже балуюсь, — твердым, ровным голосом произнесла в спину монарху.

Всего миг на осознание, и его хватает, чтобы рвануть в открытое окно, в столь желанные объятия.

[1] Nut-se — связать ег

ГЛАВА 11: Друг? Враг?

— Су, ты вообще можешь хотя бы повисеть без приключений? — шипел мой вислоухий спаситель, поддерживая мое, местами обмякшее тельце на весу.

— Могу, — твердо заверила в своей способности поболтаться на страховке самостоятельно. К слову, этаж-то шестой, не ниже.

— Вот и славно. Я сейчас тебя отпущу на ван, создам щит и снова подхвачу. Всевышних ради, не пытайся спуститься сама! У тебя сейчас конечности отказывают с разной периодичностью. Еще хряпнешься оземь. Мне только труп банши и не хватало для завершения этого великолепного дня!

Я обиделась. Вот правда обиделась. Как будто от меня одни проблемы и ни капли помощи. Дал бы мне отдельную страховку, я бы ему такой мастер класс по скоростному снижению показала! Так нет же, мы пострадавшие, беспомощные и бесполезные. Не положена балласту отдельная страховка и кошки! Ушастый жлоб!

— Я, между прочим, идеально осуществила побег! — буркнула разобиженная банши.

— Точно, — плетя щит, о который уже десятка два стрел разбилось, ехидничал эльф, — грациозно рванула к окну, застав противника врасплох, избежала трех стрел, вот только споткнулась о подоконник и вывалилась как мешок с дерь... с отходами за стену. Радуйся, что я был в кошках и смог резко откинуться назад и поймать тебя, удерживаясь лишь ногами. Как не вывернул щиколотки, до сих пор поражаюсь. Ты, малышка, отнюдь не пушинка.

— Ах, так! Тогда нечего было вообще лезть спасать! Я и сама сбежала бы!

— Ага, из темницы, после пыток и почти обездвиженная. Ты не говорила мне, что желаешь выбраться из дворца вперед ногами. Знал бы, не стал спасать.

— Вислоухий черт! — выкрикнула я.

С вар эхо носило мой раздраженный ор по всей округе, а потом все смолкло. Только одинокое потрескивание щита от случайных стрел, что разбивались о серебряную поверхность, так и не доходя до цели.

— Широ, я...

— Заткнись, Су! Вот просто заткнись! — рыкнул учитель в темноту перед собой, даже не посмотрев в мою сторону.

Стало стыдно. Я перегнула с оскорблениями. Эльф меня спасать полез в самое пекло, и без его помощи я оказалась бы в деревянном гробу на местном кладбище. Тут уж без вариантов. Неблагодарная сволочь я, однако. Слишком привыкла, что он всегда рядом и всегда спасет. Эгоистка, ликаном покусанная!

Молчание давило на психику, что начало нервировать. Я решила подтянуться к Широ и просто коснуться его руки. Вдруг поймет, что раскаиваюсь, и язык у меня без костей ядом пропитанный. Ядом, кстати, буквально пропитан.

Вот я оттолкнулась от стены и протянула руку к застывшему эльфу, что явно пытался сдерживать рвущуюся наружу злость. Вот остался какой-то тан до эльфийского плеча, и я резко срываюсь вниз, глупо махнув выставленной рукой, будто это меня спасет. Резкий рывок чуть

не разделил мою душу и тело. Ошарашено вскидываю голову вверх, вижу напряженное лицо учителя. Вижу, как припухла венка у виска от усилия, и как эльф держит обожженной рукой конец веревки, что явно была перерублена шальной стрелой. Вижу необъятный страх, что скрывается в пронзительном океане васильковых глаз. Страх потерять дорогое сердцу. Собственное пропустило удар.

Все это я отметила за миг до столкновения со стеклом очередного окна. Даже не успела сгруппироваться. Звон, множество болезненных уколов по всему телу и отбитое правое плечо. Надеюсь, ничего не сломала.

— Суардана?!

Голос был смутно знакомым. Перекатившись с травмированного бока на здоровый, при этом болезненно морщась и постанывая от множественных порезов, пусть и не глубоких, смогла увидеть говорившего.

— Здравствуй Салван. А я вот экскурсию себе по дворцу решила устроить, — чуть кривясь, сообщила застывшему василиску.

— Полночную? — и ни каких эмоций. Точно заледеневший камень, а не живое существо.

— Ага. В это время народу меньше и никто не мешает.

— Не мешает убить короля?

Ликан плешивый! Значит, уже вся охрана в курсе моих подвигов.

— Ась? Какого короля? Экскурсия Салван, ты не расслышал? Гуляю я тут, картины рассматриваю, да богатое убранство дворца, — тяну время, а что еще делать?

— И ты решила вместо двери воспользоваться окном? Оригинальный способ, тебе так не кажется?

— У каждого свои причуды, — я пожала плечами, скривилась от пронзившей боли и кое-как поднялась на неверные ноги.

— Суардана, ты не выйдешь отсюда. Просто сядь обратно, и мне не придется применять силу.

— Какой грозный василиск. А может мне до одного места твоя сила, — и я мысленно позвала магический клинок. До сих пор не понимаю, как он так появляется и исчезает лишь по моему желанию. Станный артефакт. Вот и сейчас оружие не заставило себя долго ждать.

— Вооружена, — полувазилск сделал осторожный шаг в сторону, — и магия на тебя не действует, — он перевел взгляд на алую вязь поверх синей стали, — магия крови?!

Впервые на безразличном ко всему лице отразилось удивление. Пусть легкое, но все же удивление.

— Не имею понятия, — честно призналась. Ведь и вправду не знаю ничего об этом клинке.

Осознав отсутствие какой-либо возможности отступить или атаковать, перехватила рукоять двумя руками поудобнее и двинулась зеркальным отражение василиска. Мы осторожно кружили ни на тан не нагоняя или отпуская противника. Будто кобра застыла напротив мангуста. Ни один не шевелится, ожидая первого шага.

— Прости, — у меня даже что-то внутри шевельнулось от этого простого слова. Он на самом деле просил прощения. Дико видеть раскаяние в глазах бесчувственной рептилии.

Салван воспользовался моим замешательством и атаковал. У меня даже шанса не было отбить атаку закаленного в боях воина. Мало того, что силы во мне на грош, так еще и оружие громоздкое и незнакомое. Ведь я не обучена бою на мечех!

Как всегда бывает, помог случай. Ноги не удержали меня, и я просто свалилась на деревянный пол. Лезвие двуручного меча скользнуло в танае от моей головы и продолжило свое движение дальше в пустоту за моей спиной. Потеряв ориентацию в пространстве, я просто выставила клинок по диагонали вверх. Кто бы знал, что василиск, движимый инерцией, напорется на него. Жаль, что лезвие только левое предплечье задело. Повезло Салвану, мог и убится.

— Ликанова девка! — взревел не хуже поминаемого ликана мужчина.

— Я себя тоже очень люблю, — ответила для успокоения собственных расшалившихся нервов. С разговорами проще, не так страшно.

— И я тебя, как не прискорбно, тоже, — раздалось из зияющего темнотой ночи и обрамленного стеклянными пиками оконного проема.

Через неполный вар перед нами стоял вполне здоровый и не дырявый эльф. Выбрался-таки из-под обстрела.

— Светлого тебе будущего, напарник, — отряхиваясь от стеклянной крошки и пыли, поздоровался Широ.

— Ясного.

— Ты, как я погляжу, мою ученицу прикончить решил. Глупо с твоей стороны.

— У меня приказ арестовать или убить на месте. Сдаться она не пожелала... — не стал заканчивать фразу Салван. И так понятно, к чему он клонит.

— А если по обоюдному согласию разойтись? — эльф чуть склонил голову на бок, пристально наблюдая за реакцией василиска, — ты нас не видел, мы тебя тоже.

— Нет — он покачал головой, дублируя сказанное, — я предан своему королю. Прости, напарник, но ни ты, ни твоя ученица не сойдете с этого места, пока я в состоянии вас остановить.

— Конец, значит?

— Конец, — подтвердила рептилия.

Широ пожал плечами, мол, как хочешь, и бросился в сторону, выхватывая стилеты из ножен и одновременно прикрывая лежащую меня.

Не скажу, что бой был захватывающим, как бывало раньше. Сегодня эльф сдерживал себя по максимуму, так же, как и Салван. Ни один не хотел случайной смерти другого. Что же за история у этих двоих? Неужели дружба? А так похоже на нее.

Выпад и василиск падает в полу таре от меня, а его меч отлетает в противоположную сторону.

— Вставай, Су. Нам пора.

Не сводя глаз со стилета, смотрящего прямо в грудь поверженного, начала медленно подниматься, сперва встав на колени и подтянув собственное оружие.

— Прости, — прошептал Салван и рванул в мою сторону, с Всевышние весть, откуда взявшимся кинжалом.

Я все так же стояла на коленях, прижимая сапфировый клинок к груди, и с замершим сердцем смотрела в расширенные глаза василиска, что неотвратно теряли связь с нашим миром. Вот серую радужку закрывает мертвая поволока, а крупное мужское тело медленно соскальзывает с лезвия окровавленного четырехгранного стилета, что торчащей к низу пикой выходит из отбивающего последний удар сердца. Его рука сжимает кристально чистый кинжал, покрытый серебром, что острием упирается прямо в мое, начавшее свой безумный бег, сердце. И только широкая, с длинными пальцами эльфийская ладонь

удержала грузное тело от последнего рывка, после которого уже две пары глаз закрылись бы навсегда. Он выбрал меня. Он выбрал мою жизнь. Без сомнений и колебаний, в одно мгновение Широ оборвал жизнь своего, возможно единственного, друга, спасая тем самым меня.

О боги мироздания! Он возненавидит! Почему я не отползла в сторону от разворачивающегося боя? Почему так глупо подставилась, забыв об опасности? Широ не простит! Я поставила его перед самым сложным выбором, в котором любой вариант принесет боль, сожаление и раскаяние. Дружба или долг — вечная дилемма непостоянства мироздания.

— Уходим, — пряча свои глаза за пшеничной длинной челкой, эльф выдернул стилет, вытер его о бьющиеся под напором ветра шторы и вцепился кошками в стену, попутно крепя страховку. На Салвана первородный даже не взглянул, впрочем, как и на меня.

— Может, отнесем его в комнату и... — осторожно предложила я.

— У нас нет времени, — грубо оборвали меня.

— Может, тогда оттянем в сторону...

— Ты хочешь, чтобы из-за тебя еще кто-нибудь погиб! Салвана было мало?!

Широ кричал! Впервые за все время эльф кричал. Громко, неистово и со срывающимися окончаниями. Я не знала, что мне делать.

— Скольких еще мне нужно прикончить, чтобы ты, наконец, свалила из дворца!

— Прости... — выдохнула я. Мне страшно было поднять взгляд на первородного. Я так боялась обвинения, что непременно отразится в его бездонных глазах.

— «Прости» не поможет нам сбежать, — отрезал эльф и выскользнул за окно, — или ты сейчас идешь за мной или иди к чертовой матери! Ты меня ясно слышала?!

— Я иду.

Спускались мы в идеальном молчании. Я так и не смогла сказать эльфу, что Салван все еще не умер окончательно. Его сердце не билось, а глаза уже ничего не видели, но он василиск. Заморозка до состояния камня их стихия. Он был жив, пока мы крались мимо садовой охраны, когда пересекали дворцовую ограду и даже когда покидали город. Но первый же шаг за территорией столицы ознаменовался для меня скорбной песней. Я застыла, уставилась за горизонт, где медленно всплывало розовое пламя небесного светила, и отдала последний долг, человеку, что был дорог моему учителю.

Широ не слышал слов, но он все понял. Он чувствовал волны облегчения, что накатывали по очереди, каждая последующая сильнее предыдущей. Его боль потихоньку отпускала бессмертную душу. Но не раскаяние. Вина останется лежать на нем вечно. Я видела это в его глазах, пусть он и прятал их за шелком золотых волос. Мне оставалось лишь петь, принося хоть капельку покоя его сердцу.

Все стихло. Под самый конец прощальной песни эльф подошел ко мне вплотную, взял за руки и опустил на колени. Поцеловав каждую ладонь по очереди, он возвел очи к небесам и прошептал:

— Благодарю тебя, скорбящая, за то, что оплакала дорогого мне, — официальная благодарность, принятая с самого сотворения мира.

Его сапфировый взор так и не коснулся меня.

Около пятидесяти весен назад, где-то на юге

Обычный вечер на людских территориях. Обычная деревенька, окруженная засеянными полями и прореженными лесами. Обычный трактир у тракта, с распростертыми дверями и ставнями встречает каждого проезжего купца, военного или путешественника. Обычный солнечный день.

Широкая, разъезженная обозами дорога дышит поднимаемой копытами животных пылью, что разносят ее на таты вокруг. Многие тревожат ровный путь своими ногами, мчась к богатству, долгу и приключениям. Каждый стремится за своей мечтой, возлагая надежды на дорогу. «Пусть тракт будет спокойным. Пусть путь будет не долог. Пусть дорога выведет меня к столь желанному». Эти мысли посещают каждого, кто хоть раз ступал на длинную полосу насыпной земли, что неслась через весь материк, разветвляясь на множество тропок, аллей и главных дорог.

А что же представлял из себя сам тракт? На его извилистом пути попадались разбойники, убийцы и наемники. Он манил своей скрытой опасностью, притягивал своим непостоянством путешественников, как свет бабочек. Захаживая во все уголки магического мира, земляной настил видел многое: хранил неисчислимое количество тайн, прятал у своей обочины тысячи потерянных вещей, впитывал жизни поколений через время. Покой редко навещал древний тракт, от чего в самые глубокие и темные ночи земля вибрировала, дрожью передавая всю усталость, что за многие века скопилась в недрах самого страстного путешественника — самой дороги. Однако, днем, когда солнце стояло в зените, краткие передышки все же приходили. Жара не давала путникам так легко передвигаться под палящим солнцем. В этот час тракт вздыхал облегченно, ожидая, пока клубы встревоженного песка улягутся на придорожье, чтобы мгновением позже вновь пылью взмыть к макушкам одиноких деревьев, что редко росли у обочины.

Одну из таких передышек нарушил гулкой цокот копыт. Он эхом гулял по безлюдным улицам поселка, отражаясь от закрытых окон, что сдерживали жару, не давая ей проникнуть в прохладу зданий. Кто-то приближался по главному тракту с севера. Одинокий всадник в сером плаще, что закрывал его от палящего солнца, шагом въехал в деревеньку. Приблизившись к трактиру, цокот смолк. Глухой удар от столкновения подошвы сапог с землей ознаменовал приезд нового гостя. Дверь трактира легко отворилась, впуская высокую мужскую фигуру в покрытой пылью одежде. Незнакомец отыскал глазами свободный столик и без колебаний направился к нему. Создавалось впечатление, что здесь он был не однажды.

— Что господин желает? — пролепетал тоненький женский голосок у самого столика.

Темноволосая девица была весьма смазлива. Не было сомнений, что здесь она пользуется популярностью. Такие разносчицы прислуживали не всем. Тогда почему молодая смуглянка сорвалась с места в тот же момент, когда незнакомец бросил короткий взгляд на пустующий столик? Все просто, ей было до смерти интересно, кто же скрывается за магической маской, так предусмотрительно навеянной на лицо?

— Графин воды, — небрежно бросил маг, не поднимая головы.

— Что-то еще? — прощепетала готовая влезть на стол, чтобы быть замеченной, разносчица.

— Это все, — незнакомец махнул рукой, прогоняя назойливую любопытницу.

Девушка покраснелась, надула щеки и обиженно выпустила воздух, пыща злобой, но так и не решившись на нечто большее, чем демонстрация оскорбленного достоинства, крутанулась на месте и широким шагом направилась к стойке.

За этим маленьким представлением с интересом наблюдал молодой мужчина, покуривающий трубку в углу зала. Он знал, что такая раскрепощенно-веселая атмосфера не продлится долго.

Смуглянка вернулась довольно быстро. Поставила кувшин с грохотом на стол, расплескав несколько крупных капель по деревянной поверхности и пропыленному плащу мага, и уже осторожнее добавила к нему стакан. Мужчина даже не шелохнулся, игнорируя наглость девушки. Разозлившись еще больше, подавальщица громко топая удалилась в комнату для работников. Гордость первой красавицы трактира была уязвлена.

Легко подняв кувшин и поднеся его, предполагаемо, к губам, ведь лица не было видно, незнакомец осушил емкость несколькими жадными глотками. Это вызвало улыбку уважения у наемника, что прятался в тени. Так спокойно и безэмоционально ждать воды, когда язык уже к небу прилип от сухости в глотке, нужна большая сила воли.

Неуклюже поставив кувшин на стол, маг нечаянно опрокинул пустой стакан. Стекло мгновенно разлетелось на осколки после встречи с каменным полом, что не было удивительным. Скорее удивляло то, что стакан был именно стеклянным, а не деревянным или глиняным. В трактирах не пользуются стеклом, слишком дорого и хлопотно. Но тогда почему незнакомцу дали именно такой? Ответ прост. Маги легко могут обезвредить яд в деревянной емкости. Дерево — жизнь, дерево — тепло. Оно обдаст мага холодком, предупреждая об отраве, в то время как стекло, это смерть и холод. Холод не может подать сигнал, он мертв. Безжизненность скрывает факт отравления напитка. Зная эти простые магические обводки, можно отравить мага. Так, возможно, стакан упал не случайно?

Больше двух дюжин глаз смотрели на незнакомца, что не предпринимал никаких попыток ни встать, ни как-либо еще обратить внимание на свою маленькую оплошность. Может все и вернулись бы к своим делам, оставив в покое чудаковатого гостя, но на разбитом стекле все не закончилось. Восемь мускулистых мужчин поднялись из-за двух сдвинутых столов и направились в сторону неподвижного мага. Незнакомец сидел спиной к ним и не мог видеть приближающейся опасности. Одни из мужчин бросил взгляд в темный угол, но тут же, вновь, вернулся к своей жертве, попутно вытаскивая секиру из-за спины. Весь зал затих, ожидая, что же произойдет дальше, хотя уже больше половины присутствующих в мыслях желали магу упокоиться с миром.

Свист лезвий, рассекающих воздух, и грохот от встречи дерева и железа. Стол рассыпается в щепки под напором восьми наемников. Все вокруг повскакивали, надеясь разглядеть труп несвоевременно почившего мага, и огорчились, увидев лишь деревянное крошево.

Восьмерка настороженно начала оглядываться по сторонам, нервно перебирая рукояти. Мага не было видно.

— А-а-а!

Крик заставил всех обернуться. В щепках, раскинув руки, валялся один из наемников, а грудь его красовалась глубокой раной. Теперь уже занервничали нападавшие.

— Все вон! — рокотом прокатился вопль главного, что владел секирой. Посмевших возражать не оказалось. Вся толпа, хватая на ходу пожитки, бросилась к единственному выходу.

Мелькая между посетителей черной магической маской, маг незаметно списывал врагов одного за другим. Через вар началась дикая паника. Наемники рубили всех подряд, надеясь, хоть случайно, но задеть ловкого противника. Не удалось. Когда зал опустел, на полу,

разбросанные как попало и затоптанные спасающимися, валялись восемь окровавленных тел с одинаковыми дырами в сердце. Ни один не ушел.

— Ты мастер, — раздалось из угла.

Маг скоро обернулся, взглядываясь в темноту, скрывающую говорившего.

— Кто ты? — маг адресовал вопрос темноте.

— Тот, кто получил заказ на твое уничтожение, — в голосе звучала насмешка.

— Вот, как. Что ж, не хочется тебя расстраивать, но ты провалился, — поддел незнакомец.

— Не сказал бы, — туманно выдал наемник, плавно выходя из своего укрытия, — хочу хейшин[1].

— Что? — не понял маг.

В то же мгновение короткий метательный нож вылетел из правой ладони наемника, молниеносно выброшенной вперед.

— Промазал, — маг явно нервничал. Ведь лезвие проскользило всего в волоске от его шеи.

— Думаешь? — мужчина пожал плечами и присел на ближайший стул, небрежно облокотившись о столешницу одного из уцелевших столов. Тут же что-то грузное ударилось о пол.

Маг повернулся и увидел прямо позади себя лежащего на залитом кровью полу хрупкого юнца с кинжалом в ослабевших руках. Нож, еще недавно согреваемый рукой наемника, сейчас холодной сталью торчал из горла молодого парня.

— Девятый, — совершенно точно предположил маг, — затаился на случай неудачи.

— Ага. Так где мой хейшин, или я зря спасал тебя, эльф? — откинувшись на спинку, наемник с язвительной улыбкой смотрел на мага.

— Будет тебе хейшин, василиск, — и маг снял маску. Лицо сверкало ответной улыбкой и глазами цвета глубокого сапфира.

Эта встреча стала началом плодотворной работы, сотрудничества между двумя странами и двумя друзьями на ближайшие пятьдесят весен.

Ласкан зи Верт Налю

Как не обидно, но удушение пса пришлось отложить. Как только я снова был в целости, какой-то псих встревожил охрану. Петлять по королевскому саду, избегая направленных стрел, ой как не просто. Попадись мне этот безголовый возмутитель спокойствия, похороню рядом с оборотнем.

— Что-то долго их нет? — прервал мои размышления на тему «как бы мучительнее придушить пса» Алкай.

— Ну, если их пригвоздили к стенке, это неудивительно.

— Ты хоть иногда бываешь оптимистом? — ожидая, что мне станет стыдно, спросил оборотень. Угу, уже раз сто устыдился.

— Конечно. Прокормиться двоим будет гораздо легче, — тут же отметил плюсы я.

— Всечувствующие, как вы допустили рождение такого бракованного феникса?! — поднял очи небесам оборотень.

— Не тревожь богов! Я совершенен! — зло ошетинился я, — Всевышние скорее с тобой

оплошали, дав силу и лишив ума.

— О, как мы заговорили. Если бы не моя сила, заливаться тебе соловьем на королевском тополе до прихода охотников.

— Учитывая, что шумиха началась после твоей выходки, можно предположить, что соловьем заливалась Данка. Так как? Все еще считаешь себя умняшкой? Возможно, именно из-за тебя банши сейчас бродит ошестинившимся стрелами ежиком, — что-то я разошелся.

— Прости, — вдруг выдал Алкай, смотря прямо мне в глаза, — я не знал, что ты так сильно переживаешь за красавицу. Уж слишком хорошо ты прячешь свои эмоции. Эльфам до тебя далеко, — и он отвернулся, вглядываясь в темноту, что лежала впереди. Впервые меня назвали сдержанным. Я же наоборот эмоционален сверх меры. Как оборотень смог разглядеть суть за напускной истеричностью? Проницательный индивид.

Выбросив переживания из головы, посмотрел в глубь леса. Деревья плотной, непроглядной тенью своих крон скрывали как нас, так и тех, кто передвигался между ними. По этой причине рассмотреть хоть что-то на расстоянии дальше, чем два тара представлялось невозможным. К счастью, начинало светать, и скоро дремучий лес снова станет прекрасным, но не менее опасным местом.

— Ну, наконец-то!

— Ты о чем? — обернулся оборотень.

И как объяснить существу со второй волчьей ипостасью, что слабый, беспомощный феникс чувствует присутствие живых на гораздо большем расстоянии, чем он? Не поверит же.

— Говорю, солнце, наконец, встало. Надоела эта темень.

— А-а-а, мне тоже. Жутковатое место. Для меня лес — любимейшая площадка для пробежек в полнолуние. А вот этот не вызывает желаний побегать в одиночестве под лунной. Что-то здесь не так. Будто потоки жизни перепутаны.

— Согласен. За три вата что мы здесь, я даже птичку не видел. Вымерли все что ли?

Этот момент меня знатно нервировал, но показывать обеспокоенность не стоит. Побуду истеричкой завтра, сейчас слишком волнуюсь за эту девицу нерадивую. Куда она опять вляпалась, что так долго сюда идет? По моим подсчетам через вар тридцать они войдут в лес, а там и до нас недалеко.

— Я их чую!

Ну слава Всевышним! Теперь можно двинуться на встречу без объяснений.

— Чего ждем? Идем встречать.

— Эй-эй! Стой! Куда спешишь? Я еще слабо чувствую их. Точное направление я не скажу, далековато они. Если бы уже прошли по лесу, то запросто, а так, по ветру, сложно определить местоположение.

Светлые мечты! Рано я его похвалил.

— Все равно. Двигаемся на встречу. Будешь ловить запах на ходу, — и, не слушая протестов, пошел точно к эльфу с Даной. Пусть хоть слюной изойдетя, я не остановлюсь.

— Ладно, — небрежно бросил оборотень и пошел вперед.

У меня отвисла челюсть. И что, никаких криков и протестов? А я так надеялся.

После недолгого «блуждания», как выразился Алкай, мы вышли на открытую полянку. Солнце уже всю светило, открывая прекрасные виды. Место, куда мы вышли, было не просто полянкой. Это был небольшой луг, окруженный молодыми елями. Весь, идеальной формы, зеленый круг покрывали странные синие цветы. Держась на средней длинны

стебельках, соцветия, с множеством тонких длинных лепестков, белых у основания, покачивались в только им ведомом ритме. Ветер, что совершенно точно дул на запад, ни как не влиял на движение растений. Создавалось впечатление, что сапфировый ковер живет своей странной жизнью.

— Страстоцвет.

— А? — оторвавшись от созерцания, посмотрел на оборотня. Как он назвал цветы?

— Страстоцвет, — повторил он, — многие считают, что это растение ярко-алого цвета, но на самом деле его цветы прекрасного небесного оттенка, — воодушевленно растолковали мне.

— Эм... По-моему, небо не бывает таким насыщенно-синим. Сравнение притянуто за уши.

— О чем ты? — неподдельно удивился Алкай, — пронзительно голубой цвет присущ свободному от облаков небу.

— На лирику потянуло. Красиво, не спорю. Но цветы синего цвета. Не небесно-голубого.

— Ты чего, Ласкан? Они нежно-голубые. Какой, к вампирам, синий цвет?

Меня обвиняют в нетрезвости ума?

— Иди-ка сюда, — потянул за рукав не сопротивляющегося мужчину, — вот это, по-твоему, какой цвет? — указал на притаившийся за пеньком василек.

— Синий.

— Хорошо, а теперь какого цвета эти, как их там... м-м-м...

— Страстоцветы, — пришел мне на помощь Алкай.

— Они самые.

— Они голубые, Ласкан. И меня, честно говоря, начинает беспокоить вся эта ситуация.

— Не тебя одного.

— Намекаешь, что я не в себе? — сощурился оборотень.

— Намекаешь, что Я не в себе!? — ошетинился в ответ я.

— Да, кажется, уже не намекаю, — съехидничал он.

— То есть утверждаешь? — прям шипение получилось.

— Ага, — оборотень сложил руки на груди и уперся спиной в молодую ель, отчего та произвольно закрипела, — ты, принц, кукушку отбил, видать, когда с тополя своего пикировал вниз.

— Это у тебя галлюцинации. Кто ж в своем уме станет существ с такой высоты скидывать. Я, между прочим, именно на твою бестолковую голову и приземлился. Может отбил чего? Ты не стесняйся, мы пойдем.

— Р-р-р, не стоит вам обвинять меня в скудоумии, Ваше Высочество. Договориться можете.

Не уловил тот момент, когда мы начали обходить друг друга и выбирать выгодную для нападения позицию. С чего это я вообще в противостояние полез? Подумаешь цветы не того цвета. Может оборотни видят иначе?

— Э-э-э...

— Да уж, — Алкай, похоже, тоже пришел в себя.

— Нет слов, — озвучил я наши общие мысли.

— Ух ты! Смотри, Широ, страстоцветы! И сколько! Целое черно-бардовое покрывало!

Мы резко обернулись к противоположному краю луга. Так как нас скрывали ели, то

наши гости нас не видели, а вот мы могли четко рассмотреть приближающихся Данку и Широ.

— Су, башкой о стену приложилась. Страстоцветы алые.

— Опустив свою вислоухую морду пониже и присмотрись. Если это алый, то я мигера, — самоуверенно вздернув подбородок, бросила вызов банши.

— Ты мигера, — спокойно, констатируя факт, хрюкнул по женской гордости эльф и двинулся через луг.

— Что? — взвизгнула уязвленная Дана.

— Что слышала. Цветы алые. А то, что ты мигера, я и без твоего подтверждения знал, — первородный даже не обернулся, продолжая рассекать синее поле, в чьем цвете я уже начал сомневаться.

— Широ, зомби тебя погрызи, они не алые! — визжала девушка, быстрыми шагами догоняя ушедшего вперед спутника.

— Да-да, они зеленые.

— Широ!

— Тьма! Может ты заткнешься! — светлый резко повернулся к преследующей его Дана, — мне совершенно начхать, какого там цвета цветочки. Меня не волнует, что ты думаешь обо мне. Или ты закрываешь свой рот, или пошла своей дорогой, чтоб я смог отдохнуть от твоей назойливости и нытья. Ты все поняла, или мне повторить?

— Перебор, вислоухий, — прошептала банши, низко опустив голову.

— Иди к демонам! — выкрикнул эльф и продолжил свой путь.

Я не мог вымолвить и слова. Впервые вижу, чтобы Широарт повысил голос, да еще так грубо разговаривал. Это же Данка, за что он с ней так?

— Э-э-э, неприятности в раю? — дал ситуации название Алкай.

— В точку, — шепнул я, и уже громче, — мы здесь!

Через пару вар парочка уже стояла перед нами.

— Все хорошо? — осторожно поинтересовался оборотень.

— Более чем, — резко ответил эльф, скинул сумки с плеча и начал разбивать лагерь.

— Красавица?

— Все хорошо, — она нервно поглаживала большим пальцем центр второй ладони, слегка перебарщивая с нажимом и оставляя белые пятна на коже, что через ван исчезали, — красивое место вы выбрали. Давно не видела таких прекрасных страстоцветов.

— Ага, синих-синих.

— В смысле? — не поняла меня Дана.

— В смысле, для тебя они почти черные, для Алкай — голубые, для меня — сапфировые, а вот для эльфа они, похоже, алые, — сделал попытку разъяснить я.

— А-а-а... — многозначительно протянула банши, — ничего не поняла, — растерянность заняла свое положенное место на лице.

— И я не понял. Ладно, ты лучше ответь, с чего эльф злющий как сто некромантов в купе?

— Я так устала, давайте передохнем и поедим, — она резко сменила тему, — вы-то сразу в леса подались, а мы еще за вещичками нашими ходили и весь город кругом обходили. Я уже с ног валюсь, — и нас с оборотнем оставили стоять и растерянными хлопать глазами.

— Ой, пахнет жареным, — потер подбородок Алкай, провожая Дану задумчивым взглядом.

— Хуже, пахнет паленым, — собственные предположения не радовали.

[1] Хейшин — крепкое вино из сока растения хейши. Очень дорогое и редкое.

ГЛАВА 12: Сильф Широварт ла Эк

Я сорвался! Ну почему я сорвался? От этого еще больше злюсь на себя. Не разговаривай со мной, melda[1]! Я не могу смотреть тебе в глаза. Не могу так же спокойно отвечать тебе, как раньше.

— Можно? — из тени деревьев вышел Ласкан.

Уже вечер и сумерки хорошо скрывают любого от посторонних глаз. Это и позволило фениксу подобраться незамеченным. По этой же причине я и ушел вглубь леса. Хотел остаться необнаруженным. Это удача, что я наткнулся на тоненькую полоску ручейка среди елового леса. Бегущая вода всегда успокаивала меня. Тут я мог спокойно подумать.

— Не стану спрашивать, как ты нашел меня. Все равно не ответишь, — кивок был подтверждением, — ты снова маленький, глупенький принц? — я вернулся к созерцанию бегущей из недр земли ледяной воды.

— Нет, взрослый, мудрый феникс, — усмехнулся он.

— Значит, ты можешь с легкостью забыть все, что я расскажу тебе?

— Да.

— Тогда прошу, — я подвинулся и указал рукой на освобожденный участок поваленного дерева, так кстати свалившегося возле ручья.

— И что же так сильно встревожило тебя? — феникс присоединился к моему наблюдению за движением водной стихии.

— Я убил Салвана, — вполне спокойно ответил я. Странно, но Ласкан не удивился сказанному. Будто знал.

— При чем здесь Дана? — не в бровь, а в глаз. Откуда он такой пронцательный взялся?

— Защищал ее, — не хотелось вдаваться в подробности.

— Вчинишь ее?

— Нет, — ответил, не задумываясь.

— Вчинишь себя? — продолжал задавать совершенно точные вопросы Ласкан.

— Да, — не было смысла отпираться.

— За то, что убил? — да что с ним такое? Ему вообще нужны мои ответы, или он и без них все знает?

— Нет, — буркнул я. Меня начал нервировать наш разговор.

— Не замыкайся, Широварт ла Эк, дитя разных миров. Тебе нужно выговориться.

Я резко повернулся к фениксу. Веки того были опущены, но даже сквозь тоненькую щелку можно было разглядеть магический блеск глаз мудрейшего во всех мирах.

— Не спрашивай? — остановил он рвущиеся из меня вопросы, — ответы ничего тебе не дадут. Так в чем же ты винишь себя, дитя равновесия?

— В зависимости.

— Объясни.

Как же я не хотел этого делать. На задворках своего сознания я уже все понял, но так и

не принял. Возможно, если не стану говорить об этом, все растворится как дым? Но это не так. Мне придется признать то, что со мной уже много весен. Я еще никогда не произносил этого вслух.

— Су, — хрипло шепнул в пустоту. — Моя зависимость — Суардана, — уже тверже произнес пугающие меня слова.

— Ты это понял, наконец, — ни капли не удивился Ласкан.

— Я ни на секунду не задумался, когда убил Салвана. Он мой друг. Пусть мы никогда не признавали такие узы как дружба, это все равно так. При всем при этом его жизнь была пылью по сравнению с жизнью Су. Я предал друга. Неужели пятьдесят последних весен ничего не значили для меня? Я так легко убил ради нее, — я говорил быстро, путано и эмоционально. Слова сами вылетали, не требуя стимула.

— Ты винишь себя за то, что не ценил жизнь друга?

— Нет, я виню себя в том, что ценю только одну жизнь, и за ее сохранность я убил бы любого. Я не могу смотреть на банши. Она моя слабость. Только взглянув в золото ее глаз, я теряю с трудом установленный контроль. Ненавижу быть беспомощным! А перед ней я именно такой. Абсолютно открытый и слабый. Тьма! — я ударил рукой прямо в ручей, расплескав ледяную воду. Ее капли попали на лицо и рубашку, тем самым охлаждая и приводя меня в чувство.

— Я понял. Поэтому ты срываешься на ней?

— Да, — я отряхнул капли с мокрой руки.

— Прекращай, иначе потеряешь ее. Вот тогда ты точно станешь слабым и беспомощным, — он поднялся и медленно пошел к нашей стоянке, где сквозь деревья брезжил свет пылающего пламени, — послушай меня, дитя противоречий. У тебя еще будет шанс, — не оборачиваясь, добавил Ласкан.

Как ни старайся понять этого юношу, у тебя ничего не получится. Как был скрытным, так и остался. Сколько раз я сталкивался с ним, когда следил за Су. Сколько раз видел его ребячество. Равно столько же раз я был свидетелем его мудрости. Банши, тебе повезло иметь такого друга, что последовал за тобой даже после смерти.

— Не горюй, красавица. У тебя есть я, — весело подмигнув, оборотень приобнял меня за плечи. Я зябко поежилась от пронизывающего ветра и придвинулась ближе к теплему боку огонька.

— Спасибо, — вымученно как-то получилось.

— Не за что, — мое плече ободряюще сжали.

— Замерзла? — раздалось за нашими спинами. Должна заметить, вполне миролюбиво. Широ вышел из леса с целой охапкой дров. Так вот куда он на ночь глядя ушел. А я уже переживала, чего это эльфа так долго нет. Ласкан то давно вернулся.

— Немного, — не стала скрывать я.

— Тогда отлипай от оборотня и иди ко мне.

Я даже растерялась. Что это с ним в лесу случилось? Может зомбики ту часть мозга съели, что за злобу отвечает?

— Э-э-э, точно? — а вдруг пошутил в своей извращенной манере.

— Су, подняла свой заледеневший зад и быстро ко мне. Мне еще лечить тебя не хватало.

Как-никак осень на дворе.

Еще раз переспрашивать не рискнула. Кто его знает.

Быстренько поднявшись с бревна, что притащил Алкай, я осторожно обошла костер и встала перед эльфом.

— Чего стоишь, садись, давай, — как маленькой объяснили прописные истины. Есть бревно, есть банши. Действие — надо сесть на бревно. Даже весело стало от абсурдности ситуации.

— Су, сядешь ты, наконец?

Ой, ступор дело тонкое, в него иногда опасно впадать. Вот и сейчас могла бы сидеть на бревнышке, а меня усадили на эльфийские колени. Хотя, так даже лучше, теплее.

— Вот и все. Так сложно было? — нежный голос прозвучал у самого уха.

— Ага.

— Ха-ха, ясно, — хрипло рассмеялся Широ.

Что-то изменилось. Только никак не могу уловить что. Тем временем теплые руки обвили мою талию, а гибкое тело прижалось к моему боку. Стало так тепло и уютно, что я, разомлев, даже чуть не соскользнула с колен учителя. Вся ситуация была дикой, но противиться я не стала. Пару ват назад было гораздо хуже. Вот тогда я однозначно была потеряна.

— Можешь лечь мне на плечо, я удержу тебя. Засыпай, солнце, — хрипло выдохнул первородный и поцеловал меня в висок. А я, от сильных переживаний и насыщенности событий, не стала отказывать себе в уюте и через вар уже сладко посапывала, уплывая в страну грез.

Пробуждение было медленным и приятным. Мое тело окутывало тепло, а слуха касался чудесный голос.

— Aranna anim[2], - шепот повторился несколько раз. Слова оставались прежними, но от этого звучали как молитва, как надежда.

— Im aranna[3] — вдруг выдал сонный разум. Почему-то именно эти слова мне захотелось произнести, и именно они остановили поток одинаковых фраз.

— Evyr[4], - кто-то облегченно вздохнул.

— М-м-м, — я сонно потянулась и окончательно выплыла из странного сновидения, — луч дня нового вызывает к свершениям, — пролепетала себе под нос. Эти слова всегда заставляли меня подняться.

— Так откликнемся на его зов, — неожиданно раздалось над ухом.

Резко распахнула глаза и узрела счастливую улыбку учителя. Он так улыбался, только когда до полусмерти меня загоняет.

— Откуда...

Он приложил указательный палец к моим губам.

— Не только вы с Баском знаете это приветствие. Ему уже тысячи весен, — мне снова улыбнулись, широко и таинственно.

— А цветы все равно были черно-бардовыми, — и высунула язык, портя такое шикарное настроение эльфу.

— Всевышние, Су. Тебя же никто не вытерпит. Ты просто не приспособлена к романтике.

— Какая к оркам романтика посреди дремучего леса, когда ты ночуешь в море из страстоцветов в объятиях эльфа, при этом скрываясь от врага.

Эльф приподнял одну бровь, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— А-а-а. Ну да, романтика.

— Вот про это я и говорю. Никакого чувства прекрасного.

— Мерзнуть отнюдь не прекрасно! — продолжила возмущаться я.

— А ты замерзла?

— Нет, — нехотя призналась.

Меня снова начали пристально гипнотизировать, заставляя признать эльфячью правоту.

— Ну хорошо, твоя взяла. Я не романтична, — начала вырываться из крепких объятий, — темень! Да эльфы и в куче навоза прекрасное найдут, — осталась верна себе я.

— Ох, Су, поэтому с тобой не соскучишься, — легко поцеловав в лоб, Широ выпустил меня из кольца своих рук и помог встать.

— Ага, с ней скорее свихнешься, — мимо прошествовал феникс, как обычно высказав свое «фи». Вот злока.

— А с тобой онемеешь, — вернула я, — причем добровольно.

С боку засмеялся Алкай, добавляя еще один повод для возмущения птичке.

— Милая, собирайся. И ради Всечувствующих, оставь ты истеричку в покое. Мне хватит и твоих криков, — чуть приобняв меня за талию, и снова отпустив, Широ пошел сворачивать лагерь.

— Ширчик, — что-то сегодня у всех игривое настроение, — а что ты повторял мне все утро на эльфийском. Кажется, я даже ответила.

— Учи эльфийский, девочка. Сколько раз повторять, я не переводчик, — и больше ни слова.

Что ж, глупо было ожидать объяснений от эльфа. Они свой язык боготворят и переводят свои слова только когда обучают кого-то. Что до меня, то я раз «дцать» бралась за эльфийский и никакого толку. Уже даже эльфийские мудрецы чесали тыковку и разводили руками. Мол, нет способностей к языкам. Но вот ответьте мне, как можно не запомнить даже самого простого словечка? А я не смогла. Вот его произносит учитель, дает его перевод, и я тут же забываю все, о чем он говорил. И все по новой с тем же результатом. Бред какой-то! Я только парочку очень длинных и сложных фраз запомнила, причем с первого раза. Странность ли, что эльфийский мне не подвластен, когда человеческий выучила за один лунный цикл. У Баска было предположение, что язык эльфов я знала в прошлом, а так как эта часть моей памяти утеряна, то и знания с ней. Теперь этот язык навсегда для меня недоступен. Только не слышанные мной в прошлом слова я могу запомнить, а таких единицы. Похоже, я была весьма неплохо образована.

— Выдвигаемся! И так потратили пол рассвета на сон, а значит, идти будем до поздней ночи, — как обычно командовал эльф.

— Почему бы не открыть портал? — ворчал Ласкан. Он сегодня с утра не в духе.

— От того, что я все силы на твои блоки пустил. Теперь разве что костер зажечь хватит. Месяц на полное восстановление уйдет.

— А когда восстановишься? — не отставал феникс.

— Надеюсь к этому времени достичь Хрустальных лесов. А вообще, портал не та вещь, которую так легко сотворить. Нужно разрешение как принимающей, так и отправляющей стороны. В случае с Салваном нам пришел запрос на переброс главы тайной охраны Марона в столицу. Портал открывали человеческие маги, я лишь дал разрешение, — спокойно разъяснял первородный, попутно выбирая самый безопасный путь, обходя кочки и упавшие

деревья — в императорском лесу портал открывал я, но силой его наполнил Баск. Иначе я бы не поставил и первого блока на твою неустойчивую оболочку. Теперь все понятно?

— Не совсем. А как вы без разрешения сюда портал открыли? — не унималась птичка. Мы с оборотнем замыкали шествие и не мешали беседе. Феникс с эльфом вообще стали лучше общаться.

— А оно у него было. Владыка подписал соглашение с советником Марона, что человеческая верхушка может в любой момент открывать порталы в эльфийскую столицу. Но Баск, даже будучи под заклятием, умудрился взять ответную привилегию для своей знати. Всегда поражался его способностями как Владыки.

— Тогда разрешения у нас есть, почему бы не найти мага и открыть портал?

— Ты его вообще что ли не слушал? — вклинилась я, — разрешение только для верхушки, к которой ни ты, ни я, ни кто-либо из нас не относится.

— И в кого умная такая? — буркнула птичка.

— В себя любимую.

— Широ, — вдруг подал голос Алкай, — мы же на юго-восток движемся, если не ошибаюсь.

Все резко затормозили и прожгли эльфа своими жаждающими разьяснений взглядами.

— Не ошибаешься. На север нам нельзя. Они совершенно точно знают, кто мы такие. Слишком уж наследили.

— И что теперь? — задала мучавший всех вопрос.

— Теперь к Валларским горам через пустоши кочевников. Там в Tagnik'zur Alt'i'ui [5] — королевстве дреу, есть стационарный портал — сказал, как само собой разумеющееся.

— Пустоши, так пустоши, — пожалала я плечами.

— Подумаешь, они в противоположной стороне. Не беда, — спокойно поддержал меня Ласкан.

— Точно, просто прогулка, по сравнению с Пустынными степями, — не остался в стороне оборотень.

— Ага, — поддакнула я и сорвалась, — Компас оборотню под хвост! А РАНЬШЕ ПРЕДУПРЕДИТЬ НИКАК!

— Эй!

— Прости Алкай. Не подумала о твоих волчьих чувствах, — подняла руки в примиряющем жесте.

— Ты не вопи, Су. Сама могла догадаться, что после твоей бурной экскурсии по дворцу и через королевские покои нам прямого пути к эльфам нет, — он конечно поганка, но прав.

Я даже засмузилась. А еще вину почувствовала.

— Ладно. Зато увижу этих неуловимых сильфов — нашла я во всей ситуации положительные моменты.

— С чего же неуловимых? Очень даже ловимых. Ты недавно такого сильфа поймала, просто вождь всех воздушных духов, — издевался надо мной эльф.

Да уж, с тааром история действительно смешная вышла.

— Хорошо-хорошо, ловить не буду. Только посмотрю, — пообещала быть паинькой.

— Берегитесь сильфы, банши идет по ваши бесплотные души! — трясла рукой в воздухе, грозно предупреждал феникс, а сам еле сдерживал улыбку.

— Ничего, я еще отыграюсь, — посулила им страшные муки в своем лице. Кто ж знал, что эти муки не за горами

Солнце достигло зенита и теперь безжалостно опалает своими лучами все вокруг. Особенно его влияние ощутимо здесь, на юге материка. Но есть место, куда убийственная жара не может проникнуть. Светло-желтый каменный дом, хранящий прохладу в своем чреве, не дает обжигающему воздуху и шанса просочиться внутрь, надежно заклитием оберегая покой хозяина.

В одной из дальних комнат, что служит местом отдыха для обитателя дома, на шероховатой бежевой стене висит огромное овальное зеркало. Незнающий посчитает владельца любителем громоздких вещей, но не посвященный. Широкая деревянная рама с резным узором в цвет зеленоватого золота крепко держит толстое стекло с серебряным напылением. Нижний край зеркала едва не касается дощатого красноватого пола, что устилает всю комнату, когда верхний не многим ниже покатога потолка. Странный элемент декора вызывал бы лишь усмешку, не будь столь старинным и овеянным магией.

Отбитый краешек зеркала у правого края странно засиял, будто привлекая чье-то внимание, а не найдя его, начал потрескивать и ярко мигать зеленоватым светом. На магический зов откликнулся хозяин. Уже через вар он стоял напротив серебристой поверхности и вглядывался в ее гладь. Отражение герцога поплыло, формируясь в нечто непонятное, а потом приняло очертания сбитого невысокого мужчины с пронзительно-ледяными глазами. Изображение поклонилось и вновь застыло статуей напротив своего хозяина.

— Упустил, — выдохнул герцог. Он по одним лишь повадкам советника мог понять, что произошло.

— Прос-с-стите, garon! Они проникли во дворец. Я даже предположить не мог, что наш-ш-ш противник предпримет решительные дейс-с-ствия.

— Они в Мароне? — слегка приподнял брови герцог, — что-то разнюхали?

— Прос-с-стите, но у меня плохие новости. Мага не было с разведчиками. Эльфы действовали сами. Важные документы были похищены, злоумышленники сбежали не оставив ни единой зацепки. Проклятые отправлены в погоню, но от отряда до сих пор никаких сведений не поступало. По вашему прошлому наказу, я отправил Магнолию с управляемыми. Так шансы поймать их увеличатся. Удача, что мы не послали карателей за магом в Хрустальный лес. Теперь у нас есть все шансы обезвредить его сообщников, что топчутся под носом — и вдруг отведя взгляд, мужчина добавил, — и да, garon, Владыка снял мое подчинение.

Лицо герцога скривилось на миг и снова приняло отрешенное выражение. Слова звучали глухо:

— Все рушится. Все осыпается прахом. Этот маг одним своим присутствием путает мне все карты, — герцог начал медленно расхаживать по комнате, — как там с долиной?

— Ход еще не обнаружен. Долина закрыта ото всех. Боюсь, Атар единственный, кто может войти.

— Это вряд ли, — сказал сам себе Олсано, и уже советнику, — продолжайте искать, а эльфийских шпионов уничтожить! Пусть Магнолия лично отчитывается передо мной. И да, — герцог резко остановился напротив изображения и вскинул подбородок, — сожалею о гибели сына. Он был хорошим воином.

— Но как вы...? — хотел было задать вопрос советник, но, вспомнив о силе герцога и его связи с миром мертвых, осекся, наклонил голову и принял соболезнования.

— Надеюсь, это послужит стимулом не дать разведчикам дойти до Хрустальных лесов.

— Да, garon, — новый поклон.

Герцог Венарго Олсана, а точнее некромант, что вселился в его тело и поглотил душу, провел рукой над поверхностью зеркала, и та, пойдя мелкой рябью, вновь застыла отражением высокого смуглого мужчины с платиново-белыми волосами.

— Ты не дойдешь до эльфийских лесов. Я не позволю забрать у меня долину снова, Широарт. В этот раз эльфы не спасут Долину трех лучей!

Мужчина вглядывался в свое отражение, кривя губы в мертвой улыбке. Пятьсот весен он выжидал, готовя возмездие. Настало его время.

— Неужели граница? — неверяще уставилась на опушку леса, который мы только что покинули.

— Ага, девять рассветов блужданий по густому лесу и вот мы у границы Марона, — подтвердил мои выводы Широ.

— Ура-а-а, — вяло проямлила я, опираясь о длинную палку, что служила опорой покалеченной мне. Оказалось, мои падения не прошли даром. Кроме плеча я умудрилась сильно ушибить колено, отчего и брожу с палочкой теперь.

— Заночуем здесь. Не стоит ночью пересекать границу.

— Как скажешь, О Великий! Кто мы такие, чтобы оспаривать твои слова.

— Су, хватит ехидства. Всего на два вата дольше шли, чем я предполагал. Переживет твоя ушибленная тушка, не развалится.

— А если развалиться? — спрашиваю уже сидя на травке. Мягкая, удобная, так и клонит в сон.

— Склеим, — безжалостно отрезал эльф.

— Вы как хотите, а я ничего делать не буду. Можете бросить мой израненный трупик прямо здесь и присыпать цветочками, но я с места не сдвинусь, — решительно отстояла я свои ущемленные права.

— Тебя заставишь, как же, — пробурчал феникс, — ты только жрать и спать горазда.

— А по голове палкой?

— Да, пожалуйста. Избавишь меня от сбора хвороста.

— Нет уж, я есть хочу, — убивать птичку резко расхотелось.

— Вот-вот, а я про что. Нахлебница, — и Ласкан направился в лес.

— Кто бы говорил. Ват бродишь где-то, пару веточек принесешь и по новой.

— Я не виноват, что таким родился! — кричал феникс уже из лесу.

— Хорошая отговорка, — сказала сама себе под нос, позавидовав такой великолепной отмазке от работы.

Пока препиралась с розовым, Широ начал ставить палатки. Алкай развел небольшой огонь, раздувая его веером из крупных зеленых листьев, что росли на странном низком дереве, раскинувшем свои ветки в стороны на внушительное расстояние.

Да уж, не имей я такую противную травму, уже давно занялась бы охотой, приблизив время ужина. А теперь жди, пока оборотень закончит с костром. Все равно пока пламя не

станет устойчивым, чтобы не гаснуть от малейшего дуновения, Алкай не уйдет на поиски заплутавшей одинокой зверушки, и, желательно, запасшейся жирком на зиму.

— Хи-хи, — дыхнул ветер.

Я заозиралась. Никого. Ну и ладно. В пустоши ветры гуляют разные. Если задумываться над каждым шепотом и шорохом, свихнешься.

— Ха-а-а... — теперь уже четкий порыв ветра коснулся уха.

— Какой веселый гуляка-ветер. Шалишь? — задала я вопрос в пространство, не сильно ожидая ответа. Но он последовал!

— Шалиш-ш-ш...

Как не стыдно признаваться, а холодок пробежал по спине. Осталась надежда на воздушное эхо, но вот что-то подсказывает, это не оно.

— Ты кто? — решила задать самый важный, но от того не менее глупый вопрос. Узнавать личность ветра мне еще не приходилось.

— Кто-о-о...

— Дам, конструктивный у нас разговор, — я зябко поежилась, все-таки уже осень, и потянулась за покрывалом, что покоится на дне моей походной сумки.

— Если ты не против, я закутаюсь, а то прохладно становится, — прокомментировала я свои действия, доставая одеяло и попутно выворачивая все, что оказалось поверх него.

— Хи-хи...

Нет, у меня либо глюки, либо какой-то шутник намеренно действует мне на нервы.

— Шутни-и-ик...

Оп-па, а я не говорила этого вслух.

— И чего ты хочешь?

— Хочешь...? — даже как-то удивленно вопрошал ветер.

— Ну да. Ты же не просто так со мной здесь разболтался?

— Просто та-а-ак...

— А-а-а, тогда представься. Как тебя зовут? Глядишь, и поболтаем немного, — попыталась повторно выведать имя своего внезапного собеседника.

— Поболтае-е-емс-с-с...

— Вот упрямый! Тогда болтай сам с собой, — и я, демонстративно отвернувшись, перестала обращать внимание на завывания ветра. И это было весьма сложно, жутко бесил скулеж неизвестного нахала.

— Су, что за взгляд? — меня пристально разглядывал невесть когда подошедший эльф, — тише-тише! Это я так, — он вытянул вперед руки, будто останавливая меня от чего-то, — и кто же этот смертник?

— Какой смертник? — непонимающе уставилась на Широ.

— Который довел тебя до черной поволоки? У тебя глаза темнее ночи, — светлый присел на корточки, взял мое лицо в свои руки и стал что-то выискивать.

— Э-э-э, Широ?

— Ничего не понимаю. Су, кто-то разговаривал с тобой, пока я разбивал лагерь? — продолжил заглядывать в каждый глаз по очереди эльф.

— Нет, я одна сидела, — а у самой над ухом уже нестерпимо воют: «Шалюу-у-у-у, шалюу-у-у-у. Болта-а-а-ать, болта-а-а-ать».

— Эй, малышка, ты меня слышишь?

— А? — я пыталась расслышать хоть что-то сквозь эти стоны.

— Темень! Су, могу тебя поздравить! Ты словила сильфа!

О Всевышние, сжальтесь! Этот сильф местного производства мне всю ночь песенки свои оригинальные напевал, и ни разу не заткнулся. И чего ко мне прицепился-то?!

— Су, спи, хорошая моя. Просто закрывай глаза и спи. Не слушай его, — эльф уже с ват нашептывал мне эту мантру, руками до боли зажав мои уши. Пока не помогало. Этот изверг будто проникал ко мне в голову и там уже хозяйничал, как хотел.

— Не могу, — из глаз уже потекли слезы от напряжения и обиды, — он кричит у меня в голове, ему плевать на мои жалкие потуги заснуть.

— Тш-ш-ш, скоро пройдет. Что же ты ему сделала, малышка? — задал риторический вопрос светлый, но я ответила.

— Не захотела с ним поболтать. Всклип! Кто же знал, что он такой обидчивый.

— Она-а-а-а...

— Что за...

— Ты слышал? — с дикой надеждой в глазах уставилась на Широ.

— Да. Это он? — осторожно шепчет учитель. Киваю в ответ.

— Она-а-а-а-а-а...

— О чем он?

— ОНА! Ликан задери! Она! Тебе же прямым ветром дуют, она! Достали уже! То банши воет, то сильфиды скулят, дайте поспать, в конце то концов! — раздраженно возопил феникс из-под одеяла, куда ранее ушел с головой.

— Ты его... э-э-э... ее слышишь? — осторожно интересуюсь у раздраженной птички.

— Слышу, она уже вышла за диапазон твоих мозговых волн. Теперь нам всем ее слушать придется. Мирись, давай, Данка, а то нам всем предстоит жаркая ночка. Это тебе не сильф, это сильфида. Они, знаешь, какие обидчивые? — и феникс снова засунул свой нос под покрывало.

— Попробуем? — спрашиваю притихшего за моей спиной светлого.

— Почему бы и нет.

— Эм, уважаемая сильфида, прошу простить мне мою дерзость. Я не в коем разе не хотела вас обидеть. Меня, кстати, Даной зовут, — спрашивать имя в третий раз не стала. Вдруг она именно на это обиделась.

— Сиши-и-и-и...

— Что, прости?

— Имя-а-а-а...

— А-а-а, очень приятно, Сиши. А ты что-то хотела?

— Поболта-а-а-ать...

Сердце ухнуло в пятки. Сейчас она меня до утра терроризировать будет.

— Ха-ха-а-а... спи-и-и-и...

— Правда?! — я даже подскочила от радости.

— Спи-и-и-и...

— Не смею тебя больше задерживать. Спокойной ночи! — и я скоро закуталась в одеяло, мгновенно уплывая в сон.

— Ат ши а ри-и...

Ши а ри шу та-а...

Шу та ши а ри-а...

Ри ши а шу та-а-а-а...

Странные звуки. Вроде и рифма есть и связанность, вот только слова не имеют никакого смысла. Будто ветер шелестит, случайно повторяя звуки, что сплетаются вот в такую необычную песенку. Даже спать расхотелось.

Потянувшись на покрывале, открыла глаза и уткнулась взглядом в свод палатки. Ну да, мы же в пустошах кочевников. Точнее, на границе с пустошью Игуа.

— Утра-а-а...

— Ага, и тебе — не задумываясь, ответила я. Потом обернулась к выходу. Никого. Вылезла из теплого укрытия — снова никого.

— Сиши? — осторожно интересуюсь у воздуха, мало ли! Может, мне приснилось все.

— Хи-хи... — после этого смешка все сомнения отпали. Сильфида никуда не ушла.

— А что это ты напевала? — ну очень интересно было мне.

— Песня-а-а-а...

— А что за язык?

— Сиальф-ф-ф-ф...

— Не слышала о таком. Переведешь? — честно говоря, я уверена, что такого языка нет, но спорить с сильфидой чревато перманентной бессонницей. Знаем, плавали.

— Ты вспомни, и увидь...

Вспомни и увидь, откликнись зову-у-у...

Откликнись зову, вспомни и увидь...

Увидь, вспомни и откликнись зову-у-у...

— Э-э-э, оригинальная песня, — сильфиду обижать низ-з-зя!

— Ты поймеш-ш-ш...

— Правда? — не сильно вдохновилась я.

— Позже-э-э...

— Су, ты встала, наконец, — раздалось от костра.

Эльф сидел на травке и что-то медленно попивал, подзывая меня жестом. Феникс и оборотень нашлись там же и за тем же занятием.

— Вы что, только меня ждете?

— Да, решили дать тебе выспаться, — широко улыбнулся светлый.

Ага, всех за шкурку поднял ни свет, ни заря, а банши нужно выспаться! — ворчал Ласкан, но тут же замолчал, словив не самый дружелюбный взгляд первородного.

— Давайте выдвигаться, — решила больше не задерживать наше пересечение границы. Не стоит так опрометчиво расходовать время.

— Подъем ребята, собираем лагерь, — дал команду Широ. Его прожгли два розовых рубина. Демонстративно закидывая ногу на ногу, Ласкан, чуть покачнувшись от собственных манипуляций на притащенном вчера бревне, продолжил прерванное чаепитие. Как же, как же, принцы приказам не подчиняются. Вот розовая вредина!

— А сильфида так рвется в путь, — грустно вздохнула я, — любое промедление для нее смерти подобно.

Как же подскочил феникс! Со скоростью летящего в свободном падении дракона Ласкан собрал свою с оборотнем палатку и уже через три вары стоял перед нами собранный с вещевым мешком за спиной.

— Я уже тебя боюсь, красавица, — весело бросил оборотень и, небрежно закинув свою скудную поклажу на плечо, пристроился рядом с розовым.

— А меня не надо бояться, — успокоила я и тут же ехидно добавила, — если не расстраивать.

— Все, тиранша. Выдвигаемся. Друг от друга не отходим. Мало ли что изменилось за столько весен в пустошах. Игуа никогда не слыла хорошим местом для пеших прогулок, — и как всегда мы двинулись за эльфом, даже не пытаясь оспорить его главенство в нашей маленькой группе.

Не скажу, что пересечение границы как-то выделило себя из моментов обычного путешествия. Я даже не поняла, когда именно мы пересекли черту. Вот лес плавно перетекает в пролесок, постепенно сходя на нет. Чернозем незаметно переходит в золотистый песок, что все так же покрывает невысокая трава. Зеленый ковер кое-где желтеет песочными проплешинами, но песчаная стихия не спешит изгнать растение. Скорее наоборот, ей нравится та жизнь, что отражает собой выносливая трава. Каждая травинка стойко выносит порывистые ветры и безжалостные песчаные бури. Они вносят разнообразие в кажущуюся безжизненность пустоши. Даже солнце благоволит зеленой жизни. Будучи жгучим светилом на всей протяженности южного побережья, здесь оно лишь ват буйствует неистово, вскоре ослабляя натиск своих лучей и даря необходимую прохладу. Ночью же остатки подаренного солнцем тепла излучает сама земля, обогревая случайно забредших путников и исконно живущих на территориях пустошей кочевников.

Все это я узнала не за один рассвет, проведенный в Игуа, и не за одну ночь. Мы встретили не менее семнадцати рассветов, прежде чем я осознала, как устроена жизнь в песочной долине.

Сильфида часто нашептывала мне о разных особенностях пустошей, рассказывала, как лунными ночами носилась с братьями на крыльях ветра. Как кружилась с ним и поднимала воронки песочной пыли, как была частью песчаной бури, рождаемой от усердия непоседливого ветерка. А вечерами, закутавшись в одеяло и наблюдая за игрой пламени, я вновь и вновь слушала странную песенку на никому неизвестном языке.

Так и проходили рассветы. Спокойно и безмятежно. Будто путь давал так необходимую нам передышку. Мы наслаждались красотами одиноких скал, что гордо возвышались на многие тары, оцетинившись острыми уступами и колкими пиками вершин; бегущими вдоль и поперек нашего пути следования каньонами, что крутыми спусками устремлялись к истокам мира, скрывая в своей незримой глубине миллионы тайн и потерянных душ. Такие преграды почти никто не рисковал пересекать. Более осторожные путники и вовсе избегали встречи с каньонами, веря в притягательную и губительную силу их глубин. Мы не стали намеренно уходить с прямого маршрута из-за расщелин. Встречая поистине громадные расколы земли, мы огибали их, не скупясь отходить на приличное расстояние от опасности. Но иногда приходит конец удачным рассветам, и им на смену приходят рассветы рискованных решений и опасных последствий.

— Что делать будем, Широ?

Я смотрела на поистине бесконечную трещину в земле. В обе стороны ей не было ни конца, ни края, как и в глубину. Был лишь один плюс: в ширину этот монстр был всего восемь тар. Ну, всего, если у вас под рукой есть парочка взрослых деревьев, а если вы в пустошах, то аж восемь непреодолимых тар!

— Учиться летать, — как всегда выделился феникс. Естественно, его окатили

холодными взглядами, — а есть идеи получше?

— Вернуться, — предложил Алкай.

— Ага, прямо в лапы к карателям. Я смотрю, тебе у них понравилось, — вот же ехидна розовая.

— Тогда нужно придумать, как нам пересечь этого монстра.

— Прости за грубость, Алкай, но что, пес твою мать, мы делали все это время? — кажется, безвыходность и меня озлобила.

— Э-э-э... любовались?

Я его сейчас придушу!

— Не время шутить, Алкай. Если не хочешь стать первым перелетным оборотнем через каньон, лучше попридержи свой язык, — угроза так и сквозила в словах эльфа. Причем, не от первородного. Учитель хорошо меня знает. Сначала брошу, потом подумаю о шансах на выживание.

— Нужны кошки, страховка и магические хватки, — все тут же уставились на меня.

— Су, что ты задумала? — внимательно, прищурив глаза, уставился на меня эльф.

— Как всегда — безумство! — оскалилась в ответ я.

— Данка, ты меня пугаешь. Вот с таким маньячным огоньком в глазах ты пошла кромсать армию кельпи. И мы все знаем, чем все закончилось. Сдается мне, сейчас ситуация не лучше.

— Откуда знаешь, что именно с такими? Тебя же не было с нами, — подозрительно уставилась на птичку.

— Предположил. Так что там за план? — скоро перевел он тему.

— Есть два варианта, — радостно возвестила я, враз позабыв о птичке, — первый: ты летишь через расщелину. В одном из ста случаев не сгораешь и не осыпашься пеплом в темные глубины, где, в остальных девяноста девяти случаях возрождаешься и живешь до скончания времен потому, что ни одно здравомыслящее существо не полезет тебя спасать. Уж я то точно. Так вот, если попадаешь в этот один удачный случай и чудом достигаешь другого края, мы бросаем тебе веревки и друженько перелезим через каньон.

— А почему всего один из ста? — ошалело глядя на меня, выдавил феникс.

— Твою вялую тушку будет из стороны в сторону мотать восходящими и нисходящими потоками. Сомневаюсь, что при такой турбулентности ты не напорешься, в конце концов, на шальной камешек. В худшем случае и вовсе шмякнешься на дно.

— А-а-а-а — растерянно, как дурачок, протянула птичка.

— Второй вариант имеет больше шансов на успех, но не менее опасен, — я замолчала на несколько ван, давая всем время сосредоточиться, — кто-то из нас одевает кошки и страховку, спускается и с помощью одной из магических хваток перебирается на другую сторону, а дальше все так же, как и в первом варианте.

— Ты забыла, малышка, что хватки рассчитаны только на три тара, а здесь не меньше восьми.

— Не забыла, учитель, — оскорбилась я на замечание. Он меня за дуру держит.

— Хорошо, тогда объясни, — пошел на попятную светлый.

— Для этого и нужны кошки со страховкой. Каньон имеет свойство сужаться тем сильнее, чем глубже опустишься в него. Чем ближе ко дну, тем уже щель.

— Ты еще парочку сильфов поймала или тебе ветром мозги выдуло?! Какое, к сопливым зомби, дно! Так хочешь загнуться?! Так я тебя сам скину на это самое дно, без чьей-либо

помощи! — Широ уже всюду наступал на меня, сверкая гневной синевой глаз.

— Стоять, вислоухий! Руки прочь! — я шустро уворачивалась от его загребущих рук, изящно огибая застывших Алкая и Ласкана.

— Я тебя сейчас так скручу, что левой пяткой будешь чесать правое ухо. На дно ей захотелось!

— Сбавь обороты, Ширчик. Лучше идей все равно нету-у-у-а-а-а-а... - попыталась вразумить эльфа, попутно избегая ловких выпадов. Чуть не поймал!

— Я сейчас покажу тебе лучшую идею. Мы возвращаемся, идем на север, а по прибытии в Хрустальный лес ты больше и ногой не ступишь за порог моей комнаты! Р-р-р-р... — ой-ей, уже даже рычит от неудачных попыток схватить меня любимую. Стоп!

— А с какого перепугу я буду в твоей комнате сидеть?! — вот тут уже я остановилась как вкопанная и вперила алчно-требовательный взгляд в чуть подрастерявшего прыти первородного.

— В своей будешь. Так сойдет? — осторожно интересуются у меня.

— Э нет, дружок, что ты там про свою комнату лепетал, женатик с антиразводным клеймом? Тебе мало женушки-гадюки на шее, хочешь банши озлобленную еще туда посадить. Места мало, вислоухий. Моя не маленькая попа съезжать все время будет. Силенок на меня не хватит.

Я уже не убегала, я вела полномасштабное наступление на настороженного и молчаливого эльфа.

— Все, Широ, ты доигрался! Ласкан, дай сюда мои кошки, страховку и хватки. Если я сейчас же не полезу в этот каньон, то там окажется кое-кто другой и без страховки!

Перечить мне не стали. Уже сделав шаг в бездну, я услышала тихие слова феникса.

— У нее глаза черные. Я думал умру от страха на месте. Что за убийственная аура?

— А нечего ее злить, — донесся звонкий, но предостерегающий шепот светлого. Я даже представила возмущенное в ответ лицо птички. Как же, в кои-то веки он не виноват, а его ругают.

— Трави, — выкрикнула я и веревка тут же опустилась ниже, а голоса смолкли.

[1] Melda — любимая

[2] Aranna anim — Прости меня.

[3] Im aranna — Я прощаю.

[4] Evyr — Спасибо.

[5] Tagnik'zur Alt'ui — Крыло Дракона.

ГЛАВА 13: Память

Не стоит недооценивать свою память. Она помнит все.

Даже то, что мы не в силах вспомнить.

— Ваше Величество, мы пересекаем границу, — донеслось где-то впереди, а ваном позже говоривший предстал перед монархом. Высокий разменявший пятый десяток воин с рыжей бородой верхом на гнедом коне ожидал дальнейших распоряжений.

— Отлично, — воодушевленно ответил Альхерт, — выдвигаемся! Некогда нам прохладиться, они уже должно быть в предгорье.

— Ваше Величество, у них фора в семнадцать пеших рассветов. Жаль, что потеряли столько времени, прочесывая северные территории, но мы все еще с легкостью сократим расстояние верхом. Всего семь рассветов и мы настигнем заговорщиков.

— Спокойно, Глад. Чует моя стареющая душонка, Дизан со спутниками в столице не за моей жизнью охотилась. Они могут оказаться союзниками.

— Ваше Величество, как вы можете так говорить, они же...

Король Марона поднял руку, останавливая бурные излияния своего сотника.

— Не они, а она. Хотела бы убить, убила. Нет, старый волк, ты пропускаешь кое-что важное. Если им нужен я, зачем было положено столько сил, чтобы отдать мальчишку именно советнику. Нашей императрице севера было бы выгоднее продавать себя, если хотела привлечь внимание венценосной особы, — король потер указательным пальцем за ухом. Жест, каждый раз сопровождающий раздумья мужчины.

— Что же ты искала, златоглазая паршивка? — и Альхерт улыбнулся сам себе, обнажив отбеленные, почти ровные зубы. Как-никак, король был их обладателем.

— Ты там как? — крик феникса достиг моих ушей и отразился эхом в пустоте каньона.

— Жива.

Которая уже это проверка? Двадцатая? Это притом, что я каждый вар прошу отпускать немного веревку. Вот же паникер розовый. Или он думает, ему каньон отвечает?

— Ат ши а ри...

Ши а ри шу та...

Шу та ши а ри...

Ри ши а шу та...

— Я признательна тебе за такую своеобразную поддержку, Сиши. Но может, остановишься. Меня слегка напрягает монотонное шелестение песенки. Не хотелось бы сорваться.

— Ат ши а ри...

Ши а ри шу та...

Шу та ши а ри...

Ри ши а шу та...

— Мда, придется смириться. Трави! — крикнула, всматриваясь в тонкий просвет над головой.

Глубоко я спустилась. Около сорока тар. Уже с трудом разглядываю выступы, за которые можно схватиться. Скоро придется активировать магический светильник, а расщелина как назло сужается всего на тан каждые пол тара. Неужели мне придется спускаться на дно? Бррр! Лучше уж назад! Мало того, что вишу тут одна, так еще меня потоками воздушными мотыляет из стороны в сторону, как носовой платочек на ветру, причем сопливый. Приятного мало, я вам скажу. А вниз так вообще лучше не смотреть — сплошная непроглядная тьма.

— Трави! Кха-кха!

Ох ты ж! Уже голос сорвала. Такими темпами я скоро ничего не смогу прокричать, да и расстояние заглушит все мои потуги. Ну что ж, прибегнем к запасному плану.

Я чуть приподнялась, а потом резко повисла на веревке, дергая ее своим весом. Такой вариант оповещения тоже сойдет. Тут же натяжение ослабло, давая мне возможность двигаться дальше.

Что-то сильфида притихла. Может они не могут так низко спускаться?

— Сиши, ты еще здесь?

— Ты вспомни, и увидь...

С чего это она вдруг на всеобщем запела?

— Вспомни и увидь, откликнись зову...

Откуда-то снизу послышалось завывание ветра. Я тут же опустила голову.

— Откликнись зову, вспомни и увидь...

Громыхание увеличивалось. Быстрые потоки воздуха воронкой устремились вверх из недр расщелины, безжалостно кроша каменные выступы на своем пути. Песок жужжал внутри этого безумия, будто рой пчел поселился в воздушной стихии. Я не выживу!

— Увидь, вспомни...

Песчаное нечто ускорило, стремясь вырваться наружу. Я забыла, как дышать. Холодный пот враз выступил на лбу. Нет даже смысла лезть наверх, через каких-то пару ван все внутри каньона будет уничтожено. Я неотрывно смотрела на приближающуюся опасность, сожалея лишь о том, что не смогу проститься с дорогими сердцу. Раз. Два. Тр...

— А-а-а-а! — вихрь закручивается вокруг меня, с невероятной силой подбрасывая вверх. Уступы, за которые я крепила страховку, вырывает с мясом, и я падаю в неизвестность. Последнее, что слышу, мерное пение сильфиды.

— ...и откликнись зову...

Как она меня, а? Сволочь!

Не знаю, когда меня перестало вертеть, и я обнаружила свое тельце на большом каменистом уступе. Каким чудом его не снесло вихрем, ума не приложу, но как же я этому рада. Вот только вокруг кромешная тьма. Зато звуки есть. В затуманенную голову вдруг ворвались голоса. И кто же так истошно вопит? Феникс?

— НЕТ! Она жива! Она не может умереть! Пусти меня!

М-м-м, как приятно, когда о тебе беспокоятся.

— Успокойтесь, Ваше Высочество! Она уже не жрица! Она чудовище! Ее уже не спасти! Уводите своих людей от портала! Мы не дадим некроманту войти в долину, но мы и не дадим никому выйти из нее тоже. Мне жаль.

Что за бред?! Какая к оркам жрица? Какая долина?

В темноту ворвался свет. Я с трудом приподнялась на локтях и смогла осмотреться. Все тело болезненно ломило, но я пересилила себя. О Всевышние! У меня галлюцинации!

Прямо передо мной, зависнув в воздухе, стояли Ласкан и Широ. Вот только феникс был странно одет, а его розовые волосы почти касались лопаток. Широ же был в дорогой эльфийской боевой форме и кольчуге из драконьего железа. О том, что броня была из драконьего железа, говорило ее красноватое свечение. Откуда у светлого настолько дорогое обмундирование? Такое положено главнокомандующим и то не всем.

— Она не монстр! — кричал коротко стриженный Ласкан.

Внезапно все исчезло, а через ван снова появился Широ. Вот только того, кто стоял напротив него я не узнавала. Высокое сморщенное серое существо без пола. Его мертвые болотные глаза смотрели прямо на эльфа.

— Она уничтожила собственную долину. Как не хорошо, — чудовище издевательски наклонило голову.

— Ты вверг ее в пучину отчаяния. Ты сам лишил себя возможности попасть туда, — грозно отвечал эльф.

— Ха, может ты и прав. Только меня устраивает мертвая земля. Так даже лучше.

— Она убьет тебя, как только ты пересечешь границу, чего не дам тебе сделать я. Ты не пройдешь!

— Посмотрим, — оскалилось серое нечто и ринулось на Широ.

Это уже не мое прошлое. Похоже я захватила часть воспоминаний первородного, когда он ставил блок на мою память.

Вспышка! Передо мной стоит Малыш, такой, каким я его ни разу не видела. Руки напряжены, кулаки сжаты, а на лбу проступили капельки пота.

— Ты отказываешься, — прошипел он сквозь зубы. О Всечувствующие! Это Тариван!

— Да, — вдруг выплыла женская фигура.

Я несколько раз проморгалась, пытаюсь скинуть наваждение, но оно не уходило. Передо мной стояла Я, только более женственная версия. Неужели я могла быть такой утонченной?

— Это твое окончательное решение? — выдавил еще более грозно мужчина.

— Да, я не выйду за тебя. Я не буду единственным любящим сердцем в этом браке, — гордо вскинув голову, дала свой ответ банши, но ее голос все же дрогнул на слове «брак».

— Будь по-твоему, — и я увидела удаляющуюся спину, закрытую пепельной массой волос.

Вспышка! Какая-то комната, вечер, горит камин. В кресле сидит женщина. По ее щекам произвольно стекают крупные капли. Лицо похоже на бесчувственный камень, но слезы стирают все безразличие с застывшей банши.

— Прошу тебя, не плачь. Я больше не вынесу твоих страданий, — феникс с еще более короткими волосами, чем в прошлом видении, сидел на коленях перед жрицей и тыльной стороной ладони стирал соленые дорожки с ее щек.

— Так уходи. Мне не нужно твое присутствие. Просто уйди, — прошептала вторая я.

— Я не могу, Данка. Ты же знаешь, — он нежно улыбнулся и, взяв бледную женскую ладонь, приложил к своим губам, — не мучь себя, дорогая. Иди в храм, останови церемонию.

Одно твоё слово и он не женится. Всего одно слово.

— Нет! Он не любит меня. Я сказала Атару жениться именно на ней. Не прошло и месяца, как он воплотил мой совет в жизнь. Ему плевать на меня! — рыдания вырвались наружу. Крик душевной боли закладывал уши. Так рвалось сердце. Его треск вырывался истошными всхлипами.

— Тише, милая, прошу тебя, тише! Он любит тебя, любит, просто сам того не понял. Ведь именно поэтому он женится так скоро. Неужели ты не видишь?

— Нет. Я уже шестьсот весен как слепа, глуха и потеряна. Я ничего не вижу! Я хочу умере-е-е-еть!

Каким-то образом мое собственное лицо покрывали мокрые потеки. Когда я успела заплакать? Горло нещадно болело. Неужели я орала вместе с той, прошлой Даной. Могла ли я прочувствовать боль уже ушедшего мгновения собственной жизни? Такие острые чувства.

Вспышка!

— Что произошло, хозяйка Трех лучей? Ты должна радоваться. Никто не осмелился на нас напасть. С уничтожения последней долины прошло двадцать весен. Не думаю, что кто-то рискнет заявиться к нам с захватническими планами. А ты как считаешь?

Ласкан медленно подошел к прошлой мне, что внимательно рассматривала из своего укрытия, как живые снуют туда-сюда по улице.

— Я не боюсь нападения. Стоит ли чего-то бояться, не имея ничего? Возможно ли такое вообще?

Феникс выглянул в окно, напротив которого застыла жрица. Двое мальчишек весен шести и восьми дрались на палках и кругами бегали по улице. Их белоснежные макушки казались первым снегом под лучами летнего солнца, а изумрудные глаза — первой зеленью по весне. Иногда один из них срывался с места и на всех парах бежал к высокому зеленоглазому воину с белоснежно-пепельными волосами, что сидел на ступеньках противоположного здания и пристально наблюдал за ребятами. Мужчина подхватывал одного из мальчишек и, подняв его над головой, крепко целовал в щеку, после чего возвращал сорванца на землю, и дети вновь начинали свой шуточный бой. Молодая шатенка из рода бурых псов что-то готовила на кухне и постоянно выглядывала в окно, с нежностью и умилением смотря на творящееся снаружи действо.

— Ты снова мучаешь себя, — вздохнул феникс, — перестань, слышишь! Ты приняла решение, ничего уже не изменить.

— Они счастливы, Ласкан. Они действительно счастливы, — грустно улыбаясь, прошептала девушка.

— Счастливы. Но вы могли быть счастливее.

— Иногда я думаю, — проигнорировав слова друга, банши начала изливать накопленную горечь, — что, если бы я вышла за него замуж? Что, если бы я сейчас готовила обед, а Атар подбрасывал наших детей и расцеловывал в щеки? Что, если бы я плюнула на гордость и любовь? Ведь он не изменяет Лар и мне не изменял бы. Дарил бы подарки, играл с детьми, не обделял бы меня вниманием. Хвастался бы мной перед друзьями и говорил, что он самый счастливый человек на свете, потому что у него есть я. А вечером, в спальне, был бы самым нежным и страстным любовником. Что, если бы это все было у меня? Неужели, тогда было бы так важно, любит он на самом деле или только уважает? Я хочу ее жизнь, Ласкан. Я хочу, чтоб его руки обнимали только меня и плевать, что это будет только иллюзией. В ней можно прожить самую счастливую жизнь. Почему я не поняла этого

раньше? Почему? — последние слова уже проговаривали только губы. Звуки стихли. Банши осела на пол.

Вспышка.

— Она вырвалась! — кричал высокий темный с белоснежными волосами.

— Тьма! — громко выругался Широ, стоя посреди поля усыпанного трупами и залитого кровью.

И это воспоминание не было моим.

— Она должна умереть, Динаристан! Ты слышишь меня? Это наш долг. Мы не можем оставить в живых обезумевшую банши. Ей уже не помочь! Она мертва внутри, нам лишь нужно убить ее и снаружи, — уговаривал странный дроу своего дальнего сородича.

Но почему он зовет моего учителя другим именем?

— Я знаю все это лучше тебя, Аришантель! Я присматривал за ней с самого сотворения мира. Ведь банши рождаются вместе с ним. Они оберегают свои миры и провожают умерших в вечный сон. Она не могла сойти с ума! Просто не могла! Всегда полная жизни, счастливая... — горло предательски свело, не позволяя эльфю говорить дальше.

— Ты ее страж. Тебе решать, — спокойно разъяснял дроу, — но помни, чем дольше ты тянешь, тем больше невинных пострадает, — он ободряюще пожал плечо моего учителя и скрылся из моего поля зрения.

Вспышка!

— Баск, она не просыпается. Что делать?

— Не кричи, Динар! Уже уши от тебя в трубочку сворачиваются. Жива она, просто спит.

— Восьмые сутки! — снова громко возмутился тот, кого я знала под именем Широ.

— Она может и восемь весен поспать! — опарашенное лицо было ответом Владыке Хрустальных лесов, — а что ты хотел? Ты стер половину ее личности, такие вещи не проходят за пару дней. Сейчас главное ждать и надеяться, что наша девочка проснется в своем уме и без памяти.

— Могу я попрощаться с ней.

Из-за балдахина выступил исхудавший феникс. Глаза его не блестели как обычно, а лишь тускло взирали на окружающий мир из-под припухших век. Бледно-розовые волосы были растрепаны и спускались до поясницы.

— Конечно, принц.

— Спасибо.

Ласкан подождал пока оба первородных отойдут подальше, а потом грузно сел на край кровати, будто ноги держали его из последних сил.

— Я в вечном долгу перед тобой, но не это привело меня к твоей постели. Ты самый дорогой мне человек. Ты та, кому я могу доверять. Отныне я лишен возможности быть подле тебя, — Ласкан нежно взял спящую банши за руку, — но пройдет время, луна будет сменять солнце, а лето — весну. Настанет рассвет, и я вернусь к тебе. Жди меня леди, ибо избавиться от меня ты не сможешь даже в глубинах иного мира, куда уносит скорбная песнь.

Феникс медленно наклонился над неподвижно лежащей девушкой и запечатлел последний в моей прошлой жизни поцелуй на моем слегка влажном лбу.

Вспышка! Дрожь по всему телу, и я падаю в пустоту. Удар! Мокрая земля под ногами, непроглядная тьма вокруг и голубой росчерк неба наверху. Похоже, это реальность. Всевышние, что это было?

Тишина покрывала все пространство над каньоном. Пыль облачками летала в воздухе, оседая на потревоженную землю. Две изящные ладони плотно прижались к поверхности расщелины, будто удерживали нечто важное. Так и было. Молодой принц из последних сил пытался ухватить ускользающую в никуда нить связи с банши. Его зов тянется глубоко вниз, ожидая все-таки схватить беглянку, но натывается на глухую пустоту. Резкая боль в голове — нить порвана!

— Широарт, я потерял ее! — громкий вскрик разнесся над пустошью Игуа.

— Что? Как? — эльф побледнел.

— Я не чувствую ее присутствия! — из глаз феникса брызнули сдерживаемые слезы, не выдержав сильных эмоций, — такое может быть только если ее нет в каньоне или...

Ласкан не смог произнести пугающие до дрожи слова. Как можно хоть на секунду предположить, что их взбалмошная, ехидная банши покинула мир живых. Этого не может быть! Сознание твердо уверовало: если не произносить этого вслух, это не правда. Но подсознание не было таким же щедрым на надежды. Оно знало ответ, без сомнений и колебаний. Банши мертва!

— О светлые мечты! Только не она! — взвыл Ласкан, падая на колени.

Эльф молчал. Ни криков, ни истерик, лишь статуя самому себе. Холодная, окаменевшая, потерявшая всякие эмоции. Так проще, так легче. Нет чувств, нет боли. Не будет страха, не будет мучительных мгновений осознания, как же много он потерял. Без эмоций проще, без них легче. Легче...

Он помнит, как чуть не потерял ее в прошлый раз. Он помнит, как рвалась на лоскутки душа. Как верные в боях стилеты легли в сухие ладони. Как он направил острие своего оружия против любимой. Как звенела сталь от невидимой дрожи, что била все тело эльфа. Он помнит ее полные надежды глаза, что молили подарить покой от терзающей все тело вины и отчаянья. Ее прекрасные золотые глаза, наполненные безумием. Первородный все еще помнит, как дрогнула его решимость перед этим прекрасным существом. Впервые он не смог выполнить долг и подарить облегчение. Он предпочел жизнь, страдания, борьбу за разум и тело. Борьбу за душу той, что не ведает о нем.

— Поднимайся, Ласкан. Нам пора.

— Ты куда? — удивился притихший до сего момента оборотень.

— Мы идем в обход, больше терять время нельзя, — эльф твердой походкой пошел вдоль каньона, оставляя за спиной растерянных товарищей.

— А как же Дана? Ты не станешь ее спасать? — заорал Алкай.

— Некого спасать. Ее уже нет, — не останавливаясь, Широ подхватил свои мешки и продолжил путь.

— Откуда ты знаешь? Может, она жива? Значит вот какой ты друг! — оборотень рычал, взрывал воздух своим тяжелым дыханием, но не добился той реакции, которую хотел от первородного.

— Ласкан, вставай.

— Да... — тихо прошептал феникс и, поднявшись, пошел вслед за эльфом.

— Вы что, сдались? Одна неудача и вы даже не ищите ее! Она ведь может истекать кровью на дне каньона, а вы просто уходите! — руки оборотня от злости частично трансформировались. Он был готов порвать тела бывших товарищей в клочья за то

безразличие, что они демонстрировали.

— Ласкан же сказал, ее души нет в расщелине. Она мертва.

— Почему ты так в этом уверен?

— Он феникс. Он чувствует держателя своей клятвы верности везде. В отличие от тебя, Ласкан знаком с Даной не одну сотню весен. Если хочешь провести последние рассветы до прихода карателей в бессмысленных поисках, то пожалуйста. Ты можешь облазить хоть весь каньон, но найдешь лишь ее труп, в лучшем случае. Мы же идем в обход. Теперь можно ускорить темп, банши лишь замедляла нас.

Феникс всхлипнул, незаметно вытирая злые слезы рукавом серой рубашки.

— Ласкан не сможет идти быстро, — уже спокойно выдал свои умозаключения оборотень.

— Ошибаешься. Он не уступит в выносливости даже мне.

Феникс кивнул, подтверждая слова эльфа, и они все троя перешли на бег.

— Спрячь когти. Не заблуждайся, оборотень. Наша боль в тысячи раз превосходит твою. У нас будет время скорбеть, а сейчас лучшее, что мы можем для нее сделать, это выжить.

Алкай пораженно уставился на два безэмоциональных лица рядом с собой, и только боги ведали, скольких сил им стоило сдержать надрывный крик своей души.

Широварт ла Эк

Я крепко, на грани нестерпимости, зажимал теплые уши малышки. Желание вдавить Су в себя, слившись с ней воедино, тем самым прекратив ее страдания, было огромным. Каждый всхлип я ощущал своей твердой грудью. Каждый надрывный вздох содрогал ее тело, пуская вибрации по моему. Звук каждой упавшей слезы разрывал мне душу, отдаваясь гулкой болью в сердце. Оно пропускало удар, когда очередной вскрик, ознаменовав крайнюю степень отчаяния, срывался с губ моей любимой, чтобы снова начать свой бешенный бег в ожидании конца этой пытки.

— Су, спи, хорошая моя. Просто закрывай глаза и спи. Не слушай его.

Я нашептывал разные глупости, вроде этой, в затылок своей девочки, шевеля губами каштановые волосы и обдавая их теплым дыханием. Конечно, она не слышала меня, но по движению моих губ на своей коже все же могла распознать мои слова. Этому я ее еще в первую весну обучения научил. В тайных операциях полезное умение. Очень помогает незаметно переговариваться.

Месяц уже в полную силу освещает далекую землю, а я продолжаю успокаивать свою девочку, и вдруг выясняется, что мучитель Су, это мучительница. Нам крупно повезло, что с сильфидой мы смогли договориться. У меня просто камень с души скатился, когда банши тихо и мерно засопела, уткнувшись носом мне в грудь. Я облегченно выдохнул.

— Что тебе от нее нужно? — не таясь, задал самый правильный вопрос в данной ситуации.

— Память... с-с-с-с... — довольно громко ответила мне пустота. Благо все уже видели десятый сон и не могли ее слышать. Особенно банши. Ее вообще как обухом по голове приложили. Мгновенное погружение в глубокий сон. Вымоталась.

— У нее нет того, что ты ищешь, — уверенно, не допуская сомнений в своих словах, отрезал я.

— Хи-хи... ес-с-с-сть...

Ликанова душепийца! Знал же, что сильфы опасны. Эти духи воздуха далеко не простые ветерочки. Мало того, что мужские особи с легкостью читают мысли, так сильфиды и вовсе способны покопаться у тебя в голове, превращая мозги в коктейль из разрозненных мыслей и воспоминаний. Самые яркие моменты жизни сильфида выпьет, как вампир кровь, насытившись на ближайший месяц, да еще и сильфам доступ откроет, полакомиться остатками, так сказать. Вот только не все существа подходят этим паразитам. Многие расы, например фениксы и эльфы, имеют врожденную ментальную защиту. Такие преграды не под силу духам воздуха. Они могут только сломать свои зубы и когти об эту стену. Другое дело оборотни. Алкай на половину зверь, а в такую враждебную среду, как животная психика, ни одна здравомыслящая сильфида не полезет. Вот и осталась единственным уязвимым пятном моя банши. Магии-то в ней отродясь не водилось.

— Ее воспоминания повреждены и запечатаны. Мой тебе совет, не лезь к банши в голову, сойдешь с ума, — и я не шутил.

Если всплывет все то, что так тщательно я блокировал своей магией, пострадает не только Су, но все, кто окажется рядом с ней. Не могу даже себе представить, насколько разрушительным может быть ее пробуждение.

— Пробужденная?! — удивление и толика паники так и сквозили в дуновении ветра.

— А ты догадливая, — широко улыбнулся в темноту.

— Не-е-е трону-у-у-у...

— Хорошая девочка. Вот и определились.

— Лишь эмоци-и-и-и...

— Плохие, — нахмурил брови, показав всем своим видом, что решение опротестованию не подлежит.

— Хорошо-о-о-о... жмот, — последнее слово порыв ветра резко дыхнул прямо мне в лицо.

— Что за духи пошли? — я инстинктивно вытер выступившие на глаза от такого забавного приступа обиды слезы, — торгуются, видите ли.

— Что за эльфы пошли-и-и... защищают пробужденную-у-у-у... хи-хи... — не осталась в долгу сильфида.

На этом наш разговор исчерпал себя. Последующие дни не принесли ничего странного. Сильфида держала свое слово и питалась только плохими эмоциями банши, от чего моя ученица стала просто-таки не пробиваемым оптимистом с железо-каменной психикой. Ее даже феникс из себя вывести не смог. За ват убился раз двадцать, а ей хоть бы хны. Оттараторила свои песни, ободряюще погладила Ласкана по голове и пошла дальше. Принц от удивления тут же навернулся, вызвав сочувствующий вздох Су и новую песню.

Все бы так и продолжалось, не выкини сильфида очередное коленце. Не знаю, что вытворила эта кучка пыли и воздуха, но банши сорвалась на мне. Я, конечно, понимаю, что сыпанул пуд соли на свежую рану, но это был просто взрыв негативных эмоций, а не обычное недовольство.

У Су почернели глаза. Вся накопленная сотнями лет энергия смерти рвалась наружу. Блоки явно не выдерживали двойного натиска чувств банши и воздействия сильфиды. Воздушная пакость как-то влияла на мою ученицу, вызывая к истокам ее сознания. Не уверен, что барьер остался бы цел, не переключи Су все свое внимание на спуск в каньон. Я даже не пытался ее остановить. Возможно до этого всплеска сырой силы, но точно не после. Одно

мое неосторожное слово и вся пустошь Игуа могла превратиться в сплошное мертвое пространство. И я отпустил ее. Тьма! Самая большая ошибка в моей жизни!

Как бы я не оправдывался, какие отговорки бы не придумал, я все равно не смогу заполнить зияющую отныне в моей бессмертной душе черную дыру вины и боли до скончания миров. Такой как она больше нет, и не будет. Я потерял единственное, за что готов был разрушить все миры, невзирая на последствия. Я потерял часть своего сердца и души. Навечно. Чернота, глухота, слепота — вот моя жизнь, вот мое личное безумие. Оно уже близко и я не стану сопротивляться. Мне все равно, мне нет ни до чего дела. Ничто больше не имеет смысла. Она ушла...

— НЕ-Е-ЕТ!!!

Рокот разбившейся о скалы волны пронесся по коридорам Tintill Elin. Он облетел все покои дворца и шагнул за порог. Каждый кусочек хрустала в вековых скалах отозвался гулким звоном, передавая крик боли дальше, вглубь лесов. Природа оповещала всех о недавней потере, пуская эхо скорбных стенаний, как круги на воде, по всем близлежащим землям. Даже Дубовая роща услышала истошный крик. А после все вокруг затихло. Ни одна птица не запела, ни один зверь не издал свой вой. Природа замерла, она не имела права произносить хоть звук. Право скорбеть принадлежит лишь банши. Принадлежало... Последняя плакальщица покинула их мир. Ее некому оплакать, некому отдать долг, накопленный за тысячи тысяч весен. Она ушла в пустоту, оставляя за собой вечную тишину смерти.

— Кайа, что случилось? — в покои плакальщицы ворвался Владыка. Не сильно озаботившись этикетом, он бесцеремонно оттолкнул дверь, что с грохотом врезалась в стенку и отлетела назад, вынуждая Алибаскаэля остановить ее рукой.

— Хранительница... Дана... она...а-а-а-аха-а-а-а... она мертва-а-а-а... — мальчишка сидел на полу, обхватив себя руками и медленно покачиваясь, и надрывно рыдал, утыкаясь носом в мягкий бежевый ковер.

Сквозь его рев и заикание Владыка смог различить самое главное. Банши мертва!

— Нет... Не может быть... Кайа, ты ошибся. Дана не могла умереть!

— Св-свя-а-а-азь... ы-ы-ы-а-а-а-а, раз-раз-разорвана-а-а-а... аха-а-а...

— Нет... — прошептал Владыка светлых эльфов, — нет... неужели я слишком поздно вернул клинок хозяину?

Баск сел на стоящий рядом столик и закрыл лицо рукой. Никто уже очень давно не видел слез правителя. Не пристало Владыке ронять слезы на глазах у подданных. Но сегодня он изменил сам себе. Сегодня это не имело значения.

— Она жива?

— Возможно, я вижу слабую связь с жизнью.

— Мы должны ей помочь, она дорога нам.

— Я знаю! — огрызнулся воин, — мы заперты. Без нее нам не стать единым целым. У нас недостаточно сил!

— Я ее не брошу! — настаивал маг.

— Мы ее не бросим, — поправил грозный воин, не терпящий ни чувств, ни слабостей.

— Она наше все...

— Она наше все... — вторили друг другу две личности одной души. Они и сами не замечали, как их память и мысли сливались воедино. Воин пробудился от долгого сна. Еще пройдет немного времени, и он станет самим собой. Тем, кто защищал целую долину. Тем, кто справедливо правил, и тем, кто потерял все.

ГЛАВА 14: Хребет «Крыло дракона»

Бо-о-ольно! Как же болит голова! Какой садист бил меня ей о стену? Уж лучше бы добил, чем оставил страдать. Эти непонятные вспышки памяти полностью вывели меня из равновесия. Я никак не могу свести их воедино, будто какой-то блок стоит. Из-за этого в голове полнейший бардак. Как же мне плохо. Еще и дождь пошел. Стоять! Какой к линкетти дождь в пустошах. Там дожди только зимой, да весной.

Я запрокинула многострадальную головушку вверх, подставляя лицо ледяным каплям. Вот очередная нестыковка, в пустошах дождик тепленький, а тут как иглами прошивает своим холодом кожу. Все чудесатее и чудесатее. Вытерев тыльной стороной ладони капли с глаз, всмотрелась в вышину и обомлела.

— Кельпи прилетели, орков привезли, оборотней попинали и к русалкам пить пошли! — милая поговорка о переборе с алкоголем или безумии, к чему неуклонно приближалось мое состояние.

Начнем по порядку. Первое, страховки нет. Второе, страховки вообще нет! Третье, ни веревочки от страховки нет! Четвертое, до поверхности рукой подать. И говоря это, я имею в виду, буквально, протяни ручку, схватись за край, подтянись и ты выползла из каньона. А учитывая, что я на дне сей ямки, то это не то место, куда я спускалась. Еще бы кто рассказал мне, куда мое брренное тельце ветром принесло-то?

— Honglath dos quortek,[1] — откуда-то сверху неожиданно раздался рычащий, но от того не менее завораживающий голос. Самое удивительное, я поняла, что было произнесено, и это заставило меня немного умерить свой восторг и ответить.

— Usstan quin dro![2] — слегка возмущенно отозвалась я. А нечего желать покоя моей душе. Мы еще не знакомы, а он меня уже упокоил. И вот это меня подвигло посмотреть, наконец, под ноги.

Дам, теперь я знаю свое местоположение. Я в могиле! Благо, что чужой. Вот только мертвецу под моими сапогами явно от этого не легче. Потопталась я по его тельцу изрядно. Вон уже ткань, в которую почивший завернут, сползла с некоторых пованивающих частей тела. Что же сотворило вот это (эльфом тушку уже сложно назвать, оно, бедняга, расплющилось от моего приземления), что его похоронить решили, а не сжечь, как остальных. Неужто, какой изгнанник тут распластался? И вот назревает вопрос, сильно наверху обрадовались, что их бракованный дохлый дроу внезапно им ответил? Не думаю. И что теперь делать? Вылезу, они меня стрелами изрешетят без лишних вопросов. Останусь, киданут сюда какую-нибудь магическую очищающую штуку, и покой придет уже нам обоим с темным. Не привлекает меня как-то такое соседство.

Надо вылезать. А как? Эти дотошные эльфы будут добивать наверняка. Так! А с чего я взяла, что это дроу. Ну потому что на языке дроу разговаривают. А откуда я знаю их язык? А орки его знают?! Как я вообще им ответила? Вроде же на всеобщем подумала, а вылетело вот это непонятное. Интересно зомби пляшут.

— Vel'uss dos?[3]

От неожиданности споткнулась о покойника и распласталась на нем же, ошарашено глядя на смуглое лицо дроу, что нависло над уже, похоже, нашей окончательно с мертвым эльфом могилой. Не знаю на счет остальных темных, но конкретно у этого один глаз был черный как уголь, а второй жутко белый, причем весь. И вид у него был ну ни капли не дружелюбный. Волосы белые как снег, кожа шоколадная, губы поджаты, от чего не понятно какой они формы, а разноцветные глаза смотрят с укором и надменностью.

— А-а-а... Суардана, — вот честно, больше ничего в голову просто не пришло. Страшный он какой-то. Вдруг я его язык исковеркала? Он же меня прям тут и закопает, даже отдельную могилку рыть не нужно.

— Elghinyrr[4], - произнес мой личный могильщик.

— Dro[5], - исправила я.

— Elghinyrr!

Какой настойчивый. Да не мертва я.

— Dro!

— Waela! — он прикрикнул на меня, — Dos — dro, dos — naergon! Uk elghinyrr. Dobluth!

[6]

— Сам идиот, — буркнула себе под нос. Вот только запомнила, что слух у эльфов ого-го!

— Дура! Вылезь из погребальной ямы! Хотела отпеть изгнанника, так опоздала. Незачем пытаться привести его в чувства. Он мертв уже два рассвета, — под конец раздраженной речи дроу как-то сдулся. Создавалось чувство, что с этим изгнанником разноглазый дроу знаком не первый день.

— Я и не спешила отпевать страдальца. Я тут случайно.

— То есть? Порталом забросило? — удивился темный.

— Неа, ветром задуло, — вполне серьезно ответила я и полезла вверх. Не убивают, а значит, торчать в чужой могиле смысла больше нет.

А эльф оказался всего-то один, и никаких сородичей вокруг не наблюдалось. Даже немного обидно. Я горных дроу еще не видела ни разу. Разноглазый исключение, но кажется мне, он ненормальный темный. За своими наблюдениями не заметила, как почти выбралась из могилки изгнанника. На последнем рывке вверх мне даже руку соизволили подать. Какие мы культурные, однако.

— Так как вы здесь оказались, Суардана? — уже миролюбиво спросил дроу.

— Говорю же, ветром принесло, — оттряхивая пыль и грязь со стремительно намокающей себя, начала рассказ, — мы через каньон перебраться хотели, так вот именно у меня мозгов хватило в него полезть! А уже там какая-то ликанова муть твориться начала, — эльф поморщился от моей ненормативной лексики, — меня ветром подняло вверх, а потом утянуло вниз. Несмотря на то, что кидало меня из стороны в сторону знатно, из расщелины меня не выбрасывало, это совершенно точно.

— Но как тогда вы здесь оказались, да еще и живая? — он осторожно осмотрел меня с ног до головы.

— Вы простите мою грубость, — как-то мы официально общаться начали. Обычно на ТЫ переходят, а мы вот на ВЫ, — но можно мне где-нибудь отогреться, и желательно переодеться. А если еще и ванна есть, то буду премного благодарна.

— Прошу простить мое недостойное поведение, следуйте за мной. Вам предоставят покой, а потом мы пообщаемся, если вы не против?

— Не против, я буду рада составить вам компанию, — и меня повели к ближайшей скале.

Ох, как все плохо! Я в горах! Вокруг меня сплошные скалы, выщерблины в них и отколотые куски. Где я, ликаны подери?

— А где мы? — всю крутя головой и разглядывая далекую землю, задала насущный вопрос.

— В горах, — насмешливо ответили мне.

— Это ясно, а в каких?

— В Валларских, Суардана. Это королевство дреу. А вы находитесь в его западной и самой заселенной части — хребте Крыло дракона — мягко оповестил меня о моем местоположении единственный проводник. Даже интересно, почему на погребении присутствовал только один дреу.

— Вы, кстати, сородича не зарыли, — осторожно напомнила я.

— Не волнуйтесь. Его примет скала. Пусть для всех он изгнанник, для меня он истинный сын народа темных эльфов. Он достоин традиционного погребения, — грустно пояснил дреу. Покойный точно был ему близок.

— А вы, простите за любопытство, кто? — глупо идти за незнакомым дреу, куда ему вздумается, даже не поинтересовавшись его именем. Вот я и решила исправить сию оплошность.

— Аришантель ла Эк рен Сиу.

— Суардана Дэнитар, — ответила я и выпала из реальности. Вспышка!

— Ты не спасешь ее! Стой! — кричал высокий дреу с длинной белоснежной косой, пряча оникс глаз за прищуром.

Снова чужие воспоминания.

— Заткнись, Шантель! Я сам решу, что с ней делать! Я ее страж! Я, а не ты! — мой Широ открыто рычал на дреу, скаля немаленькие клыки. Но откуда у Широ клыки? Я впервые их вижу.

— Твой разум помутнен. Ты слишком долго наблюдал за ней. Приди же в себя! Она чудовище, — темный схватил моего учителя за плечи и встряхнул.

— Отойди с дороги, Аришантель. Я сделаю так, как мне будет угодно, — спокойно пояснил светлый, все еще преграждающему дорогу дреу, — если ты не понял, это приказ. Отойди!

Вспышка!

— Суардана, что с тобой? — обеспокоенный голос резко ворвался в мое вернувшееся сознание.

— И тебе доброе утро, Шантель.

Я открыла глаза и тут же залилась краской. Надо мной склонился давешний дреу разноглаз. О Всевышние, надеюсь, меня не побьют за панибратское обращение к высокородному дреу.

— Ничего, на самом деле мне так больше нравится. А то надоело все время по этикету. Мы здесь в горах относимся ко всему проще, — мягко улыбнулись мне. До чего же знакомая улыбка, аж переворачивается все внутри от нее.

— Вот и славно. Зовите меня Даной, — медленно сползая с рук дреу, постаралась принять вертикальное положение, — а вы случайно с Широ не знакомы?

— Широарт? — удивился темный.

— Ага, он самый.

— С чего вы взяли?

— Да так, — отмахнулась я. Не говорить же ему, что меня странные глюки посещают с его участием.

— Я знаю Вартека, — вдруг решил признаться дреу, — мы с ним вместе жили здесь.

— Вислоухий и здесь побывал! — дико удивилась я, — вот пронырливый эльф. И что? Этот котяра по весне и у вас всех девушек попортил?

— Кха-кха, — чем-то вдруг подавился мой новый знакомец, — нет, кха-кха, он у нас гостил.

— Широ не рассказывает мне о местах своего пребывания только в одном случае, если он там по бабам ходит, — даже немного разозлилась я, — небось и здесь парочка постоянных любовниц найдется.

— Э-э-э... А ты хорошо его знаешь, — растеряно пролепетал Шантель. Думаю, мы перешли на «ты». Ведь по теме «Широ» говорить на Вы было просто кощунством. Без ругательств не обойдешься.

— Еще бы я его не знала.

— Вы вместе? — ни с того ни с сего ляпнул темный.

— Чего! Нет, конечно! Он мой учитель и напарник.

— Тогда почему он скрывает от тебя свои похождения? — хитро сверкая одним глазом, задал каверзный вопрос Шантель. И в кого такой проницательный?

— Вот сам его и спрашивай, — буркнула я, а этот растянул пухлые губы в откровенной улыбке.

— Так когда это будет, — протянул темный.

— Через рассветов... двенадцать, — выдала ценную информацию.

— Так он с тобой был? — Шантель явно не ожидал такого.

— Да. Вот только вопрос, дойдет до них, куда меня перекинуло или нет? Могут же искать пойти.

— Них?

— Нас четверо. Кстати, а стационарный портал до границы с Хрустальным лесом у вас имеется? — вспомнила о скорой необходимости перемещения на север.

— Имеется, — дреу открыл деревянную дверь и впустил меня в скалу, — только ты рано. Портал активируется только во второй рассвет полнолуния. Еще пятнадцать рассветов до него.

Вот Широ, даже время правильно подгадал. Они как раз дойдут сюда за два рассвета до полнолуния. А что мне делать все это время?

— Вот ванна, — Шантель указывал скрытой под черной материей ладонью в сторону довольно большой комнаты с бассейном, — а здесь можешь отыскать себе одежду по вкусу, — он открыл следующую дверь, за которой прятался огромный гардероб, — мои покои левее, твои по правой стороне. Увы, ванна одна. Придется как-то нам мириться

последующие две недели. Я буду у себя.

И дроу поспешно скрылся за левой дверью. Не знаю, что заставило его так быстро испариться, может мой вид или запах, да только он стал немного нервным.

Несмотря на примерно один цвет стен, грязно-серый, они различались отделкой. В ванной кое-где камень был отшлифован до ровной стены, а где-то оставался в естественной форме. Так же и в остальных комнатах. Свет был магическим, как и отопление. Камина я у себя в покоях не заметила. Обычные две комнаты. Одна с золотистой кроватью и таким же бельем, другая с такого же цвета диваном и столиком. Только ковер был черного цвета. Вполне уютное жилище.

Приняв ванну, начала перерывать так услужливо предоставленную мне гардеробную. При ближайшем рассмотрении вся одежда оказалась женской. Покопавшись там с пол вата, выбрала коричневые замшевые штаны, бежевую рубашку и безрукавку до колена, что шла в комплекте со штанами. Я как раз зашнуровывала безрукавку, когда со стороны чужих покоев раздался хриплый, слегка грубоватый голос, который так мне понравился.

— О, прости что помешал.

Я обернулась на голос. Шантель стоял в темно-синих штанах и белой рубашке навыпуск, которые ранее не были видны за широким черным плащом. За этим убийцей фигуры вообще ничего видно не было, даже рук, которые сейчас были открыты для моего цепкого взгляда. Ясно, почему он нервничал, оставляя у себя кого-то в гостях. Все ладони дроу покрывали белеющие на смуглой коже, как маяк в темноте, шрамы. И это не были ровные вспухшие дорожки. Это были рваные дыры и лохмотьями торчащие куски плоти. Страшные и безобразные. Теперь, когда и с его лица слетела иллюзия, я могла рассмотреть несколько таких же борозд на его левой щеке, подбородке и веке, что не полностью прикрывало слепой глаз, когда дроу моргал.

— Я решил, что уж лучше предстать перед тобой таким, после того как ты приведешь себя в порядок, чем ты сбежала бы мокрая и грязная, — он иронично усмехнулся.

Надо отдать ему должное, глаз Шантель не отвел. Он гордо стоял под моим ошарашенным взглядом и не предпринимал ни малейшей попытки прикрыться. Он с легкостью был готов принять любое мое решение, и оно ни в коем случае не повлияло бы на его душевное равновесие. Скала, а не эльф. Я была в восторге. Нет, не от шрамов. Они действительно мерзкие. А вот дроу был великолепен. Во мне зарождалось восхищение стойкостью этого первородного, его силой духа и терпением.

— Думаю, сейчас от ванны меня и войско гниlostных зомби не отогнало бы, — я улыбнулась. Искренне, ни в коем случае не ободряюще. Я ни за что не оскорблю его своей жалостью. Зачем? Шантель не жалеет себя, не клянет судьбу, так почему же я должна это делать?

— Понимаю, почему Вартек взял тебя в напарники, — хмыкнул темный, — пойдем, ужин готов.

— О! С удовольствием, — и я, глотая набежавшие слюнки, чуть ли не вприпрыжку пошла за эльфом в его часть дома.

Что ж, гостей нам ждать еще ой как не скоро, а посему будем налаживать отношения с дроу.

Рассветы, на удивление, пролетали быстро. Здесь, в горах, время текло неспешно, то тут, то там спотыкаясь, а потом вновь начиная свой бег. Но, несмотря на внешнюю медлительность, первая неделя прошла как один миг, оставив только приятные воспоминания.

Аришантель оказался очень образованным дроу. Он много читал и с удовольствием делился своими впечатлениями от прочитанного. Порой он рассказывал такие вещи, о которых я даже и не слыхивала. Вот так в один вечер он поведал мне о других мирах и довольно подробно описал их природу и расы их населяющие. Я как ребенок, сидя напротив, внимала всему, что говорил темный, и чуть ли в рот не заглядывала своему собеседнику. Наконец-то мне есть с кем поговорить не о магии и ее составляющих, а о сущности бытия, других мирах и структуре материи. Я была просто очарована умом и мудростью Шантеля. Ночами меня зубами нельзя было оторвать от книг, ведь я старалась прочесть как можно больше и быть готовой к очередной вечерней беседе с первородным. Но это все происходило вечерами, а утром и днем дроу показывал мне окрестности. Водил по разным пещерам, рассказывал о каждом торчащем пике, о его истории, обитателях и высоте.

Длинный хребет Валларских гор поражал своим величием и нерушимостью. Его имя — Крыло дракона, было полной тезкой названия королевства дроу, настолько важной для темных была эта гряда. Хребет тянулся на тысячу тар в длину и сотни тар в высоту. Вряд ли я когда-нибудь обойду его полностью. Но это не огорчало, скорее будило воображение.

Дроу были весьма дружелюбным народом. Но что поразило меня до глубины души — это матриархат. Глава совета была женщина, мужчины были лишь советниками. Всегда можно было увидеть разгуливающих по горному городу воительниц. Нет, темные тоже шили, смотрели за детьми, но они так же могли ковать мечи и добывать руду наравне с мужчинами. Но самой яркой чертой матриархата было наследование. Оно шло по дочери, как и род.

Так и проходили мои рассветы. С утра дроу часто сбрасывал меня с постели и за шкуру, прямо как Широ, тащил на уступы или плато наблюдать рассвет. На некоторых из посещенных мной уступов росли маленькие полянки цветов. Зато на Лунном плато был целый луг страстоцветов. Вот только я не очень любила туда ходить, в отличие от темного. Цветы меня невероятно напрягали. Вместо того, чтобы отдохнуть душой и телом, наслаждаться рассветами и закатами, я все время пристально рассматривала соцветия и пыталась понять, какого же они, в конце то концов, цвета. Эх, все так же черно-бардовые. Никакого алого или синего и в помине там не было.

— Меня давно мучает вопрос — вырвал меня из очередного зацикленного созерцания страстоцветов дроу, — чем тебя так гипнотизируют эти цветы? Иногда ты даже про меня забываешь, так уходишь в любование ими.

— Как бы проще объяснить? — и вот как?

— Говори так, как есть, — подставив израненное лицо под теплые лучи, Шантель жмурился как кошка и, кажется, даже мурлыкал от удовольствия.

— Вот скажи мне, мудрый первородный, — от такого обращения дроу повернул голову и заинтересованно смотрел на меня сквозь оникс здорового глаза, в то время как белесая дымка навсегда прекратила движение другого, — какого цвета страстоцветы?

Шантель лукаво улыбнулся, будто разгадал загадку, что не давала мне покоя последние недели.

— Для меня они зеленые, а какие для тебя? — он пристально смотрел в мои глаза, не

давая мне времени придумать ложь. Собственно, я и не собиралась врать, несмотря на то, что мой ответ явно не придется по вкусу дроу.

— Черно-бардовые, — выдохнула я, и почему-то виновато отвела глаза, — но сейчас появились бледные оранжевые полосы.

— Ты хочешь знать, что это значит? — заглядывая под мою челку, темный придвинулся чуть ближе.

— И рада бы не знать, да только это мучает меня, — честно призналась в своем большом интересе к страстоцветам.

— Я так и понял, — хриплый голос обволакивал какой-то родной надежностью. Думаю, его связки так же были повреждены, поскольку дроу не обладают грубыми и хриплыми голосами. Повидав за прошедшую неделю с три десятка темных эльфов, я могу быть в этом уверена. Не смотря на это, звучание его слов не отталкивает, наоборот, дарит покой и уют моей душе.

— Я хочу знать.

Слегка улыбнувшись, Шантель сорвал один цветок и поднес его к моему лицу. Когда лепестки почти касались правого глаза, цветок вдруг стал белым. Абсолютно белые лепестки, никаких других примесей цвета.

— Но как?

— Иллюзия. Цветы всегда белые, но на них магия истины. Когда же цветок подносят к глазам, иллюзия обволакивает и сам глаз, тем самым переставая влиять на наше восприятие.

— Но что делает эта магия истины, почему цвет так отличается от оригинала?

— Это цвет твоей страсти. Не зря они страстоцветы. Страсть бывает разной. Соцветие отражает истинные чувства, что кипят в душе. Моя страсть зеленая. Зеленый — цвет надежды. Это значит, что я надеюсь на возвращение той страсти, что давно угасла. Видишь ли, моя жена умерла, но я так и не смог ее забыть. Поэтому цвет моего страстоцвета неизменно зеленый.

— А что значит такое сочетание цветов, как у меня? — уже с маньячным огоньком жажды знаний сверлила эльфа.

— Оранжевый — это страсть к знаниям, к искусству. Ты последнее время увлеченно читаешь, да и беседуем мы каждый вечер. Твоя страсть к новому пробудилась вновь, поэтому у цветка оранжевые прожилки. С другими двумя сложнее. В тебе бушуют две противоположные страсти. Ненависть и любовь. Сейчас в твоей душе правит темная страсть, — он сделал паузу, позволяя осознать услышанное, — но есть и капля любви, что делает твою страсть не полностью черной, а бардовой. Это до сих пор и спасает твою душу, иначе, ты давно уже сгорела бы в собственной ненависти.

Я не знала, что сказать. Мое страшное прошлое всегда не давало мне покоя, а теперь и вовсе наступает на пятки, грозясь разорвать меня на части и поглотить. Я чувствую, как запертые воспоминания рвутся наружу, как бьется боль в скрипящие от напора двери. Как рвется сердце от тех чувств, что владели мной когда-то. Та ненависть, с которой я не смогу совладать, если она прорвет оборону, выстроенную эльфом, то разрушит мою душу.

— А если это синий цвет? Если страстоцвет видится синим? — вдруг вспомнила я про остальных, скоро уводя себя от мрачных мыслей.

— Это замерзшая страсть, — в два раза оживленнее, чем прежде, начал объяснять Шантель. Наверное, обрадовался, что я не ушла в себя, — твой друг потерял свою любовь, но в отличие от меня, он уверен, что эта любовь умерла, а больше он не полюбит.

— Да уж, бедная птичка.

— Кто такая птичка? — тут же ухватился за мои слова дроу.

— Вот дойдут, сам и увидишь, — не хочу я заранее рассказывать о фениксе. Слишком плохо им живется в нашем мире, — ты лучше расскажи, что значит голубой, как ясное небо, цвет.

— Это спящая страсть. Тот, кто видит страстоцветы такими, еще не встретил свою любовь. Тут, по прогнозам, все более чем радужно.

Ну хоть за Алкая переживать не стоит. У него все впереди.

— А алый?

— Алый? — удивился темный.

— Алый, — повторила я, уже с подозрением косясь на эльфа.

— И кто же видит в алом цвете? — темный пытливо уставился прищуренным глазом на меня.

— А я не вправе разглашать эту информацию, — отвернула голову в сторону, довольная собой.

— Тогда я не расскажу, что значит алый на языке страстоцветов, — хитро протянул эльф.

— Жажду убийства, небось, — предположила я.

— И к кому же?

— Ко мне! Ой! — я поняла, что сдала важную информацию. Вот ведь, хотела угадать по его реакции, и сама прокололась.

— Значит, это Вартек у нас сейчас на пике страсти?

— А? То есть? — тут же забыв про промах, воодушевилась я.

— Алый — цвет истинной страсти. Истинной любви, если так понятнее. Такую найти очень сложно. Истинная половинка во всех мирах одна, и шанс на то, что вы родитесь в одном и том же мире, ничтожно мал. Ведь миров тысячи, а истинная всего одна. Я никогда не встречал того, кто видел бы страстоцветы алыми. Я уже даже грешным делом подумывал, что это легенда. А тут на тебе. Повезло твоему напарнику, банши. И тебе.

— А мне почему?

— Избавишься от его девиц, что мешают вашей... работе, — он почему-то сделал паузу перед словом работа, но кто его знает, этого дроу. Он еще тот интриган.

— Ну что? Домой? — предложила я.

Мы уже провалялись вага три на травке в море страстоцветов, пора бы и перекусить. Кстати, Шантель прекрасно готовит. Не то что Широ, который одну только кашу и умеет варить, мной люто ненавидимую. Даже передернуло от воспоминаний о склизкой субстанции, что в меня впихивал мой мучитель три раза в сутки. И никакого мяса! Эх, мои тиранизированные будни, как же давно они были. О Всечувствующие, неужели я скучаю по пинкам Широ? Нужно срочно побиться головой о скалу, чтоб отбило всякие дурные мысли. Благо таковую на каждом шагу повстречать можно. Только б за предстоящую неделю сотрясение себе не заработать.

[1] Honglath dos quortek — Покой твоей душе.

[2] Usstan quin dro! — Я еще жива!

[3] Vel'uss dos? — Ты кто?

[4] Elghinyrr — Мертвый.

[5] Dro — Живая.

[6] Waela! Dos — dro, dos — naergon! Uk elghinyrr. Dobluth! — Глупая! Ты — живая! Ты — скорбящая! Он — мертвый. Изгнанник!

ГЛАВА 15: Пополнение в рядах ополчения

ГЛАВА 15: Пополнение в рядах ополчения

Алкайна Вайне

Последние десять рассветов были пыткой. Мы шли, останавливались, разводили костер, ели и ложились спать, даже не ставя палаток. Вставали, и все по новой. Было ощущение, что мы бесцельно бредем вперед просто для того, чтобы идти. Остановиться и сделать хоть что-нибудь с душой было равносильно смерти. Любой разговор жестоко душился на корню. Иногда, особенно темными ночами, Ласкан плакал. Нет, он не рыдал как девчонка. Он просто плакал. Я не слышал всхлипов, были только одинокие капли и глухой звук падения влаги на сухой песок. Я уверен, что Широ тоже слышал этот рвущий сердце звук, но никак не реагировал. Эльф вообще будто умер внутри, а рядом с нами бредет просто оболочка некогда вспыльчивого первородного. Я был готов взвыть от такой обстановки. Радовало только скорое полнолуние. В прошлый раз я не смог вкусить всю радость ночного бега под полной луной, а теперь меня все каратели мира не удержат от этого. Иначе я просто сойду с ума в этой компании зомби. И какого, спрашивается, лешего я пошел с ними в Хрустальный лес? Приключений захотелось, так перебор уже. Мне бы жить простой, оседлой жизнью, завести пару и воспитывать волчат. Так нет, мне долг отдать вздумалось. Так отдал уже, хватит! Еще одного такого дня я не выдержу!

Все изменилось неожиданно. На одиннадцатое утро с того рокового рассвета Ласкан вдруг вскочил ни свет ни заря и унесся на восток. Спустя ват он вернулся весь в пыли, задумчивый и все время бормотал что-то себе под нос. Одну фразу я случайно подслушал.

— Пространственная яма. Точно, это должна быть именно она.

Но даже это бессмысленное бормотание было лучше, чем полное безразличие и отчуждение от внешнего мира. Широ тоже стал настороженно поглядывать на феникса, но не мешал его шизофрении развиваться.

— Может, сегодня поставим палатки? Холодает, — ни с того, ни с сего предложил Ласкан.

Я шокировано уставился на него. Но когда Широ кивнул и пошел доставать ткань и палки из мешков, я был на седьмом небе. Неужели жизнь налаживается?

Дальше все было еще лучше. К вечеру двенадцатого рассвета мы уже вышли на горную тропу и, решив не останавливаться на ночлег, шли по ней всю ночь. Все это время Ласкан что-то щебетал о пространстве и времени и каких-то там спонтанных порталах. Я, если честно, не сильно вдумывался в то, что он говорил, лишь бы не замолкал, как раньше. Его местами экспрессивная речь лилась как бальзам на душу. Я даже не заметил, как начало светать, и наш путь подошел к своему концу.

— Здесь живет мой старый друг. Он пострадал в сражении пятьсот весен назад, поэтому не реагируйте сильно на его шрамы. Это моя личная просьба, — и Широ постучал в массивные деревянные двери прямо в скале.

— Он поэтому живет на отшибе? — вот же любопытный феникс.

— Да Ласкан. И ты особенно будь осторожен в выражениях.

Кажется, кто-то надулся. Прямо калейдоскоп чувств по сравнению с прошлыми

рассветами. Меня радуют улучшения, не передать, как радуют.

— Похоже, его нет, — спокойно оповестил нас эльф и двинулся в противоположную от дома сторону.

— Ты куда? — не прыгать же с уступа, право? А вдруг?

— Он часто засиживается на Лунном плато. Любит там встречать рассвет.

У каждого свои причуды. Мы поспешили догнать эльфа. Как оказалось, плато действительно не далеко находилось. Всего в пятнадцати варах ходьбы от дома отшельника.

Поравнявшись взглядом с поверхностью плато, я наткнулся на целое поле страстоцветов. Оно было даже больше, чем то, на которое мы наткнулись в лесу. Надеюсь, Ласкан не станет снова спорить о цвете страстоцветов. Меня это вывело из себя в прошлый раз, думаю, повторно я тоже не сдержусь. Но мысли о цвете или еще какой-либо ерунде выветрились в миг, когда я ступил на поверхность плоской горы. Сделать еще хоть шаг, означало развеять видение.

Посреди поля, устланного цветами, в лучах восходящего солнца стояло наше наваждение, что преследовало нас последнее время наяву и во снах. Девушка весело смеялась, заражая своей радостью всех вокруг, и смешно морщила нос, когда незнакомый мне дроу рассказывал что-то очень заумное. Она всегда так делала, когда о чем-то глубоко задумывалась. Делает. Она делает так всегда, когда о чем-то глубоко задумается. Она жива. Дана жива!

Ласкан зи Верг Нало

О светлые мечты! Неужели она жива! Посреди ночи меня разбудил рывок жизненной нити. Со сна я не сразу понял, что это восстанавливалась связь с Данкой. Ее нить еще слабо, но уже ощутимо требовала к себе внимания. Отойдя на небольшое расстояние от внешних раздражителей, то бишь эльфа и оборотня, я смог убедиться, что банши здоровее некуда. Вот только не в том каньоне, где мы ее предположительно оставили, а где-то в горах. И как ее туда угораздило забраться? А вернее, когда? Здесь и нахлынули сомнения. А вдруг обманка? Нет, рассказывать о своем открытии я не стал. Лучше пусть будет сюрприз, чем разочарование. Особенно для эльфа. Широ вообще умер внутри. Его душа даже не тянет энергию жизни из природы. Такими темпами светлый умрет, не прожив и весны. Печальное зрелище — добровольно убивающий себя первородный. Он постареет через пол весны и иссохнет за остальные пол. Так уходят из жизни эльфы, что не в силах больше выносить свое бессмертие. Но в любом случае, за оставшиеся два рассвета он точно не помрет, а значит, потерпит.

Когда поднимались в горы, у меня уже не осталось никаких сомнений, что Дана попала в пространственную яму. Этаким блуждающий портал — природное явление, что появляется в самых неожиданных местах, к примеру, каньон. Это хорошо, что ее выбросило не посередине моря, а то могло и в сотне тат над землей выплюнуть из подпространства. Интересно, что же она увидела в пространственном кармане?

Я был прав, она жива! Одно дело быть уверенным в своих чувствах, другое — видеть счастливую, ехидную Дану, когда она всего в нескольких тарах от тебя. Слезы сами выступили на глаза, но теперь я не дал им возможности сорваться вниз. Я плакал о ее смерти, но ни за что не стану плакать по ее жизни. Я буду смеяться!

О Всезнающие! Что же творилось с эльфом, когда он понял, кто стоит перед ним. Это была детская радость, всемирная злость и безграничная любовь. Все это каскадом эмоций скользило по его лицу, не давая остановиться на чем-то одном. А еще эльфа снедал страх. Он не мог поверить, что это именно Дана стоит перед ним. Что это та банши, которая обзывала его, дразнила и выводила из себя. Он так боялся довериться зрению и слуху, что застыл на месте. Ведь коснись он призрака, и все чувства окажутся ложными.

— Она жива, Широарт. Я не хотел обнадеживать вас раньше времени. Иди, она не растает словно дым.

И он пошел. Банши не сразу заметила приближающуюся фигуру первородного, но когда он привлек ее внимание, девушка замерла. Я не знаю, каким было выражение лица у светлого, но когда наш гордый, самоуверенный эльф упал на колени и обхватил Дану руками, я все-таки не удержал слезу.

[Широварт ла Эк]

Это иллюзия. Искусная иллюзия, что создал Шантель. Не знаю, как он узнал о Су, не это его садистская шутка. Ведь не может и вправду моя милая девочка сейчас весело болтать с дроу и так заразительно смеяться. Вот ворот рубашки слегка съехал, у нее всегда шнуровка ослабевает, уж не знаю, что она с ней делает. Легкое, такое привычное движение плечом и убежавший воротник вернулся на место. У меня перехватило дыхание. Обернись, мое наваждение! Я хочу видеть твое прекрасное лицо. Твои маленькие ямочки, когда ты искренне смеешься, твои золотые глаза, что дороже всех сокровищ мира. Обернись, melda!

Но она меня не слышит. Непослушный локон щекочет слегка вздернутый носик, от чего Су слегка двигает им. Я не знаю, что твориться сейчас перед моими глазами? Кто-то так жестоко шутит со мной, или это подарок богов? О Всечувствующие! Пусть это не будет лишь моим видением.

— Она жива, Широарт. Я не хотел обнадеживать вас раньше времени. Иди, она не растает словно дым.

Как я ждал этих слов. Как я надеялся, что не единственный в своем безумии. Вот она передо мной, протяни руку, но как же это тяжело сделать. Невидимая сила не спрашивала меня, она просто повела меня в сторону мечты, что преследует меня во снах и наяву. Она заметила меня. Солнечные глаза скользнули по мне и остановились на лице. Мелкая дрожь прострелила все тело. Как я жаждал этого взгляда и только Севышние знают, что я готов за него отдать.

Выдержка изменила мне. Может они и к лучшему. Я упал на колени и сжал в объятьях свою несбыточную мечту. Но это было не из-за переизбытка чувств. Я слушал ее сердце. Со страхом и болью я приник ухом к ее груди, боясь, что трепетное женское сердечко мертво, а передо мной стоит поднятая мертвая. Бу-бух, бу-бух, бу-бух, глухо отозвалось изнутри. Жива! Не отпущу!

— Су! Темень, Су, ты жива! Не смей больше уходить, ты слышишь, не смей! Мне все равно, что ты сделаешь! Мне плевать, если ты разрушишь весь мир! Плевать, если испепелишь всех к ликановой прабабке! Ты не можешь меня бросить! Не имеешь на это право! Твоя жизнь принадлежит мне! Ты слышишь, она моя! Тьма, девочка моя, я сам убью тебя, если ты сделаешь хоть шаг от меня! Убью! Ты поняла! — я не кричал, я надрывно орал.

Боги, неужели я так сильно люблю эту девчонку. Меня же клинит на ней.

— Широ, милый.

— Да, melda.

— У меня ноги онемели, не мог бы ты отпустить меня? — как осторожно она интересуется. Неужели я настолько невменяем? ДА! Я сошел с ума от счастья!

— Нет! — рыкнул я. Это был рев таара, не меньше. Я защищаю свое. А Суара моя и только моя.

— Широ, волкалаки загрызи! Мне больно!

— Так и быть, отпущу, но не дальше, чем на тар от себя.

— Спасибо, — облегченно вздохнула банши.

Не тут-то было, я сгреб ее на руки в одно мгновение и понес к дому, походу бросив приветствие ошарашенному Аришантелю. Прости друг, сейчас не до тебя.

Я немного не в себе. А все почему? А потому, что один всем известный эльф нагло сграбастал меня в свои загребущие лапки, попутно гипнотизируя завидушими глазками. И если бы мне хоть дали прийти в себя, нет, меня не спросили. Уволокли, как зомби первый попавшийся кусок мяса в свое логово.

Широ, не церемонясь, выбил дверь, и, не оборачиваясь, понес меня в мои комнаты. Ах да, он же здесь когда-то жил. Зайдя в спальню, мою тушку сгрузили на кровать и присели у меня в ногах.

— Вислоухий, ты меня пугаешь.

— Скажи еще раз, — мне удовлетворенно улыбнулись, не сводя глаз с лица.

Ой, что-то мне уже страшно. Кто-то разум потерял в дороге и не вернулся подобрать.

— Что?

— Обзови меня, как ты только что это сделала, — и глупая-преглупая улыбка до ушей. Спасите! Тут пахнет плотоядными зомби. Меня сейчас сожрут!

— Вислоухий, — эльф разулыбался еще шире, хотя, куда уж шире. Шире только затылок!

— М-м-м-р-р-р... пр-р-р-релесь, — светлый терся щекой о мою ладонь, и у него это, похоже, происходило совершенно бессознательно.

Я медленно начала сдвигаться в сторону выхода. Что-то больно не нравится мне его кошачья натура.

— Убью... мр-р-р, — предупредили так ласково-мурлыкающе меня.

— А мне в туалет надо, — попытка не пытка.

— Вр-р-р-решь, — мне сейчас дыру в ладошке протрут, — я бы почувствовал.

Чего! С какого перепугу эльф мои естественные нужды чувствовать стал? Блефует, как пить дать, блефует.

— Блефую, ты пр-р-р-рава.

Ай-яй, кусать внутреннюю сторону не нужно. Не нужно, я сказала! Или можно... да, можно, если осторожно. Да-да, и за локоток можно, и за плечико. О да, вот именно тут, за ушком... Где?!

— А ну отлипни от меня, кошак озабоченный! Хатюнчики замучили? Иди себе киску по интересам найди. Тут таких целый род дреу! — вовремя оттолкнула от себя этого хитрого

кошару.

Ишь какой умный. Появился, на коленках поползал, а теперь как все мужики спустился до того же места, чуть повыше коленок. Башка-то вон уже пустая.

— Су, милая. Ну что ты?

— Я в своем уме, а ты нет. А ну давай в холодный бассейн. На тебя жара плохо действует, уже весь липкий стал. Вперед и вприпрыжку.

Послушался. Бросил на меня очередной жаркий взгляд, но когда тот не встретил отклика, понуро поплелся в ранее озвученную комнату, снимать свое помутнение.

— Темень и ее твари! Я так долго не продержусь.

Я, конечно, хорошая актриса, но не настолько. Да и разум отказывается работать сверхурочно на определенном этапе даже за доплату. Настанет день и этот женатый эльф добьется-таки своего. И знаете что? Я не буду самой несчастной женщиной на земле. Просто я буду еще одной из сотни этих несчастных. Бр-р-р, аж передернуло. Зато разум вернулся на рабочее место и отгулов в ближайшее время не предвидится.

— Су, ты еще тут? — раздалось из коридора.

— Нет меня.

— Завтракать пойдешь?

— Нет меня.

— Меня тоже, — и в спальню заходит по пояс обнаженный, с мокрыми растрепанными волосами Широ.

Пшеничные пряди жгутиками прилипают к влажной карамельной коже груди. Одинокие капли срываются с подбородка и кончиков волос, в то время как остальные то медленно, то ускоряясь, скользят по напряженным мышцам рук и живота, впитываясь в намокшие обтягивающие штаны, на которых местами проступают водянистые следы, свидетельствующие о том, что были одеты на голое влажное тело.

Я захлебнулась слюной. Хочу его, всего хочу, но я буду не я, если это самолюбивое божество узнает об этом. Орка с два он узнает! Слишком больно было в прошлый раз.

— Вартек, ты идешь завтракать? — раздалось все из того же коридора.

— Меня нет!

— Ясно, отдыхайте, — и слышались шаги удаляющегося дроу. Предатель!

— Хочешь, — маленькая пауза, за которую у меня сердце сделало прыжок с переворотом, — спать, Су?

Всевышние, а какие хитрющие глаза, просто сам демон инкуб. И куда мне бежать, куда податься? Не выпустит же.

— Хочу, — томно тяну, наблюдая, как расширяются ставшие вдруг вертикальными зрачки, — спать, — резко обрываю я.

— Хорошо, — абсолютно спокойно отвечают мне, — двигайся. Я толком не спал всю неделю из-за тебя.

— Широ, сейчас утро вообще-то.

— И что? Торопиться-то некуда, — эльф расстелил кровать и, нагло подмяв меня с одеялом к себе под бок, продолжил, — некуда спешить, melda. Мр-р-р, — и все это низким, мурлыкающим голосом мне на ухо.

А-а-а-а, мой сон зверски был убит этим его «мр-р-р». И где только научился, гад? Сейчас произнесет еще парочку двусмысленных фраз, и я желе. Куда пальчиком ткнет, там и отзовется.

И вот я, напряженная донельзя, жду каких-либо поползновений, а мне в ответ раздается всхрап и мерное дыхание спящего эльфа. Гордость стекла лужицей на пол и заползла за плинтус, чтоб не дай Всевышние, никто не заметил ее позора. Вот же первородная сволочь! Ну и выдержка! Ничего, я еще припомню. А так хотелось повоевать, я же соскучилась.

Темень! Кто же так истошно вопит? Накрыла голову подушкой, никакого толку. Ор дичайший! Вдруг кто-то накрыл мне уши ладонями, осторожно надавил, уничтожая любые звуки. Какие бережные руки. Руки гладят уши, шею, спинку...

— Эй! Куда полез! — завизжала я не хуже утреннего, поправка, вечернего оруна и подскочила с кровати. Благо так и не разделась сегодня с утра.

— Я ей массаж, а он визжит. Неблагодарная женщина.

— Слишком наглый массажист. Радуйся, что по рукам не надавала, а следовало бы, — я опустила прихваченное в побеге с кровати одеяло на простыни и пошла искать, чего бы пожевать. Завтрак и обед мы благополучно проспали, значит, ужин на нас двойной. Забредя на кухню, сразу заприметила бутерброды, так предусмотрительно сделанные заранее. Надо будет чмокнуть Шантеля за заботу. Какая домохозяйка в нем умирает. Мечта, а не муж.

Не смазанные двери заскрипели, пропуская очередного искателя съестного.

— Широ, ты не представляешь, у нас тут бутербродики, — схватила один в рот, два других в руки и повернулась к двери, продолжая бормотать с полным ртом, — ш мясом и шы-ы-ы-ы... — бутерброд вываливается изо рта, глухо падая мясом на пол, — сыром, — опарашено договариваю, смотря прямо в серые глаза правителя Марона. Кошмар какой-то! Еда мясом вниз упала, король на кухню заявился до того, как я поела, и, самое страшное, Альхерт меня нашел!

— Вы кушайте-кушайте, не хотел портить вам трапезу, — насмешливо сказал Его Величество и уселся на ближайший ко мне стул.

— Спасибо, у меня от вашего взгляда кусок в горло не лезет. Боюсь подавиться от вашего пышущего триумфом лица, — мы не при дворе, нечего ожидать от меня правильного поведения. И вообще, мы на территории горного народа, пусть идет со своим этикетом в Валларскую падь.

— А вы отличаетесь от себя предыдущей, — задумчиво произнес король, потирая большим пальцем подбородок.

— Если вы имеете в виду то, что не сажу на вас верхом и не пытаюсь убить, то да. А если поведение проститутки, то извините, не являюсь дамой легкого поведения.

Я нагло села на стол и стала уплетать свою добычу. Нет у него здесь полномочий. А хочет полюбоваться, так пожалуйста.

— Такой вы мне нравитесь гораздо больше, чем холодной императрицей севера. Но иллюзия была не плоха.

Темень! И вот как он меня нашел? Как догадался, что я та куртизанка? Иллюзия качественная была, Широ других не делает. Что-то не так с этим монархом. Слишком хитрый и догадливый.

— Су, ты там про бутерброды что-то кричала, только не говори, что ты их все приговорила. Буду бить! Я со вчерашнего вечера не ел. Оп-па!

На кухню заявился полуголый эльф. Ван на осмысление и фраза дня.

— Утречка, Величество. А мы на вас не готовили. Су, свари-ка чайку, — у Альхерта моська тапком, — и оставь мне, — эльф вырвал у меня из рук бутерброд с сыром. В неравном бою половина-таки осталась у меня в жадных руках.

— Кто не успел, тот опоздал, а чай сам себе вари. У тебя это неплохо получается. И Альхерту свари чего-нибудь на травках успокаивающего, а то у него уже глаз дергается, — указала я на правителя рукой с покусанным куском сыра и хлеба. Все! У короля на лбу крупными буквами переливается надпись «Ушел в себя, вернусь не скоро»!

— Ты б помягче, Су. Мы его и так обокрали, обдурили, еще и издеваемся. Не выдержит пожилое сердечко, того и гляди еще в убийстве монарха обвинят, а оно нам надо.

— А сам-то. Завалился на кухню полуголый, на короля, что на лишнюю табуретку треногу, ноль внимания, а потом я перегнула палку. Нет, милый мой, скопытится, ты виноват будешь. Я его и в одном подъюбнике почти раздетая до разрыва сердца не довела, а ты прошелся туда-сюда с нагим животом, и вон какой эффект.

— Слушай, малышка, а может он того, — эльф дернул головой, косясь на меня, — как советник, по мальчикам.

— Тогда иди, прячь Ласкана, а то он слюной захлебнется и от удушья помрет. Тоже на запланированное убийство покатит. Потом еще дроу оправдываться придется, — я все еще кое-как держала серьезное лицо. Широ же, хитрый прохвост, хихикал в чашку с водой, которую слишком часто попивал.

— Тогда и Алкая предупредим. Оборотень, это ж экзотика, пф-ф-ф, кха-кха, — и Широ подавился водой. Так ему и надо.

Не долго думая заехала светлomu пару раз по спине, с удовольствием и оттяжкой.

— Спасибо, Су, ты сама доброта. Кха-кха..., - уже от моей помощи закашлялся.

— Нищему серебрушку, страждущему горбушку, жаждущему кружку, — похвалилась я.

— Чай будешь?

— Вари давай, а то сейчас Его Величество отомрет, и мы так и не позавтракаем, тфу ты. поужинаем нормально. Речами своими так завернет, что у нас с тобой ушки завянут, особенно твои вислоухие. Эти вообще по полу волочиться будут.

— Вари сама, достала уши мои хаять, — светлый бросил взятый черпак назад в котел, — их, между прочим, все красавицы эльфийского и человеческого двора расхваливали.

— А что еще они расхваливали? — вдруг закипела я, — выносливость? Силу? Любвеобильность? А может женатость?! — плевалась кислотой я.

— Суара я...

— Что ты? Хочешь сказать, я и без твоего упоминания не помню, сколько этих самых «красоток» побывало в твоей постели? Или что ты у нас неизвестно с какого столетия женат? Что еще я не помню? Так напомни! — все, барьеры к оркам, ненависть на стены, а обиды на баррикады! Обороняемся сестрицы, нас осаждают!

— Девочка моя, успокойся, — эльф медленно пытался приблизиться.

Про Владыку вообще все забыли. Сидит себе в уголке, так пусть и дальше сидит, не жалко. Только пыль с него протереть надо будет, чтоб не заржавел.

— Сам успокойся, вывел ты меня, первородный, вывел.

— Су, не будет никаких красоток. Хочешь, хоть носки на уши повесь, только иди ко мне, — все приближается и приближается.

Орка с два тебе, светлый. А ну-ка, первый оборонительный состав, пли!

— Не налезут носки, там прочно обосновалась твоя супруга, сев на шею и повесив ножки на ушки, от того они и повисли, — попадание!

— Су, ты никогда мне этого не простишь? — уже сквозь зубы переливчатым голосом задали вопрос. Зря. Не хочешь получить плохой ответ, не задавай вопрос.

— Никогда, — залп на добивание.

— Я не голоден, — эльф развернулся и вышел.

Да больно, да жалею о своих словах, но я не прощу ему жену. Я себя знаю. Может мы и сошлись бы на время, но я не смогла бы быть всего лишь кем-то вторым. Я уже совершала подобную ошибку. Или нет? Как обычно память играет со мной.

— Отмирайте, Ваше Величество, все равно вам удалось услышать больше, чем предназначено для чужих ушей.

— А эльф у вас в напарниках весьма любвеобильный, — будто и не замирал вовсе. Я то уже знаю о его таланте притворства. Научена горьким опытом.

— Кто бы говорил? Вы вообще дам легкого поведения нанимаете, — я засыпала душистые травы в котел и залила ведром колодезной воды.

— Вы первая, — льстиво пропел король.

— Ой, правда что-ли? — наигранно удивилась, приложив руку к груди, — Все! Сейчас грохнусь в обморок, ловите меня быстрее, — приложила ладонь ко лбу, изображая скорую потерю чувств.

— С удовольствием, — и меня подхватили на руки.

Я растерялась. Уж чего не ожидала, так это такой прыти от монарха.

— А не надорветесь? — осторожно интересуюсь. Не хотелось бы потом и себя, и правителя на полу по кусочкам собирать.

— Солнышко, — мне ласково шепнули на ухо, — мне еще очень далеко до надрыва.

Миг, и под котлом ревет пламя, обдавая копотью пузатые бока и испаряя языками сбегающие капли. Я отрываю взгляд от бушующей стихии огня и натыкаюсь на два насмешливо прищуренных серебряно-серых глаза. В них играют рыжие всполохи, и вспыхивают искры.

Еще мгновение и все морщинки, кроме маленьких возле сверкающих весельем глаз, разглаживаются, омолаживая своего бывшего владельца на весен двадцать.

— Но как? — я совсем ничего не понимаю.

— Мой отец низший ифрит, а мать ведьма. Странно, что на трон допустили наследницу ведьму с человеческими-то предрассудками. Так еще мой человеческий отец понятия не имел, с кем водит дружбу его дражайшая супруга. Как узнал я в пятнадцать весен, сошлась она с низшим ифритом. Красавец был еще тот. Каминь реставрировал и у нас подрабатывал, что давало ему легкий и быстрый доступ в спальню королевы. Интересная история, правда? Как вы думаете, что сделают с королем полуифритом полуведьмаком?

— Сожгут, — переваривая информацию, ответила я.

— Правильно, дорогая. Еще и на главной площади, принародно. Вот от того и не хожу я налево уже давно. Супруга мой секрет прознала, и с глупости своей бабьей рассказала новоиспеченному советнику. А советник у нас кто? — ласково спросили меня.

— Альсакор, — не понимаю, к чему он ведет.

— Он самый. А он кто?

— Советник.

Мне по-доброму улыбнулись.

— Он василиск, чистокровный, — вот теперь кое-что складывалось.

— А Салван он... — не смогла договорить я.

— Его сын? — задал вопрос за меня Альхерт. Я кивнула.

— Да. Я слышал, что его кто-то зарезал, — у меня комок в горле встал.

— Не кто-то, а я! Поставь ее, где взял, — прозвенел эльфийский голос с порога кухни.

Широ уже был полностью одет.

— А то что, светлый? Твоя магия, кажется, вода. Да, Широварт ла Эк? Моя огонь. Огонь ифрита осилишь?

— ПОСТАВЬ! ЕЕ! НА МЕСТО! — отчеканил каждое слово эльф.

Монарх не спешил меня отпускать. Наоборот, он прижал меня крепче и поцеловал в уголок губ. Я не сопротивлялась, я вообще боялась двинуться под этим ужасающим давлением двух сильных оппонентов.

— Р-р-р-р-р, — раздался рык, — она моя!

— Пару вар назад девушка совершенно точно дала понять, что ты ей не подходишь. Слишком, — король сделал маленькую паузу, будто смакуя будущее слово, что произнесет, — польвованный.

Я закрыла глаза. И не зря, поскольку монарх отлетел назад, а я вместе с ним. Но в последний ван меня вырвали из рук Альхерта, подхватив на более родные.

Когда открыла глаза, Его Величество уже стояло на своих двоих, а из уголка его губ текла кровь. Я посмотрела на руку Широ. Точно, ссадина на правом кулаке. Сильно он его приложил, хоть король этого и не показывает.

— Молодой ты еще, не смотря на довольно солидный возраст. Я на вашу провокацию даже слова не сказал, а ты до насилия скатился в первые же вары. Как по-детски. Или лучше сказать по-звериному, — глаза полуифрита сверкнули, а Широ напрягся, — в любом случае, — он огорченно вздохнул, — не думаю, что твой Владыка одобрит нападение на союзника.

— Что? — удивилась я.

— Мы уже давно сотрудничаем с Алибаскаэлем, — Альхерт сел снова на тот же стул, не предпринимая больше никаких активных действий против Широ, или по отношению ко мне, — вы же не думали, что вся информация, которой владеет Хрустальный лес, добыта вашими эльфами-разведчиками? Что, правда думали? — мы молчали, — наивные. Признаться, ваше трио меня удивило, но все же недостаточно. Каждый раз с таким провальным планом отхода вам не удастся добывать информацию. Слишком небрежно действуете, пусть на этот раз и успешно, — полуифрит зажег шарик огня у себя на ладони и, закинув ногу на ногу, начал подкидывать его.

— Широ, поставь меня, — мою просьбу выполнили.

— Твое сотрудничество еще нужно доказать. Владыку отравили. Что ж ты об этом не сообщил? — кольнул эльф.

— А что я должен был сообщить Владыке под подчинением? Что его отравили ядом василиска и накинули петлю подчинения, пусть и частичную. Думаете, Альсакор не предусмотрел предохранитель у своего заклинания на такой случай? Тут оставалось только ждать, пока эльфы сами додумаются, что их Владыка не в себе. А вот уже теперь можно действовать открыто. Пока ты от меня не сбежала, я, признаться, не догадывался, что ты на эльфов работаешь. Только когда ты избавилась от яда, как от обычной капли алкоголя в крови, я начал тебя подозревать в сотрудничестве с Хрустальным лесом.

— А тебе это зачем? — прервал ифрита Широ.

— Сам посуди, эльф. Моя королева держит мои «сам знаешь что» в стальных тисках, и сотрудничество с вами единственный способ избавиться и от нее, и от этой хладнокровной сволочи. Устроил, видите ли, из моего дворца свою личную пыточную, садист ненормальный.

— Значит, тебе нужен трон?

— Трон, и рептилию вон, — усмехнулся от своего рифмования король, — и все! — он затушил хлопком огонь в руках и поднялся.

— Так что жду скорых вестей от Владыки, — и он направился на выход, — и да, милая, надоест у эльфов, милости прошу к нашему шалашу. Теперь у нас секретов нет, по крайней мере больших, — и он покинул дом дроу.

— Не знает он твоих «маленьких» секретов. Такие все его большие перекроют на раз, — не смог смолчать Широ.

— Спасибо за комплемент. Вода кипит. Лучше чай разлей, безгрешный самый! — И я присела на край стола, обдумывая все, что произошло. А произошло много всего.

ГЛАВА 16: Гости

— Что?

Мой удивленный возглас сотряс весь дом дроу, а соответственно и его скалу.

— Что слышала, Су. Наш дорогой монарх решил погостить у дроу. Укрепить связи, так сказать.

— То есть, за нами следить, — возмутилась я, нависая грозной тучей над сидящим эльфом. Будто это он лично поселил короля Марона в горной деревушке.

— А пес его знает! Но точно не дифирамбы о сотрудничестве дроу петь. Слишком просто для него.

— Оу, признаешь в нем достойного противника, — присела рядом с эльфом на нашу, с некоторых пор, кровать. Места, увы, у Шантеля не так много, а кроватей и то меньше.

— Не смейся, малышка. Скорее горы осыплются песком, чем этот полукровка сравняется со мной хоть в чем-либо, — сверкая самоуверенной улыбкой, эльф расслабленно откинулся на локти.

— Вай, какие мы недостижимые. Смотри, вислоухий, оторвешься слишком высоко от земли и можешь вовсе улететь в никуда, — я внимательно посмотрела на светлого. Все та же расслабленная поза. Вот же самоуверенное существо.

— Дана, Вартек! Портал откроется через час. Собирайтесь, — в открытые двери заглянул Шантель.

— Эх, а мне тут понравилось, — печально вздохнула.

— Не волнуйся. Позови, и я приду согреть тебя темными холодными ночами. Скучать нет смысла, — томно протянул эльф, заглядывая прямо мне в глаза.

— Да причем тут ты?! — возмутилась я и резко вскочила, — я буду скучать по Шантелю и чудесному времени, пока вы не набежали сюда и не разрушили мое умиротворение.

Широ обиженно посмотрел на дроу.

— Это все ты виноват, испортил мне ученицу, — и он, качнувшись, резко встал с постели, — пора собираться. Су, шевели лапками. Я твое снаряжение не стану собирать, неряха.

Есть такое. Не люблю убираться и вечно кладу вещи не на место. Вот потом и приходится лазать везде и выколупывать нужное из самых темных закоулков комнаты.

Буквально через пять вар эльф был полностью собран, тогда как я все еще пыталась выскрести свои кошки из-под кровати. И как только оказались там? Сами заползли что-ли? Да еще так крепко в пол впились, что без помощи мне их не достать. На мой умяляющий взгляд никто не повелся.

— Нет уж, Су, помогать не стану. Когда я два дня назад наступил на твое снаряжение босыми ногами, все мое сочувствие вмиг испарилось. Я твоими кошками себе насквозь ступню проткнул! Так что сама, девочка, все сама, — и светлый вышел из нашей комнаты.

С какой-то стороны он прав. Наступи я на свои кошки, тоже вбила бы их в пол по самое не балуйся, чтобы, не дай Всевышние, не перевернулись когтями вверх снова. Но зачем же

это делать под каменной кроватью, которую только орков пять сдвинуть и смогут? Это уже мечь мне.

Провозилась я изрядно, но все-таки вытащила снаряжение с горем пополам. А горе это звали Алкаем, и силенок у него в полнолуние уйма. Так что по большей части работало горе, а я только протираала собой пол под кроватью, подбадривая оборотня, и лезла ему под руку.

— Ты даже собраться нормально не можешь. Может у тебя судьба такая, Данка? Вляпываться всегда и везде? Так ты скажи, а то уже страшно с тобой дальше идти, — беззлобно возмутился феникс, облокотившись о косяк дверного проема и наблюдая за моими сборами.

— А еще позавчера ты лил по мне слезы и так радовался, что я жива. Какой же ты непостоянный, — ответила я. Феникс покраснел и, буркнув что-то, скрылся в темноте коридора.

— Я тоже пойду. Вроде к потолку ничего не прилипло, а, значит, с остальным справишься сама, — и оборотень направился на выход. Не тут-то было.

— Ага, только сними, пожалуйста, мои хватки с люстры, и я тебя больше не задержу.

Алкай обреченно застонал, но просьбу выполнил. После чего шустро сбежал, пока я отвлеклась на одежду. Ужас! Ни одного порядочного мужчины рядом нет.

— Ат ши а ри...

Ши а ри шу та...

Шу та ши а ри...

Ри ши а шу та...

От этого шелестящего голоса у меня озноб по всему телу. Неужели она вернулась? Зачем? Добить?

— Хи-хи...

— Зачем ты здесь? — довольно грубо поинтересовалась я. А нечего было пытаться меня убить.

— Вспомнила?.. — спросил воздух, слегка шевеля мои волосы.

— Вспомнила. Тебе-то что с того?

— Все-о-о-о?

— Нет, — грубо отрезала, надеясь, что сильфида отвяжется. Не отвязалась.

— Никому-у-у не сказала-а-а-а...

— Догадливая.

— Хи-хи... умная-а-а-а... — заговорщицки похихикала моя неудавшаяся убийца.

— Не жалуюсь. Что хотела?

— Вернуть память...

— И для этого ты закинула меня в подпространство? — съехидничала я.

— Да-а-а-а... — вполне серьезно ответила сильфида, — только так ты могла-а-а вспомни-и-и-ить...

— Лучше не вспоминать, чем пережить такое. Зачем вообще вмешалась?

— Боль... невыносимая боль душит тебя-а-а-а... гнетет... разрывает... умреш-ш-ш... скоро-о-о-о-о...

— Обнадежила.

— Память поможет... смириться... должна смириться со своей болью-у-у-у... или умреш-ш-ш-ш...

— Мило. Но я все равно не понимаю, зачем это тебе? — я уже не оглядывалась по

сторонам, а просто расселась на кровати и, смотря в одну точку, выпытывала мотивы сильфиды.

— Последняя-а-а-а... без тебя-а-а... мир ослабнет... нельзя этого допусти-и-ить...

— А мне плевать, чего вам там нельзя допустить! Я вообще чуть не свихнулась от этих наплывов памяти. Я даже толком не понимаю, что они значат, — вспыхнула я. Но сильфида была на удивление спокойна.

— Время-а-а-а... нужно время-а-а-а... прощай пробужденная-а-а-а...

На меня резко налетел порыв ветра, обдавая теплом и свежестью, а потом, качнув занавески, вылетел в окно.

— Вот тебе и сильфы, папаша их, тайфун неуравновешенный, — нервно выдохнула я, откинувшись всем телом на одеяло.

Да чтоб я еще хоть раз связалась с духами! Да ни за какие пирожные мира!

К portalу я подходила в каком-то заторможенном состоянии. Мысли роем носились в голове, жалясь на любую попытку ухватить их за хвост. Я чуть помедлила, а потом вышла из-за выступа на открытое пространство, где толпились дреу и мои друзья по несчастью.

Лунный свет окутывал все вокруг, создавая поистине сказочное зрелище. На возвышении напротив друг друга стояли двое темных в расшитых золотом фиолетовых рясах и с церемониальными кинжалами в обеих руках. Лица мужчин были скрыты от посторонних глаз низкими капюшонами, оставаясь неузнанными. Легкие порывы ветра шевелили дорогую ткань, от чего она струилась фалдами, как волнами вода, но сами дреу даже не шелохнулись. Словно две величественные статуи, замершие в одинаковых позах в вечности. Несгибаемо сильные и неизменно изящные.

Неожиданно жрецы вскинули вверх оружие, замерли на ван, а потом молниеносно обрушили руку с кинжалом вниз, полоснув правым лезвием воздух и так же резко, крест-накрест, левым. Я знала, что пространство должно быть разрезано магическими кинжалами, прежде чем портал будет открыт, но никогда не видела этого вживую. Вот кисть слегка отклоняется назад, изящно выгибая сустав, а потом стремительно несется вниз со смертельной скоростью. Идеально отточенные движения. Жрецы абсолютно синхронны, будто две части одного целого.

Замерцал воздух, предвещая скорое открытие портала, и жрецы отступили в разные стороны. Еще миг, и на месте, где двое существ церемониально разрезали пространство, появилось бело-голубое марево перехода. Ближайший ко мне дреу повернулся и одним легким движением скинул свой, цвета лиловой бури, капюшон. Тусклый, звездно-лунный свет охотно заиграл на нитях белоснежных волос, еще четче подчеркивая контраст с его шоколадной кожей, а глянцево-черный глаз лишь неярко блеснул в рассеянный мрак.

— Это было... — я глубоко вдохнула для пламенной речи о красоте ритуала и вдруг поняла, что слов моих явно не хватает, чтобы описать всю прелесть действия и свой восторг от него, — ... было... ах... и просто АХ! — неоригинально закончила я.

— Рад, что тебе понравилось, — Шантель открыто улыбнулся с немаленькой толикой гордости за свой народ, подошел вплотную ко мне и крепко обнял, — я уже волновался, что ты опоздаешь.

— Так портал вроде еще три ночи работать будет? — озадачилась я.

— Это так. Он будет работать на прием все трое суток, но на отправку нужно настраивать, — меня мягко отстранили продолжая удерживать за плечи, — маги уже вплели настройки в узор портала. Вас выбросит близ границы с Хрустальным лесом. Увы, но

доступная местность только Пустынные степи. Можно открыть и на границу с Мароном, но это слишком далеко от столицы.

— Степи, так степи, — пожалала я плечами, — нам там бывать не впервой.

Шантель улыбнулся.

— Я рад был познакомиться с тобой, дорогая. Ты скрасила мое одиночество, пусть и на краткий миг. Двери моего дома всегда открыты для тебя, девочка, — и он снова прижал меня к себе, шепча на ухо, — возвращайся, я буду ждать.

Обе изуродованные ладони легли мне на лицо, невесомо касаясь кожи и даря легкое тепло, а обескровленные губы благословили мой путь поцелуем в лоб, как благословляют родственников. Я растерянно взглянула исподлобья на дреу. Мне ответили веселой, но с толикой грусти, улыбкой. Я его понимала. Мне тоже понравилось уединенное жилище темного, и наше спокойное, размеренное течение жизни за эти две недели.

— U'nef.[1]

— G'rfite,[2] — чуть язык не сломала, но на удивление чисто произнесла я.

— Иди, — и меня подтолкнули к порталу, что активировался на заданный адрес в тот же миг, как рука дреу перестала меня касаться.

— Чего так смотрите? — поинтересовалась у всей остолбеневшей компании, — ну выучила я парочку слов на языке дреу, так что, теперь в обморок от этого падать, — и гордо прошествовала мимо медленно отмирающих спутников. Про то, что язык сам по себе выучился, я предусмотрительно умолчала.

И вот, всего пара шагов до жидкой пленки портала, в которую мне придется нырнуть первой. Не ждать же, когда все очухаются. Я тогда вообще предпочту остаться тут. Нет, надо резать по живому, а значит, медлить нельзя. Как же не хочется покидать горный народ.

Вдруг гладь портала пошла рябью, немного остудив мой пыл. Не люблю неожиданности, а странные визуальные вибрации ими и являются. Ой, что-то подозрительно ярко начал мигать портал, неужто, в самоволку решил слинять. Плохи тогда наши дела. Откуда-то сзади раздался хор неслаженных предостерегающих голосов.

— Прием!

— Портал перенастроили на прием!

— Кто-то уже в подпространстве! Надо уходить!

— Назад! Все назад!

Ой, как не нравится мне все это. И почему не бегу со всеми, а продолжаю гипнотизировать голубоватую рябь, будто она от этого успокоится. Ага, щас! Неужели старый добрый столбняк меня нагнал?

— Дана! Уйди с траектории!

Кажется, это эльф. Волнуется. Я оборачиваюсь на его крик. Время замедляется. Ласкан стоит в стороне, отесненный дреу и с полными ужаса глазами смотрит на меня. Что? Все настолько плохо?!

Оборотня держат двое темных, но он ранит одного острыми когтями, вырываясь из захвата, и бежит в мою сторону. Ступня касается земли одновременно с первой каплей крови из разодранной руки воина дреу. Все движется так медленно. Даже звук оглушает своими низкими частотами. И Широ, что стоит в пяти тарах от меня, что-то надрывно крича, движется слишком заторможено, будто рывками, пытаюсь преодолеть временной барьер. Лицо все напряженно, вена на шее вздулась. Его губы медленно движутся, произнося что-то непонятное, а все тело напряжено. Какой-то треск сзади. Медленно поворачиваю голову. Из

портала на меня летит что-то черное и очень большое. Не успеть! Удар!

Ласкан зи Верг Нало

Я думал, поседею раньше времени. Это же надо такому случиться. Я даже не заметил, как меня оттеснила с траектории выброса группа дроу. Мой взор был направлен на банши, что все еще стояла у самой кромки портала. Никто не рискнул подходить так близко, чтобы убрать ее подальше. Оборотня схватили, а Широ получил заклятие остолбенения в спину. Вот только это не помешало ему орать что-то банши и все же двинуться к ней навстречу. Но поздно. Ему не успеть. Портал задрожал, на что обернулась Данка, и выпустил из своих мерцающих объятий огромного вороного жеребца. Девушке оставалось просто ошарашено стоять, ожидая, когда зверь рухнет на нее сверху, оборвав ее жизнь. У меня остановилось сердце.

Я всю таращился на банши, ожидая самого худшего, как вдруг что-то изменилось. Воздух заискрился вокруг коня, преображая животное в худощавого мальчишку как раз перед самым столкновением. Грохот, и слабое тело плакальщицы погреб под собой юный кельпи. Слава Всевышним!

О Всевышние, я чуть не отдала вам душу! Когда эта махина вдруг вынырнула из портала, я уже мысленно попрощалась со всеми. Но не тут-то было. Летел конь, а приземлился на меня мальчишка. И какой-то очень знакомый мальчишка.

— Кайя! Темень и ее твари! Ты решил меня отправить на тот свет!?

— Дана... — как-то хрипло и изумленно спросил сидящий на мне сорванец, внимательно вглядываясь в мое лицо, — Дана! — истошный вопль и на меня навалились всем телом в попытке обнять. А как по мне, так просто придушить, раз уж пришибить не получилось.

— Малолетний изверг! А ну слезь!

— Дана! Ты жива! Как я рад! Я думал ты умерла-а-а-а! — и мелкий вконец разревелся.

— О Всечувствующие, ты, вообще, что здесь делаешь?

Мне не ответили, только в очередной раз всхлипнули и продолжили расширять мокрое пятно на моей рубашке. Я уже хотела бесцеремонно скинуть мальчишку, но мне не дали. Из портала выскочил еще один вороной жеребец, но в отличие от первого он не имел седой гривы и хвоста. Зато имел всадника, что прибавил веса, когда зверолошадь на нас наступила. Случайно, конечно же! Все! Если Палан не найдет себе хранителя в ближайшее время, пуцу на колбасу!

— Суа! Богиня Равновесия! Ты жива! — кричал знакомым голосом наездник.

Видеть его я не могла. У меня уже просто в глазах потемнело.

— Ненадолго, — прохрипела я, — еще вар и будет лепешка!

Палан, наконец, сообразил, что вес у него не маленький и есть все шансы расплющить нас по-настоящему, поэтому убрал свою лапицу с ушибленных меня и Кайи.

— Вставай скорее, Суа! Тьма! Да на тебе живого места нет! Неудивительно, что Кайя решил, будто ты мертва.

С коня спешился светлый эльф. И судя по шоколадным глазам и волосам, это Владыка.

— Баск? — с надеждой спросила я.

— Да, дорогая, это я, — надо мной склонились, стягивая обвисшего на моей тушке кельпи.

— Не хочу огорчать... кха-кха... но я была в идеальном состоянии вар назад, а вот вы меня чуть не прикончили... кха-кха!

— Прости, девочка. Просто мы так переживали, что не были в силах ждать ни вана. Как только открылся наш портал, так и рванули в него, — меня приподняли, — как же я рад, что с тобой все в порядке.

— Р-р-р-ра-а-а-ар!

Я дернулась. Рев эхом разнесся по горам. Вывернувшись в объятьях эльфа, выглянула тому за плечо. Лучше бы не выглядывала.

Мой учитель стоял во весь рост, скаля острые клыки, что и дроу обзавидуются, и держал на вытянутой руке темного, что, кажется, пытался остановить моего учителя заклинанием.

— Баск, он же его разорвет, — пискнула я.

— Значит, есть за что, — холодно ответил Владыка.

— Вартек, — грубый окрик привлек мое внимание. Шантель! — отпусти его, он выполнял приказ. Спасал жизни тех, кого мог. Нельзя наказывать за исполнение долга, — сухо закончил дроу.

— Он атаковал в спину, р-р-р-р!

— Широ, я в порядке. Не стоит, — ой, и чего полезла-то. Меня прожгли синим пламенем.

— Если бы это было не так, его даже не нашли бы, — рявкнул светлый, но все же отпустил дроу, дернув рукой, будто стряхивает грязь.

А дальше все плохо, потому что Широ четко шел ко мне, и вид его не сулил мне ничего хорошего.

— Широарт, возьми себя в руки, — спокойно, но твердо предупредил Баск.

— Заткнись! — отрывисто рыкнул первородный и буквально выхватил меня из рук Владыки, — К драконам все!

Я замерла в теплых объятьях, боясь спровоцировать эльфа.

— Как ты? — слова рокотом отдавались в груди светлого, отчего я почувствовала дрожь своим крепко прижатым к нему телом.

Всевышние, эльфы не рычат! Что, банши обори, тут твориться?!

— Впо...впорядке...

Широ поцеловал меня в макушку, отчего я зажмурилась, и понес в сторону одинокой скалы, где за уступами скрывался дом Шантеля. Не нужно было даже поворачиваться, чтобы удостовериться: вся компания идет за нами.

Кухня, магический свет, стол и все мы за ним.

— Спасибо, что подвез, учитель. Но, может, уже посадишь меня? — сделала очередную попытку спуститься с рук неугомонного эльфа.

— Тебя что-то не устраивает? — на меня ТАК посмотрели, что устроило все и сразу.

— Ага... то есть нет..., - ой-ей! А тучи-то сгущаются. Штормовое предупреждение! —

да, устраивает, — энергично закивала я.

— Эх, — тучки зашипели напоследок и рассеялись. Меня усадили на ближайший стул, — тебя вообще опасно из рук выпускать, так и норовишь угробиться. Даже помогать не надо.

— Кто бы говорил. Ты меня и гробил последние четыре сотни весен, раз так пять за рассвет, — пробурчала негромко я, хотя и ежу понятно, что светлый слышал. Только не ожидала, что и мой розовый рубин слухом запредельным обладает на пару с кельпи.

Вот же попала! Два супер любопытных взгляда так и норовили содрать с меня шкурку и посмотреть, что кроется под ней. Бр-р-р! Даже передернуло, такие жаждущие знаний глаза у них.

— Ну, если вопрос с твоим местом расположения решен, поговорим о насущном, — Баск сидел напротив меня полу боком, облокотившись о стол и уперев указательный палец себе в висок, — вам удалось?

Разъяснений не требовалось. Мы с Широ дружно кивнули.

— Как мы и думали, за кражей в Ритаре и переворотом в Мароне стоит герцог Венаргс Олсана. Его армия почти готова к захвату. Принца сместят, не дав даже приблизиться к трону. Потом герцог намерен подмять под себя Ритар и без особых усилий завоевать Марон. Альсакор фактически уже взял правление страной на себя. Все продуманно на десять ходов вперед. Вот только выход из подчинения эльфийского Владыки не входил в его планы. Да и вряд ли Олсана в курсе, что Альхерт не человек. Так что подгадить мы все-таки сумели, пусть и не существенно. Пока, — закончила доклад я.

— Когда он пойдет на Ритар?

— Не раньше, чем разберется с нами, — Баск скептически посмотрел на меня, — по крайней мере, попытается, — тут же исправилась я.

— Отлично. Теперь объясните мне, почему оборвались все связи с Даной. Я полмесяца считал ее ушедшей за край, а кельпи и вовсе в зомби превратился, — Владыка посмотрел на притихшего Кайю. Длинная черная челка хорошо скрывала выражение его лица, — Из него будто душу вынули.

— Половину, но это все равно смерть, — тихо поправил мальчишка.

— Кошмарик, — ободряюще улыбнулась кельпи. Бедняга, он еще не пришел в себя после случившегося. У ребенка стресс на лицо.

— Я тоже потерял связь с Данкой, — вдруг перехватил инициативу феникс, — по всему выходило, что эта ненормальная свернула себе шею в каньоне. Но, как оказалось, ее не так просто убить. На редкость везучая она у нас, — фраза «сделал гадость, на душе радость» так и читалась в бесовских глазах птички, — в блуждающий портал попала. Не знаю, сколько она пробыла в подпространстве, прежде чем вывалиться в свеженькую могилу, — и откуда узнал-то! — но спонтанное перемещение и нестабильный портал оборвали все нити, что связывали Дану с нашим миром.

— Отсюда и иллюзия смерти, — задумчиво гипнотизируя дыру в стене, что не так давно сотворила я своим неумным любопытством, сделал вывод Баск.

— Да, Владыка. Связь начала восстанавливаться из обрывков прежних нитей, поэтому так долго и не давала о себе знать. Я ощутил слабые подергивания с той стороны только через две недели. А я был значительно ближе к источнику, чем вы. Для вас обрыв связи был менее ощутимым, но более продолжительным, — как завернул, даже я чуть не упустила смысл сказанного.

— Я не узнал бы о пропаже, если бы не Кайа, — эльф сочувственно глянул на кельпи, — он на собственной душе и теле ощутил разрыв уз хранителя и спутника.

— Это, конечно, очень печально, но мы ушли от сути, — Шантель сидел справа от меня и до сего момента был лишь пассивным слушателем. Я даже немного дернулась, когда он внезапно заговорил своим хриплым, ломаным голосом, — у нас в поселении король Марона, и пришел он по ваши души, — темный перевел взгляд на нас с Широ.

— Подождите-ка! Альхерт здесь?! — Владыка разве что не подпрыгнул от энтузиазма, который я не разделяла.

— Здесь Его Величество «ведьмак тире ифрит», — тут же отозвалась я, — и сейчас я задам вопрос, ответ на который решит какими будут наши дальнейшие отношения, — я предостерегающе посмотрела на Баска. Он явно занервничал, хоть внешне этого и не показывал. Ничего, милый, тебе полезно. Не будешь в следующий раз скрывать информацию, — Как давно ты сотрудничаешь с королем?

О, сейчас можно взять ножик и резать ломтиками напряжение, такое оно плотное вокруг нас.

— Давно, — твердо ответил светлый. Вот только глаза врать не могут. В них мимолетно, но проскальзывало беспокойство.

— А мне сказать не судьба? — строго спросила. Так просто прощать его молчание я не намерена. Скольких проблем можно было избежать. Можно было избежать встречи с Салваном... Незаметно для самой себя, я начинала злиться все больше.

— Тш-ш, спокойно, — мне на плече легла испещренная застывшими во времени ранами ладонь, — прошлое зыбко. В нем можно утонуть, если слишком долго им жить. Поверь, дорогая, я знаю лучше всех какого это, быть потерянным для будущего, застряв в прошлом, — он грустно улыбнулся. Злость сама собой сошла на нет.

— Суа, я не был уверен, что Альхерт остался на нашей стороне. От него долго не было вестей, да и мотивы его были туманны, — Владыка откинулся на спинку стула, — признаться, я знал, что он ведьмак, но вот про ифрита, для меня новость. Рисковать вашими жизнями, позволив положиться на ненадежного человека, не в моих правилах, — он оставался бесстрастным, холодным Владыкой Хрустальных лесов, но невзначай проведя ребром среднего пальца по подбородку, слегка задев губы, он выдал себя с потрохами. Алибаскаэль нервничал.

— Я не уверена на счет целей короля, но он сейчас тоже не в самом удобном положении. Возможно, переговоры нам что-либо да дадут.

Я отнюдь не собиралась лишаться такой хорошей возможности получить сведения от первоисточника в лице монарха.

— И я совершенно не против вести переговоры с тобой, драгоценная моя, — голос исходил откуда-то из коридора, и уже через вар перед нами стоял король собственной персоной, — а я вам гостинцев принес, — и, не обращая внимания на наши ошарашенные лица, положил на середину стола тряпичный мешок, из которого лился чудесный аромат сдобы. Я еле сдержалась, чтобы не слотнуть.

— Владыка, — ифрит чуть склонил голову в почтении.

— Ваше Величество, — ответил кивком Баск, более пренебрежительным, чем мог бы позволить себе король Марона. Разница в статусе, как ни крути, видна невооруженным взглядом.

— С кремом, — заметив мои голодные взгляды, пояснил полуифрит, игриво

подмигивая, и, взяв стул из угла, сел между оборотнем и Баском, прямо напротив меня. Его манипуляции с мебелью заставили Алкая подвинуться, тем самым потеснив Кайю с Паланом, тогда как Ласкан остался сидеть, прикрываемый слева Владыкой, а справа Широ.

— Альхерт, что заставило тебя прийти с визитом к горному народу? — игнорируя его нахальное появление, задал важный вопрос Баск. Эльф один из немногих, кто сейчас не убивал короля взглядом.

— Твоя разведчица, — мне снова подмигнули, а Баску досталась широкая улыбка во все имеющиеся белоснежные зубы, — слушок прошел, что Владыка светлых подчинение снял. Вот и решил, что пора возобновлять сотрудничество. А кто лучше всех справиться с этой задачей, нежели приближенная.

— Под предлогом погони решил наладить старые связи, — подвел итог эльф, — рассказывай, — без предисловий потребовал мой названный брат. Как он его раскрутил, даже завидую.

— Вы, ребята, дико невезучие. За вами направили целый отряд проклятых. Но... — дождавшись наших удивленных, испуганных и нервных взглядов, и вздохов, король продолжил, — они пошли на север.

Снова вздохи, но уже облегчения. Рано, как оказалось.

— И снова вы попали под несчастливую звезду. Их возглавляет разумная. Недолго Магнолия плутала у северной границы, ища ваши следы. Она, как и я, догадалась, куда вы подались. И здесь появился маленький, но плюс, — он снова замолчал, вытягивая из нас последние нервы.

— И? — не выдержал оборотень.

— И это я, — самодовольство так и лилось сквозь его счастливую физиономию.

— Пф-ф-ф, — не выдержала я.

— Зря не веришь, моя нимфа любви. Каратели уже третий рассвет ходят вокруг да около, ища способ вас прикончить, — сердце ухнуло вниз, забившись в сумасшедшем ритме, — территория дроу держит их на расстоянии, но в не ее вы — ходячие мертвецы.

— Они з-здесь, — неосознанно запнулся феникс. Ему и оборотню было сейчас совсем не до шуток.

— Здесь. А так как и вы здесь, то они доложили о вас советнику. И это удача, которая поможет нам всем.

— Не вижу здесь удачи, — переливчатый голос услаждал слух. Интересно, почему Широ заговорил только сейчас.

— О, она есть. Сегодня прибыл советник, — Альхерт хищно улыбнулся, а в глазах зажегся огонь, что тут же проглотил своей пламенной глоткой двадцать лет жизни своего хозяина, — охота началась!

Это звучало, скорее, как приговор, а не ключ к спасению.

[1] U'nef — Удачи.

[2] G'rfite — Спасибо.

ГЛАВА 17: Портал сработал на прием

— И почему вы все столпились в моей спальне? — закономерный вопрос, если на вашей кровати разлеглись два кельпи и один Владыка.

— Ну, с принцем я уже пообщался наедине, как, впрочем, и с Широ. А тебя я просто давно не видел, — его нежность через слова окутывала меня своей теплотой.

— А я решил связь закрепить, все-таки разрыв уз не такое обычное дело, — охотно поделился своей причиной пребывания в мой комнате кельпи.

— Ты-то ладно, а вот зверобратец что здесь забыл?

— Брата, — абсолютно спокойно оповестили меня. И ведь не поспоришь.

— Баск, зачем ты его притащил, а? — я с положения стоя упала поперек на свою мягкую кровать. По-другому и не получилось бы, слишком много лишних на ней обосновалось.

— Мне же надо было на ком-то ехать. Да и Кайю он не отпустил бы одного.

— Ясно, — а что еще сказать, ведь и так понятно, откуда ноги растут у этой идеи, — Баск?

— Что?

— А как ты вообще на монстра залез? Он же, вроде как, неприкасаемый? — я даже привстала, чтобы посмотреть на эльфа.

— Э-э-э... я дал клятву, что не попытаюсь завладеть его волей. К тому же, ты старшая, а я, вроде как, родственник. Но это одноразовый пропуск на спину кельпи. Мне понравилось, — Владыка улыбнулся как мальчишка, получивший свой первый настоящий меч.

— Я рада за тебя. Жаль, что наше спокойствие не продлится долго, — я тяжело вздохнула.

— Ты не уверена в нашем плане? — Владыка заложил руки за голову и откинулся на одеяло рядом со мной.

— Не очень. Против карателей у нас есть только ифрит, да Шантель со своей магией огня. Даже если все пройдет гладко, уничтожить проклятых не получится. Нужен...

— Маг земли, — закончил за меня Али.

— Да.

— А таковой остался во дворце.

— Да.

— И это не дает тебе покоя, — подытожил эльф.

— Баск, ты не видел того, что видела я. Он развеял дюжину карателей за какой-то вар, а цена за это была смехотворной. Всего-то потеря контроля над телом, — я воодушевленно пыталась в чем-то убедить светлого. Вот только в чем? Я соскучилась по Ваньке и до сего разговора не понимала насколько, но сейчас мое восхищение его силами нам ничем не поможет.

— Я верю тебе, Суа. Но его здесь нет. К тому же, ты слишком быстро спустила мага

воздуха со счетов, — наигранно обиделся Владыка и отвернулся.

— Баск, ну Баск, — я пыталась повернуть его к себе, куда там. Эльф притворился на славу, — я знаю, что ты сильный и можешь зашвырнуть этих мертвяков очень далеко, но ты не подпалишь их как Шантель или Альхерт. Все-таки огонь эффективнее против нежити, — оправдывалась я.

— Ладно, сестренка, на сей раз прощаю, — продолжил играть Баск, — но запомни, Владыку эльфов всегда надо брать в расчет.

— Непременно, Ваше Величество, — я изобразила нижайший поклон, насколько это было возможно в положении лежа.

— Суардана, — вдруг заговорил Палан.

— М-м-м?

— Кайя заснул.

Это он намекает, что кельпи остается здесь? А мы знаем, что если один здесь, то и второй тоже.

— Неси его в гостиную, — поспешно выпалила я.

Понятливо улыбнувшись, зверобратец подхватил кошмарика и понес его в соседнюю комнату. Еще бы он не оскалился, специально же все это проделал, лишь бы поиздеваться.

— А вы хорошо ладите.

Я недоуменно уставилась на, вроде как, мудрого правителя. Это в каком месте мы ладим?

— С полуслова друг друга понимаете, — или он слеп или издевается.

— Ага, с полупинка, — поправила я.

В дверь неожиданно постучали. Ну что неймется этому клыкастому копытному? Поправочка, когтистому.

— Что случилось? Небо на гору рухнуло что ли?

В проеме показалась белая макушка.

— Дана, Алибаскаэль, портал снова сработал на прием.

— И? — одновременно лениво выдавили полусонные мы.

— И мы приняли, — слегка настороженно поглядывая на нас, уточнил дроу. Его явно озадачивало наше непонимание.

— Кого? — снова у нас с эльфом синхронно получилось.

— А в этом и вся проблема, мы не знаем, — мстительно выдал Шантель, и вышел. Видимо наше безразличие и не гостеприимство его чуть-чуть разозлили. А в нас-то любопытство проснулось. Кого это посреди ночи из портала принесло?

— Зря мы так, — озвучил нашу общую мысль Баск, — теперь из него подробностей не вытянуть. Всевышние, сон как рукой сняло.

— Да уж, пока не узнаю, кто наш смельчак, бессонница мне обеспечена.

— Нам, — поправил эльф.

— Эх, — обреченный вздох двух лентяев.

— Пойдем? — кивнул на выход Владыка.

— Пойдем, — согласилась я.

И вечный бой, покой нам только снится! Мы с Баском чуть ли ни все ближайшие хребты облазили, но даже маломальского следа не нашли. Кем бы ни был наш ночной гость, прятался он преотлично. Шантель с Широ тоже остались ни с чем. И тут возникает проблема, а не спутает ли нам все планы этот нежданчик. Ведь уже все решили на

коллективном собрании, раздали роли и инструкции к применению. Не дай Всевышние, кто прознает о нашей затее.

Вот за такими неутешительными мыслями мы и вернулись под утро в скальный домик. Ласкан, сволочь розовая, до сих пор дрыхнет. Алкай еще не вернулся с ночной прогулки, полнолуние как-никак. А вот что кельпи делает в моей спальне? То, что не спит, ясно по его стоящей фигуре.

— И чего не спиться тебе в такую рань? — обессилено заваливаясь на кровать, спросила я. Только и успела, что сапоги скинуть.

— О! Ты вернулась.

Кажется, я погорячилась, он спал стоя.

— Ага, так зачем ты здесь?

— Так интересно же. Поймали? — Кайя резво отскочил от окна и в два прыжка оказался над моей головой.

— Кого? — с силой расплющиваю сонные глаза и в упор смотрю на свеженькую мордашку кошмарика, а тот цветет и пахнет. Даже завидую его бодрости. Я сейчас максимум могу приподнять голову, чтобы тут же плюхнуть ее на подушку.

— Э-э-э... не знаю, — растерялся мальчишка.

— Я тоже. А теперь брысь, коняшка, у меня сонная кома по расписанию, — и, не обращая внимания на чуть ли не завалившегося на меня Кайю, повернулась на бок и с головой нырнула под одеяло, — сон, сладкий сон. Мням!

Только я ступила во владения Морфея, как меня грубо оттуда вытянули.

— Кайя! Зомби тебя за ногу! Отдай одеяло!

— А ты забери, — скакало это недоразумение в моих ногах с шерстяным трофеем. Какой он все-таки ребенок.

— Темень! Я хочу спать! Сгинь, умоляю.

— Но ты не ответила на мой вопрос, — обвинили меня. Было бы в чем.

— На какой?

— Вы поймали его?

— Кого? — как-то знакомо разговор пошел.

— Э-э-э... Дана! Ты издеваешься! — раздраженно вскрикнул кельпи, но одеяла так и не отпустил.

— Нет мелкий, я сплю, — захихикала я, снова укладываясь на подушку. Орк с ним, с одеялом!

— Ну ответь, я же умру от любопытства-а-а, — заканючили у меня над ухом.

— Не поймали. А теперь возвращай украденное и вон!

Как бы ни так, мне явно не дадут сегодня поспать.

— Дана-а-а, а почему?

— По кочану, да по капусте. Отстань мелкий, или я тебя с утеса сброшу!

— Ну Дана!

Главное не отвечать и он сам отстанет. Должно же ему надоесть? Правда?

Я так и думала, пока он напевал какую-то белиберду. Я игнорировала его, когда он начал репетировать какой-то танец с моим снаряжением в роли отбойных молотков. Я даже простила ему разбитые светильники, не подав при этом признаков жизни. Но когда этот малолетний садист начал делать мне «расслабляющий массаж», как он это назвал, моими кошками, я поняла — он не уйдет, и на это можно ставить хоть всю гору с дроу в купе.

— Все, мелкий! Ты труп!

— Ва-а-а-а! — заорало это недоразумение, скорее от радости, чем страха и дало деру из спальни.

Может, ну его? Пусть бегают, а я спать. Ага, будто что-то или кто-то помешает ему вернуться и вытрясти-таки из меня душу.

Я соскользнула с кровати, подхватила со стула еще влажное полотенце и затаилась за дверью. Ох и отобью я ему одно место, сидеть с неделю не сможет! И вот она — долгожданная месть! Замах и что есть мочи выбрасываю вперед руку со скрученным полотенцем. О, это будет адски больно!

— Ра-а-ар! — что-то большое кубарем летит на пол, и это явно не Кайя. А еще под этим кем-то с остренькими ушками и золотыми волосами растекается травяной настой. И что-то подсказывает мне, что пар идет не от свойств травок, а от кипятка. Мама!

— Я убью тебя! — взревели с пола.

А ведь это мои слова. Я тоже кое-кого убью, если меня раньше не отправят на покой. Вечный!

— Пха-ха-ха! Ну ты даешь!

— Мелкий, слишком весело тебе для мертвого...

— А ты слишком спокойна для того, кто через вар составит ему компанию, — мелодично пропели за моей спиной.

— Ик!

Не представляю лицо учителя сейчас, раз даже Кайя заикаться стал. Осторожно показываю кельпи на круглый деревянный столик глазами, а потом на выход. Ответом мне был очередной «ик».

Рывок в сторону, мальчишка опрокидывает стол под ноги эльфу, грохот за спиной, но мы не оборачиваемся, а на всех парах несемся прочь из дома.

— Подожди у меня, мелкий. Я тебе устрою каникулы у Всенижного за такие выходки.

— Да кто ж знал, что его нелегкая к тебе с утра пораньше принесет, — сверкая пятками впереди меня, оправдывался кельпи, — я бы в жизни не стал испытывать его терпение, тем более шутить над ним. А ты его полотенцем, да еще по лицу. О Всечувствующие, нам конец! — простонали мы одновременно.

— Мы в полной и беспросветной! — заключила я, — кошмарик, а какого я на своих двоих бегу? — вдруг осенило меня, — а ну быстро перекинулся и меня на спину подхватил!

— Хорошая мысль, — и передо мной уже бежит шикарный жеребец, черный как смоль, с бело-пепельной гривой, — запрыгивай!

— Счаз! Уже! А ну тормози, я на тебя и в стоячем положении не залезу, а ты хочешь на ходу! Я не самоубийца, — начиная задыхаться и сбивать дыхание, из последних сил крикнула коню.

— Широ догоняет!

— А-а-а! — и я на Кайе! Как? Сама не знаю!

Оборачиваюсь, а сзади никого. Похоже, эльф отстал.

— Не делай так больше!

— Но сработало же, — оправдывался мальчишка.

— Твое счастье. А теперь давай на Лунное плато, Широ его терпеть не может. Там и заляжем до вечера, пока светлый не выпустит пар, отправив парочку друу на тот свет.

— Поддерживаю.

Страшно признаться, но о сне я даже не вспоминала. Шоковая терапия, некромант ее упокой!

— Дана.

— Чего тебе, палач моих сновидений?

Я лежала на травке в окружении страстоцветов с закрытыми глазами, дабы не начать выдирать эти злосчастные цветочки с корнем. Как же они меня раздражают своим цветом! А каким именно, меня вообще доводит до бешенства!

— Тебе ведь нравится эльф? — ничего себе вопросы с утра пораньше!

— И?

— Тогда почему ты не отвечаешь ему? Ведь и оборотню ясно, что ты ему дорога.

— Прости, но Баск для меня как брат или дядюшка, но никак не любовник.

— Я про Широ! — взволнованно уточнил Кайа, — и ты меня поняла.

— Поняла, поняла. Вот только ты ошибаешься. Светлomu я не нужна. Я всего лишь его долг. Моя защита, это все что его волнует.

— А я так не думаю, — прошептал мальчишка.

— А я и не думаю, я знаю, Кайа. Не первый день с ним знакома. Широ был моим учителем очень долго и то, как он меня учил... — я запнулась, — тебе лучше не знать.

— Но я хочу услышать причину, — вот любопытный.

— Я тебя предупредила — я села, внимательно посмотрела в глаза парню и продолжила. И только боги знают, чего мне стоил мой спокойный голос, — Широ учил меня не только выносливости и боевым навыкам, он так же тренировал меня как шпиона. И эти тренировки были много жестче чем у остальных, — я неотрывно смотрела прямо в лунные глаза кельпи, — он учил меня умирать. Молча.

Легкое дыхание воздуха коснулось глаз, заставив меня отвести взгляд. Стремительно набирающие объем капли медленно, но верно пересекали границу века, изливаясь на прохладные щеки. Это ветер. Это не я плачу. Всего лишь ветер.

— Он топил меня по несколько раз за рассвет, возвращая к жизни, чтобы начать эту пытку снова, пока я не перестану умолять. Пока не произнесу ни слова. Пока я не буду готова принять смерть как должное — молча. Проходили дни, а он не останавливался. Топил, душил, останавливал сердце магией. К моменту, когда эти пытки закончились, я уже сама желала безмолвной смерти, лишь бы не видеть его васильковых глаз в обрамлении золотых нитей, что прядями падали на мои щеки, когда он душил меня в очередной раз. Холод его взгляда убивал лучше любых рук и магии. Его присутствие рядом было невыносимо. Я ненавидела его, ненавидела сильнее всего на свете, и это чувство не угасло по сей день. Я ни на миг не забываю, что он чудовище, которое прерывало мое существование сотни раз.

Я незаметно смахнула в очередной раз набежавшие слезы. Нечего перед ребенком реветь. Стыдно даже.

— Дана... прости, я...

— Не надо, милый, — я погладила его по щеке, — это было давно и не правда. Просто забудь. Ведь я почти забыла, — Кайа судорожно обнял меня, — Знаешь, меня гораздо больше ранили его слова, чем действия, — я вздохнула его макушку.

Держась за мальчишку, как за последнюю опору, что держит меня от провала в омут прошлых переживаний и ненависти, я медленно успокаивалась. Но до полного покоя мне было еще слишком далеко.

— Ты прав, он засел в моем сердце и уже давно. Когда-то я его туда впустила и получила пощечину. Одну из тех, что опаляют щеки на протяжении всей твоей жизни. Стоит только сблизиться с ним, как острая боль внутри напоминает об истинном положении вещей. Возможно, это и к лучшему.

— Но что он сделал? — кельпи поднял на меня глаза, и, увидев что-то лишь ему ведомое, осекся — прости...

— Ничего, — я вновь погладила его по волосам, пропуская смоляные нити вперемешку с белоснежными косичками сквозь пальцы, — мы почти стали близки с ним. Я открылась, принимая его ухаживания, но вмешался рок. Нас вовремя остановили, вернув в реальность. Никогда не думала, что словами можно нанести физические раны, но я чувствовала их. Чувствовала всем телом, как что-то с треском рвется внутри, выпуская струйки теплой крови, что ознаменовала конец всему. Всего лишь подвернувшаяся под руку девчонка, ему сошла бы любая. На весь дворец прогрехотал его певучий голос, вырывая слезы откуда-то из обрывков души и...

Я замолчала, а перед глазами так и всплывала картина. Я, полуголая, сижу в кровати, крепко прижав простынь к груди и до крови кусаю губу. Кровь перемешивается с солеными каплями и струйками стекает с подбородка на шею, рисуя алые подтеки на коже. Я уже ничего не вижу, но к своему безумию, отчетливо слышу. Громкие звуки складываются в слова. Слова в предложения. Предложения обретают страшный, жестокий смысл:

— Жива твоя зазноба, Владыка. Не подпортил я ее, — самодовольство и пренебрежение звенели в воздухе, даже когда слова затихали. Безмолвие не было им помехой, — просто от долгого воздержания крышу снесло. Ты мне служаночку через минутку пришли, а лучше двух. А то с этой даже от переизбытка низменных чувств ничего не пошло.

Звон. В ушах стоит монотонный звон, ограждая меня от дальнейших слов, что были произнесены. Наконец-то его голос стих. Наконец-то он отпустил меня из своего мучительного плена.

— ...на... Дана!

— А?

Я вдруг резко стала видеть. Взволнованный мелкий трясет меня, пытаюсь добиться хоть какой-то реакции. Медленно ползущий, опаляющий кожу своим огнем, шар проходит точку зенита. Кучевое облако в форме таара настигает его, норовя укрыть в своих объятиях. Ветерок холодит кожу лица чуть сильнее в местах мокрых дорожек, выветривая их до полного исчезновения. Реальность. Она лучше, чем могла бы быть.

Домой мы возвращались в полном молчании, говорить не хотелось. Солнце медленно, но верно приближалось к горизонту, слабо освещая вечерние горы. Еще несколько ват и мы покинем Валларский хребет.

— Наши, наверное, уже собираются, — нарушил затянувшееся молчание Кайа.

— Эх, а я даже не успела выпасться. Еще этот неизвестный гость, — пожаловалась я, ожидая раскаяния. Куда там, ноль реакции! Бессовестный мальчишка!

— Странно, что его даже дроу не нашли.

— Согласна. Маскируется хорошо.

Подходя к дому в скале, произвольно замедлила шаг. Необычная тень скользнула по

каменному выступу и скрылась. Может, я бы и отреагировала иначе, но сонный разум отказывался заострять внимание на чем-либо кроме еды и, собственно, сна.

— Дана! — голос был удивленным, а фигура высокой и широкой. Поражаюсь своему восприятию сейчас.

— Да, — еще и ответила. Похоже, мне совсем плохо.

— Да ты жива! — вот не пойму, он обрадовался или разочаровался?

— Была вар назад, сейчас не уверена, — спокойно отвечаю и обхожу застывшую фигуру, направляясь к дому. Темно, почти ничего уже не разобрать. Голос-то знакомый, а что толку, если лица не видно.

— Ее контузило? — вполне серьезно интересуется незнакомец.

— Ага, воспоминаниями по темечку съездило, — ай маладца мелкий, умеет колкости говорить. Плохо, что про меня.

— Ладно, мне тут больше делать нечего. Пусть безмозглый с зомби-банши пообщается, — как-то загадочно произнес голос.

А я все шла к дому. Больше суток без сна с пробежками и неожиданными гостями — это тяжело. Не ровен ват свалиться в затяжной обморок, переходящий в глубокий сон.

— Дана, ты жива! — вот этот голос явно испытывал щенячью радость по поводу моего нахождения среди живых.

Оценить свою значимость для этого некто не успела. Меня снесло стеной и припечатало к стене же. Весь воздух разом вышел и возвращаться не хотел, а без него плохо.

— Дана, я нашел тебя! А меня все бросили, во дворце пусто. Из комнаты не выпускают. Я сбежал. Ты живая! О, а я поймал ящерицу, — верещало нечто басом, и не думая пустить хоть капельку воздуха в мои легкие, — но она больше не шевелится. Эльф со странными сине-голубыми глазами сказал, что я, олух такой, ее укукошил. Я не понял его. Но ты не волнуйся, я поймаю еще одну и покажу тебе, — и меня еще крепче притиснули к железной груди, напрочь лишая каких-либо ощущений, кроме боли и хруста костей.

— Пусти ее, ненормальный. Дана сейчас все внутренности выплюнет тебе в лицо.

Ужас какой! Не дай Всевышние, предостережение кельпи сбудется!

— Ой, прости. Но я так рад тебя видеть, — меня, наконец-то, отпустили.

— Темень и ее твари! В чем я запуталась?!

Движение рук сковывало что-то похожее на сеть, причем очень запутанную.

— Я не виноват, — пробасил несчастный, оправдываясь. Разве что ножкой не покрутил. Хотя, в темноте не видно, может и покрутил. Этот мог.

— Ванька, что за паучья ловушка? Чем ты меня обмотал? — допытывалась я, трепыхаясь в плену, как мотылек в паутине.

— Я нечаянно. Ты же ушла, а я никому другому не давал трогать свои волосы.

— Так это волосы?! — я ужаснулась. Не початый край работы меня ждет.

— Эльфы пытались расчесать, но... — он замолчал на полуслове. Ой, не нравится мне это.

— Что «но»?

— Но переселили меня в другую комнату, — закончил мой ненормальный.

— Причем здесь другая комната? — или я тупая или мир такой.

— Сказали, что покушение на главу старшего дома карается казнью, — мне уже страшно.

— И?

— И план второго этажа отдадут младшему дому Виерн.

Все, конец подкрался незаметно. Совет распнет меня на границе Хрустальных лесов, чтобы другим неповадно было.

— Что ты сделал?

— Ничего. Меня просто закрыли в комнате без окон. Там еще двери такие большие и крепкие. Правда, странно открываются.

— То есть? — мне уже и так хуже некуда, пусть продолжает.

— Ее нужно поднимать, выносить, а потом ставить назад. Первый раз было тяжело, но я справился. Потом научился ее без грохота ставить, — а какая счастливая улыбка озаряла его лицо, когда он говорил о своем достижении, что подписало мне смертный приговор. Любо-дорого смотреть, если б не на тот свет отправляться в скором времени.

Да уж, Баск не обрадуется отсутствию второго этажа во дворце. Но, с другой стороны, я рада, что он последние две недели проторчал в Хрустальном замке, ожидая открытия стационарного портала. Меньше знает, дольше Малыш живет.

— Еще один вопрос. Ты вчера ночью через портал пришел? — я в этом уверена, но уточнить стоит.

— Нет.

— Как нет, — да как так! Не может быть!

— Это он прошел через портал, — мой ненормальный тыкал пальцем себе в грудь, обозначая того самого нарушителя, — сам бы я не смог. Он согласился, что ты в опасности и тебя нужно найти.

— Маньяк за меня беспокоился? — я вылетела в астрал. Меня даже медитация в него не выводила, а тут так просто.

— Да. Мы боялись, что ты умираешь.

— Не зря. Опасность была, — я взяла Малыша за руку, — пойдем, горе луковое. Нас уже все заждались. Только про дворец ни слова, — я строго посмотрела на белобрысого мужчину с громадным гнездом на голове. Мне кивнули.

— Ох, и как маньяк довел себя до такого состояния?

— В комнате зеркал не было, — поднял завесу тайны своей лохматости бывший раб.

— На его счастье, — злорадно выдала мстя.

ГЛАВА 18: Пробужденная

О, как убийственно мы любим!

Как в буйной слепоте страстей

Мы то всего вернее губим,

Что сердцу нашему милей!..

Ф. И. Тютчев

Тишина. Спокойствие. Безмятежность. Природа дышит ночным воздухом, переживая очередное затишье в своей жизни. Все течет своим чередом, медленно, размеренно, но, увы, это не постоянно. За каждым таким затишьем скрывается буря. Яркий голубоватый свет осветил опушку леса, ознаменовав ту самую бурю, что разрушит хрупкое спокойствие этого места.

Из образовавшегося портала, следуя друг за другом, вышло девять существ. Северная граница человеческого государства встретила гостей одиноким уханьем совы и легкими порывами остывшего осеннего ветра. Ни что не предвещало битвы, но они были к ней готовы.

Скользя корявыми тенями по остывающей земле, к незнакомцам приближались два десятка проклятых. Их зловонные морды застыли в оскале, предвкушая скорое извращенное наслаждение, что так любили неживые. Они спешили к своим целям, дабы растерзать их несовершенные тела и грешные души. Они живут этим, в этом смысл их существования.

Прибывшие не реагировали на угрозу, замерев на том месте, куда выпустил их портал. То ли страх завладел их храбрыми сердцами и задушил их волю, то ли было что-то, чего не знали проклятые. Что-то, что переломит ход событий.

До столкновения жертв и хищников оставалось всего несколько шагов, когда каратели прекратили свое движение, напорвшись на стену огня, что окружила их, не давая возможности преодолеть эту преграду. Смятение, гнев и жуткий рев мертвых тварей. Хищник превратился в жертву.

— Я говорил, что все получится, — глубокий мужской голос был адресован союзникам.

— Не спеши. Еще советник и разумная. С ними так легко не получится, — прожурчал эльфийский баритон.

— Верно мыслиш-ш-ш-ш, светлый.

Прошипели со стороны и сгусток мертвой энергии обрушился на прибывших.

Не зря говорят, когда план проваливается, ты можешь часами размышлять, что же пошло не так? Где была ошибка? Это не будет давать тебе покоя. Так было и со мной. Идея поставить ловушку на проклятых была великолепной, пусть и исходила от ифрита. Благодаря королю, мы узнали, что советник планирует вычислить место, куда мы выйдем и открыть туда портал, тем самым застав нас врасплох. Этим и плохи стационарные порталы,

координаты выхода и входа может узнать любой. Это даже магу-новичку под силу, не говоря уже о разумной проклятой. То бишь, куда бы мы не направились, советник нас найдет. А из поселения нам не выйти, каратели патрулируют близлежащие территории. Вывод — мы в ловушке. Были. Пока не явился Баск. Вот только упускать такую хорошую возможность избавиться от советника упускать никто не хотел. Особенно король Марона. У него в этом деле шкурный интерес.

И вот наша слабость превратилась в нашу силу. Мы могли выбрать место для сражения и подготовить его заранее. Работа на опережение была нашим приоритетом. Только для нашего плана нужно было открыть обычный переход, чтобы подготовить место. А для портала нужны маги. До сих пор не понимаю, почему не Широ открывал портал. Ему и дроу разрешение дали, и король Марона. Что может сделать с проклятыми маг воды? Да ничего! Полить их дождиком, чтоб лучше росли! Все остальное им побоку. Они и так мертвы. В голове всплыл недавний разговор.

— Пусть портал открывает Широ, а назад Баск.

— Нет, Суа. Широ нужен в бою. Его магический резерв не должен быть пуст, — спорил со мной Владыка.

— Да кому нужен его резерв! Он против карателей, что муха против дракона!

— Ну ты загнула, красавица. Эльф неплохо держался в прошлый раз, спасая меня с Ласканом, — вмешался оборотень.

— Ты вообще молчи. Обернешься псиной, и в кусты, вот вся твоя роль. Не мешай, — может грубо, но лишний открытый рот мне сейчас не нужен. Как и предполагала, оборотень заткнулся.

— Девочка, ты нарываешься. Я магией огня тоже владею, — прорычал учитель.

— На зачаточном уровне. Сколько ты ямок сделаешь, прежде чем выкачаешь весь свой резерв? — я упрямо смотрела на светлого, — три, четыре? А что потом? Не знаешь? Так я подскажу. Твой труп потом! Бездушный!

— Дана, я не боец, — спокойно смотря на меня, прохрипел дроу, чем отвлек от Широ, — я воевал последний раз пять сотен весен назад. Я хромой калека, слепой наполовину и с нестабильной магией. Какой из меня воин? Я отшельник, только и гожусь, что в жрецы. Поверь, мои силы стоит использовать для открытия портала. Это лучшее решение в данной ситуации.

— Но Шантель...

— Никаких «но», — довольно решительно прервал меня темный, — я не пойду с вами. Мое место здесь. Я открою портал на границу, но не более.

Спорить или уговаривать его я не решилась, как и все остальные. Было что-то в его голосе, что убеждало в непоколебимости принятого решения. Такие нотки часто звучат у Широ, когда решение принято окончательно и бесповоротно. Если подумать, Баску они тоже не чужды. Вот что значит старые знакомые.

— Портал назад открываю я, — прервал молчание Алибаскаэль, — Альхерт, ловушка на тебе.

— Понял уже. Других кандидатур с магией огня все равно нет.

— У нас есть Ван.

Лучше б молчала. Воспоминания о косорукости обеих личностей Вани были еще свежи, а значит, ответственные вещи ему ни за что не доверят. Быстрее Валларская падь зарастет.

— Будет свои способности на карателях отрабатывать в открытом бою и подальше от

нас, — озвучил общую мысль Ласкан.

— Ладно. Шантель открывает портал на северную границу Марона. Его Величество ставит огненную ловушку, а Баск открывает проход назад. Ничего не упустила? — описала вкратце план я.

— Ничего. Советник на вас, — король посмотрел на Широ, Малыша и Ласкана, — Магнолия моя. Если кто и сможет ее остановить, то только я.

Никто не стал спорить. То, что разумная опасна, я поняла еще во дворце, когда заключала сделку. Иметь с ней дело, себе дороже. Так пусть ифрит, хоть и наполовину, сожжет мертвую.

— Тогда вам двоим пора, а мы начнем готовиться к переходу, — как всегда взял на себя командование Широ. Удивительно, но никто не спорил.

Эх! Тогда Баск с Альхертом прошли через портал, оставили подарочек и вернулись. Все шло как по маслу. Мы попрощались с Шантелем, я уже во второй раз, и прошли через стационарный портал точно на то место, где карателей ожидал сюрприз. Я даже выдохнула, когда заклинание активировалось, и проклятые застряли в огненной полусфере. Но почему мертвая оказалась позади нас? Как они успели рассредоточиться, если их портал открылся позже? С этого все и пошло наперекосяк.

Сгусток мертвой магии разбросал нас, как клочки от лопнувшего шарика. Сознание помутилось от боли, но я быстро взяла себя в руки. Не время скулить о треснувших ребрах.

— Широ!

— Здесь, — отозвались где-то слева от меня.

Пространство застлала густая пыль, поднятая ударом. Из-за этого сложно было что-либо разглядеть. Кто-то резко дернул меня в сторону, а мгновением позже в землю, где я стояла, вошло толстое черное магическое копьё. Все ясно, Магнолия решила прикончить нас первыми. Вот только кого, нас?

— Суа, прячься за мной.

Одной рукой эльф утаскивал меня себе за спину, другой крепко зажимал рану на животе. Его лицо было спокойно, но в шоколадных глазах полыхала боль. Его сильно задело. Возможно, именно он закрыл меня собой при первом ударе проклятой.

Еще пара копий просвистела над нами, лихо отбитые магией воздуха Владыки.

— Темень и ее твари! Кто же знал, что эта стерва так сильна, — глухо выругалась я, — и зачем ты вообще один полез за мной к древу?

— Скучно во дворце сидеть. Заседания, документы, делегации, балы. Достало все, — эльф повернул слегка голову и криво улыбнулся, — давно хотел устроить себе каникулы.

— Хороши каникулы, ничего не скажешь, — я чуть присела позади эльфа, давая ему больше места для маневров.

Как оказалось, вовремя. Еще несколько черных копий летели в нас, но Баск ловко сместил их с траектории удара. Незачем тратить и так истощившийся резерв на блокировку атак, достаточно просто чуть-чуть сместить их.

— Где остальные, ликаны задери? — не выдержала я. Почему нападали только на нас?

Пыль немного осела и стало возможным разглядеть силуэты. Кто-то перекидывался заклинаниями с Магнолией. Полагаю, это король. Широ теснил василиска, вот только с закрытыми глазами это было тяжело. Алкая и кельпи видно не было. Наверняка затаились, как и мы. А вот Вану не повезло. Его ударом зашвырнуло в ту самую злосчастную огненную ловушку, где два десятка карателей топчутся. Всевышние! Пусть он выберется!

Не прошло и пяти ван, как в нас снова полетели копыя. И это явно не Магнолия их швыряла. Ифрит задал ей такой темп схватки, что у нее просто не было на это времени. И тут песочный туман, наконец, рассеялся, являя нам еще двух разумных. Ошибиться было невозможно. Два высоких смуглых мужчины были точной копией друг друга. Угольные волосы водопадом падали на оголенные плечи и спину, частично скрывая их. Ярко-красные глаза переливались всеми оттенками алого, пугая своими отблесками. Два могущественных существа. Два мертвых низших ифрита.

— У нас серьезные проблемы, — спокойно констатировала факт.

— И не говори. Кха-кха... — на траву упали несколько темно-вишневых капель, — кха-кха, как не вовремя вы ребята... кха-кха!

Нет-нет! Только не это. Внутреннее кровотечение, ликаны погрызи! Всезнающие, что же делать? Глупый вопрос. Я знала, что.

— Varnasse![1] — и я направила руку с браслетом на эльфа.

Тут же золотистый купол пленкой расползся вокруг Баска. Такой браслет был у каждого. Дроу, по доброте душевной, поделились с нами своей магией, дав сильные амулеты защиты и стазиса. Теперь светлый впадет в сон, а его рана застынет во времени до момента, когда мы будем способны оказать ему помощь.

Баск медленно оседал на землю, и до последнего с ужасом смотрел на меня. Да, я осталась без защиты, и он это ясно понимал.

— Прости, братишка, но с такими ранами и пустым резервом тебе тут делать нечего, — прошептала я.

Теперь главное, не дать разрушить кокон. Он, конечно, прочный, но прямых атак не выдержит много.

— Глупо, — одновременно пыхнули паром духи огня.

— А это уже мне решать. Urin nir!

На последнем звуке воздух вокруг моей правой руки задрожал и явил сапфировое свечение магического клинка с алой вязью. Как пояснил мне Баск, клинок олицетворяет две стихии: воду и огонь. Против ифритов самое то.

— Магия крови, — зашипели близнецы не хуже змей.

— Она самая. Подходи по одному, — честно говоря, я не испытывала той же уверенности, что звучала в моем голосе. Но выбора все равно нет.

Где-то за спиной противника засияло золотое свечение. Активировали защиту. И судя по оскаленной морде проклятой, это Альхерт. Темень! Вся надежда была на него. Кто теперь справится с Магнолией?

Странно, но братцы не спешили меня атаковать. Неужели магия крови настолько сильное оружие. Тогда я просто в восторге от этого громоздкого неподъемного клинка. Даже отсутствие навыков ведения боя с обоюдоострым мечом теперь не огорчает.

— Так и будем стоять? — не выдержала я.

— Разберемся с твоими друзьями, а потом все вместе прикончим тебя, — раскрыли свой план ифриты.

— А сами никак? Страшно, — продемонстрировала свой оскал во всей красе.

— Муторно, — спокойно ответили мне, даже не шелохнувшись. Точно мертвые. Живые ифриты горячи и вспыльчивы. На такую открытую провокацию купились бы, как воины желторотики. Их хлебом не корми, дай кого поджарить на медленном огне.

— Ждем, значит?

— Ждем.

Хорошо, что защиту не пытаются разрушить. Глядишь, еще мы их, а не наоборот.

Не знаю, как долго мы пялились друг на друга, но наши гляделки прервал предсмертный крик и разрыв пространства. Магия смерти сокрушающей мощи снесла разумную, распыляя останки по воздуху. Всевышние, откуда такая сила? Некромант архилорд, не меньше!

Близнецы тоже занервничали, не понимая, откуда здесь взяться магу с таким уровнем силы. Я уже была готова от страха сорваться с места и затаиться в лесу, но меня накрыло силой. Она исходила от выпущенного потока. Что-то начало шевелиться глубоко внутри, пробуждая естество, открывая ему путь наружу.

Смерть! Она вокруг. Она во мне. Такая родная темная энергия. Моя! Свобода!

Я дышала этими чувствами, как воздухом, пила силу, как воду. Купалась в черном тумане страха и ужаса. Вихри сырой первозданной магии кружили меня. Это моя истинная магия, моя сила. Магия смерти!

Оковы спали. Печать снята!

Широварт ла Эк

Ликанова проклятая! Она притащила с собой двух разумных ифритов. Неудивительно, что их сил хватило на открытие второго портала за нашими спинами. Какое расточительство сил, но сработало, орки заруби! По части неожиданностей они от нас не отстали. Надеюсь, Альхерту хватит сил усмирить Магнолию. У меня тут советник в противники записался. Ну что ж, пусть будет так. За сына отомстить хочет. А не надо было его в приказном порядке посылать за нами. Сам знает, что приказ старшего василиск под страхом смерти не может проигнорировать.

— Ты сам убил своего сына.

— Знаю, — прошипел советник, — ты умрешь за то, что я не видел его смерти, — и василиск ослабился в безумной улыбке. Да он больной!

Огромный минус в сражении с василисками в том, что смотреть в глаза этим тварям нельзя. Вот я и скачу вокруг него как кролик, избегая взгляда. Выше ног никак не поднять, заморозит.

— Широварт, могу я? — сзади раздался ровный голос феникса. Он просит меня уступить ему место? Нет, я, конечно, поставил ему два блока, но он и вправду решил сражаться?

— Широварт, это моя личная просьба, как принца клана Нало, — Ласкан стоял ровно, сжимая тонкий клинок в правой руке. Глаза его были скрыты в тени нависших волос, отчего было невозможно прочесть хоть крупицу его эмоций.

— Не имею права отказать, — я посторонился.

А принц серьезно настроен. Сейчас весь его вид источал силу и благородство, ни капли детскости или избалованности. Советник пожалеет обо всем, что успел сделать фениксу. Ласкан закроет ему рот навечно. Без сомнений.

Что-то настойчиво отвлекало меня от разворачивающейся картины, и вскоре я понял что. Дана погрузила Владыку в стазис. Значит, Баск был очень плох. Надо поспешить к банши на помощь.

— Куда ты, эльфик? — проскрежетала разумная, швыряя одно из своих излюбленных

орудий — сырую мертвую магию.

Я увернулся, попутно заглядывая за ее спину. Неужели король повержен? Так и есть, золотой кокон стазиса ярко блестит в свете двух лун, оповещая всех о еще одном выбывшем.

— Слабенький у вас ифрит. Мои сильнее, — самодовольно протянула мертвая, — от вашей девчонки и косточек не оставят. А жаль. Неплохо было бы заполучить ее в свою коллекцию кукол.

Тьма! Так Дана вышла против ифритов. О чем только думает эта полоумная?! Ей ни в жизнь не выстоять против них!

— А чего так разволновался? Спокойно, светлый. Я избавлю тебя от участи лицезреть ее кончину. Ты умрешь первым! — и Магнолия бросила в меня с десятков некромантских копий в зеленом могильном огне.

Сильная тварь! Такими техниками не все высшие некроманты владеют. Кто же тебя создал, чудовище?

— Попробуйся.

— Провоцируеш-ш-шь? — она снова запустила пару копий, прикрывая ими заклинание мгновенного разложения.

Заклинание попало на деревья, что тут же начали гнить у нас на глазах.

— Не доросла еще, деточка.

— Ш-ш-ша-а-аш-ш-ш, — думаю, она разозлилась.

Выброс сгустка сырой магии смерти был огромным. Увернуться не получится, позади Ласкан. Да и Су зацепить может. Тварь! Я столько времени держал силу смерти в себе, ограждая малышку от малейших колебаний равновесия. Ей нельзя чувствовать силу, она пробудит ее. Это хуже, чем смерть. Это хуже... Выбора нет!

— Echuia, nin balan![2]

Изнутри вырвался рык. Моя сущность пробуждалась. Она рвалась на волю, сметая все преграды. Как давно я не чувствовал себя полноценным. Как давно я хотел выпустить зверя. Он ревет, возвещая о своем приходе. Он жаждет крови, крови проклятой. Сила смерти выходит из заточения вместе с моим истинным обликом. Волосы падают до пят, вставая дыбом у корней. Глаз разрезает вертикальный зрачок, улучшая четкость восприятия и реакцию. Острые лезвия когтей прорезают кожу, высвобождаясь за много веков впервые. Красные пятна скачут в воздухе. Как я жажду крови!

— Delu rem![3]

С пальцев срывается заклинание тлена. Эта сеть способна превратить в прах все, чего коснется. От нее не уйти, и проклятая не исключение. Теперь у нее не было и шанса! Ни у кого его отныне нет!

— Randir![4] — в агонии кричала мертвая.

Она узнала своего убийцу.

Алкайна Вайне

Всевышние! Что здесь вообще происходит?! Меня отбросило за линию леса, поэтому я не сразу смог сориентироваться в пространстве, но когда сие дело получилось, я застыл от удивления. Двое из наших уже активировали купол. А значит, мы несем потери, и, вполне вероятно, проигрываем. То, что банши стояла с мечом против двух проклятых, уже говорило

о плачевности нашего положения. Но то, что феникс сражается, и вовсе не укладывалось в голове. Чем он-то может помочь?

Я решительно направился к Ласкану. Пока он будет возрождаться, я смогу заменить его, а то, не дай Всечувствующие, василиск пойдет третьим на красавицу. Но я не успел подкрасться к противнику. Слова феникса застали меня на подходе и заставили остановиться.

— Это мой бой, оборотень! Я не прошу тебе вмешательства! — голос был твердым и жестким. У меня даже холодок пробежал по переносице. У нас, оборотней, это чувствительное к опасности место. Спорить я не стал, а доверился носу.

Как я рад, что не вмешался, поскольку последующее ломало все мои прошлые представления о фениксе.

Для начала, Ласкану было глубоко начхать на замораживающий взгляд василиска, что жутко злило второго. Когда битва на расстоянии закончилась ничьей, Альсакор рванул на противника с мечом наперевес. Мгновение, и лезвие режет лишь воздух, а феникс стоит в таре от советника, даже не пытаясь контратаковать. Да он издевается!

— Ах ты, сученыш! Надо было тебя задрать до смерти, или снять с тебя кожу и отдать рабам на растерзание!

— Ты был на волоске от собственной смерти. Что ты мог? — спокойно парировал принц.

— Я мог сделать с тобой все, — зашипел василиск и кинулся на врага.

Вновь легкое движение воздуха и феникс уже за спиной Альсакора, а меч режет пустоту.

— Ты до сих пор в это веришь? — высокомерно приподняв одну бровь, Ласкан смотрел на советника, как на грязь со своей подошвы. Даже меня проняло. Сразу почувствовал себя самой низшей тварью на свете.

— Если бы не моя госпожа, твои пальцы ломались бы еще до достижения моей кожи. От тебя и пепла не осталось бы, — уй, мурашки по коже от такого холодного и страшного голоса.

— Много о себе мниш-ш-шь, мальчишка, — еще один выпад со стороны советника, но теперь его рука, не достигая цели, плетью виснет в тানে от груди Ласкана.

— А-а-а-а! — Боги! Какой истошный крик. Даже уши хочется прижать, — ты сломал мне руку, ублюдок! Розовое отродье!

— Я предупреждал. Ты не коснешься меня, — странный блеск розовых глаз завораживал, как и легкие, гибкие движения хранителя истории. Как же величественен он был в этот момент. Истинный король своего народа!

— Нх... я уже изрядно полапал тебя. Захочу, сделаю это снова... ш-ш-ш... — василиск крепко сжимал правую руку, шипя себе под нос.

Боль была огромной, но советник перехватил меч здоровой рукой и вновь напал. Как и в прошлый раз, оружие не достигло цели. Лезвие скользнуло по белой, вышитой золотыми нитями рубашке принца и безвольно обвисло в переломанной руке, что мгновением позже выронила его.

— Нгх... А-а-а-а-а!

— Теперь ты беспомощен, как и твои жертвы. Но я еще не закончил. Я видел все зверства, что ты совершил. Смерть не будет для тебя достаточным наказанием.

Я не видел, что произошло дальше, но догадался по контексту. Обе ноги Альсакора не

двигались и лежали кривыми обломками, вывернутые множество раз. Количество переломов было не сосчитать. Василиск орал, проклинал и умолял. Слезы беспрестанно текли из его уже слепых глаз. Он молил о смерти, захлебываясь кровью. Смотреть на то, что осталось от советника, уже не было сил.

Феникс мстил. Это читалось между строк его действий. Но за кого? Неужели за всех тех, кого замучил Альсакор? Возможно, принц в своем праве, но я и предположить не мог, насколько жесток и опасен может быть Ласкан. Это не укладывалось в моей голове.

— Ты умрешь. Я не такой монстр, как ты. Но я не пушу твою душу на перерождение. Она будет вечно в плену моего огня. Горы будут рассыпаться, ущелья расти, века сменять друг друга, но для тебя перемен не будет. Время встанет для тебя. Отныне у тебя есть палач, и имя ему — Вечность!

Феникс подошел вплотную, чуть сдвинул рукав вверх и опустил голую ладонь на голову василиска. Миг и все тело советника вспыхивает розовым пламенем словно факел, обильно смазанный маслом, и тут же осыпается пеплом к ногам принца.

— Жаль, с карателями такое не провернешь, — вздохнул Ласкан.

А я где стоял, там и сел. Слов нет! Только выть хочется.

Широварт ла Эк

Нет! Девочка моя! Только не это! Как я допустил такое? До сих пор перед глазами стоит жуткая картина пробуждения банши.

Черный туман сочился сквозь всю одежду Су, обволакивая ее страхом, болью и ужасом. Сила пробуждалась, снося все преграды на своем пути. Теперь это не остановить. Дело времени, когда банши уничтожит все вокруг себя.

Два ифрита пятились назад от разворачивающегося действия, забыв обо всем. И я их понимаю. Сила смети была удушающе-мощной. Даже рядом стоять было невыносимо тяжело. Когда же туман рассеялся, перед нами предстала пробужденная. Черные с алым отливом волосы метались в воздухе, как крылья ворона. Глаза горели безумным желто-зеленым блеском, прожигая души насквозь. Это уже не моя ученица, это чудовище. Я должен исполнить свой долг и, наконец, покончить с этой болезненной связью. Если бы я не питал слабость к ней ранее, все уже давно было бы решено. Всевышние, как я ненавижу это! Она мое проклятье, она моя слабость! Ра-а-а-ар!

Пока я боролся со своими демонами, Су напала. Чудо, что ее целью оказались ифриты. Всего взгляд, и разумные сгорели в черном могильном огне, не успев даже попытаться сдвинуться с места. Взмах рукой, и огненный барьер пал, уничтожая все, что было внутри. Белоснежная макушка сверкнула в черном пламени и кисть банши дрогнула. Черный огонь затих, стелясь по земле, лапаясь к ней, как верный пес. Что остановило тебя, пробужденная?

Сила! Безграничная сила окутала меня. Она шептала мне о могуществе, она оплетала меня своими нитями. Как же уютно. Нет проблем, нет чувств. Нет ничего. Милостивая тишина и пустота. Мое спасительное забвение.

Но что-то дернуло меня наружу. Неуловимо знакомое и бесценно дорогое моему сердцу.

Нет! Пусть туман и рожденное им пламя поглотят все, что когда-либо тревожило меня. Мне все равно.

Свет. Узкий луч пробился сквозь мой заслон. Нет, это не луч, это лишь отблеск от белоснежно-пепельных волос, что так часто всплывали в воспоминаниях, возрождая дорогой сердцу образ.

Глаза стали видеть. Уха коснулся гул ревущего пламени. Пусть оно потухнет. Нельзя, чтобы он пострадал. Так было прежде. Так все закончилось.

Воин кашир медленно приближался, и в глазах его больше не было безумия, что рвало мне сердце. Он был самим собой. Великим Хранителем Долины трех лучей, моим другом и возлюбленным. Сильнейший маг земли нашего мира! Арк Тариван Атар! Моя хрупкая надежда и мое проклятье!

Вечер. Накрапывает дождь, медленно наполняя редкие лужицы. Он невидим из окна, но ощутим на улице. Настолько мал, что падая на траву, тут же исчезает, слизываемый теплым ветром. Пусть вечерний покой нарушен сорванцом-дождем, он все еще безмятежен. Маленький проказник проливает первые, еле ощутимые слезы о грядущем. Он лишь предвестник больших перемен — урагана, что сметет все на своем пути. Еще более пятисот весен небо беспрестанно будет рыдать о потерянном.

— Не смей уезжать! Как ты можешь оставить долину без защиты?!

Отчаянный крик скорбящей заполнил большую залу, отражаясь от стен. Но даже во множестве своих отзвуков он не достигал понимания со стороны Хранителя долины.

— Гарна зовет на подмогу. Я не могу отказать союзникам. Если они люди, то это не значит, что им не нужно помогать, — спокойно, надевая латы на голени и затягивая шнуровку, отвечал воин.

Он сидел на кроваво-красной тахте, склонившись к полу, и говорил, даже не поднимая глаз на жрицу. Такое отношение казалось пренебрежительным, но маг просто не мог смотреть на банши. Боль и сожаление каждый раз сковывали его сердце, когда взгляд выхватывал хоть черточку ее лица. Эта поездка для него спасение — возможность побыть вдалеке от своей страсти. Как он может отказаться от нее.

— Я никогда не принижала существование людей. Я лишь хочу донести до тебя свою мысль. Человеческий род коварен. Не секрет, что первые нападения на долины, пусть и неудачные, совершались людьми. Ты — хранитель. Ты не можешь забрать часть войска, оставив нас без достойной защиты! Одумайся, Атар! Как же твоя семья? — девушка уже не кричала, а просто старалась прорваться сквозь защиту, которой оградил себя воин.

— Моя семья в безопасности, — разговор зашел в тупик, — Ласкан же сказал, заговора нет. Ты не веришь истинному сыну хранителей истории?

— Он не видит будущего, только прошлое и настоящее.

— И все же, никто не сможет так быстро подготовить армию к нападению, не планируя этого заранее, — девушка хотела возразить, но ее остановили, — Все! Вопрос решен. Мы выезжаем сегодня же. Оставляю долину на тебя.

Воин резко вскочил и направился к выходу. Тусклый свет свечей скользил по магу, освещая лишь половину его лица, когда он проходил мимо скорбящей. Ни единый мускул не дрогнул, пока кашир не разминулся со жрицей. И только у выхода на лицо легла тень,

очерчивая сведенные скулы и блестящие болью изумрудные глаза. Боль снесла своего хозяина заживо. Он совершил ошибку. Самую большую ошибку в своей жизни, когда понадеялся, что банши примчится в священный дом и остановит его. Она должна была помешать церемонии. Тогда в его постели засыпала бы любимая женщина, а не та, которую предложила банши. Почему он сам не остановил жреца, когда тот читал заклинание? Почему не отрубил себе руку, которую извилистой лозой обхватывал побег хейши? Нет знака связи, нет брака. Всевышние, почему она не пришла!?

— Дана, мне жаль, — от окна отлепилась тень, обретая черты феникса по мере приближения к огню, — я и вправду не вижу заговоров, но это не значит, что в ближайшие рассветы таковой не возникнет.

— Я знаю, рубин. Он уже все решил, — девушка внимательно разглядывала языки пламени, чьи отсветы играли на ее спокойном лице.

— Зачем тогда переубеждала?

— Потому что это верно. Мы остаемся без защиты, — тяжело вздохнув, она повернулась к фениксу, — мой розовый рубин, ты ведь едешь с ним?

— Ты хорошо меня знаешь, — лукаво улыбнулся принц, — если я увижу хоть что-то подозрительное, тут же верну нашего правителя в родную долину. Не переживай, я не подведу.

— Боюсь, не в твоих силах будет помешать чему-либо.

— Эй! Я ради твоего спокойствия собираюсь недели три проторчать в седле, а ты говоришь, что от меня нет никакого толку? — возмутился хранитель истории.

— Я не сомневаюсь в тебе. Но есть вещи, изменить которые не в нашей власти, — банши неуверенно натянула губы, изображая улыбку, и снова отвернулась к камину.

Только ей ведомо это чувство неотвратимой беды. Будут смерти. Много смертей, и избежать их не суждено никому. Когда судьба выбросила тебе черную карту, от нее уже не скрыться. Кому как не скорбящей, что отпевает умерших с самого сотворения этого мира, знать об этом. В этом ее дар и ее крест.

Хранитель покинул долину на рассвете. Тремя рассветами позже на Долину трех лучей напали неизвестные. Отряды карателей и магов рушили все преграды на пути к центру объединенной страны. Хватило одной ночи, чтобы уничтожить все население. Феникс увидел подступающие войска только на второй рассвет путешествия. Как ни гнали они лошадей, долины достигли только к предрассветным сумеркам четвертого рассвета. Но лишь один воин вошел в долину.

Враг был хитер. На протяжении двадцати весен он расселял своих людей на прилегающих к долине территориях. Никто не знал о его планах, кроме него самого. Некромант был осторожен. Он знал о фениксе в свите хранителя, поэтому не собирал войско в открытую. Выманив главную угрозу из Трех лучей, он проложил себе дорогу в подпространственный карман. Рассвета хватило на подъем войска и вары на приступ. Идеальный план, омраченный лишь пробуждением скорбящей. Такой незначительный промах, что не мог быть просчитан. Всего лишь случайность, что защитила долину от посягательств, но усыпила ее мертвым сном.

Подоспевшие эльфы добились оставшихся магов и карателей, но долина была потеряна. Никто больше не вошел в величайшую страну этого мира.

{Около пятисот весен назад, во время нападения на Три луча}

Ужас! Ужас обьял меня, когда начали всплывать картины прошлого. Всевышние, как такое могло случиться?! Поля, усеянные трупами всех рас и возрастов. Реки, обогранные смешанной кровью. Это было жутким наваждением. А потом удар. Волна черного тумана, сметающего все на своем пути. Я даже не пыталась его остановить, наоборот, я гнала его все дальше и дальше, не разделяя на врагов и своих. Я просто хотела убить все, до чего дотягивался мой взор. Но одинокая фигура, когда-то важного для меня человека остановила поток убийственной энергии. Его смерти я не хотела, но он умирал. Умирал от вины, за то, что не защитил свой народ, за то, что я стала чудовищем. Его душа убивала сама себя, погибая вместе со всем вокруг. Этого я не могла допустить. Он должен выжить!

Я помню, как пришла в себя. Как всего на несколько вар, но стала самой собой. Все было потерянно. Оставалась только надежда. Надежда на то, что все можно вернуть. И я собиралась возродить этот тлеющий осколок в душе воина, что погибал за нас. Осколок, которому суждено быть острым! Суждено рвать душу хранителю, не давая забыть о важном, и просто умереть. Я дарю тебе его. Острый осколок тлеющей надежды на возрождение!

Конец второй книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] Varnasse! — Защита!

[2] Echuia, nin balan! — Пробудись, моя сила!

[3] Delu rem! — Смертельная сеть!

[4] Randir! — Скиталец!